Казанский (Приволжский) федеральный университет

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика

Международная конференция
(VIII Бодуэновские чтения)

Казанский федеральный университет
17–20 ноября 2021 г.

Труды и материалы
Том 1

J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics

International Conference

Kazan Federal University
November, 17–20, 2021

Proceedings
Volume 1

Казань – 2021

УДК 80/82
ББК 80/83
Б75

Издается в рамках реализации мероприятий Государственной программы ˝Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы˝ по заказу ГАОУ ДПО ˝Институт развития образования Республики Татарстан˝ (договор № 606 от 9 ноября 2021 г.)

Под общей редакцией
Р.Р.Замалетдинова, Е.А.Горобец, Э.А.Исламовой

Б75 **И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика**: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р.Замалетдинова, Е.А.Горобец, Э.А.Исламовой.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021.– Т.1.– 280 с.

ISBN 978-5-00130-547-7 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-546-0

В первый том трудов и материалов Международной конференции ˝И.А.Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика˝ включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на секции: ˝Клиническая и нейролингвистика, психолингвистика˝, ˝История русского языка. Digital Humanities˝, ˝Прикладная лингвистика. Морфемика и словообразование. Актуальные вопросы грамматики˝, ˝Семантика и прагматика. Текст и дискурс˝.

УДК 80/82
ББК 80/83

ISBN 978-5-00130-547-7 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-546-0

© Казанский федеральный университет, 2021

Агеева Юлия Викторовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Бидеркесен Дурду
Эрджиеский университет
УДК 811.161.1

На войне как на войне: лексика военного дела в период пандемии

военная лексика, средства массовой информации, манипуляция, воздействие, *пандемия*

В последние годы в лингвистике становится все более востребованным выявление различных механизмов и средств языка, с помощью которых осуществляется манипуляция в СМИ. К числу таких средств относят языковую игру, риторические вопросы, креолизованные тексты, эвфемизмы, заимствованную лексику, окказионализмы, а также трансформацию фразеологизмов, употребление местоимения *мы* и т.д.

Несомненно, эффективным средством манипуляции сознанием адресата СМИ является военная лексика, хотя данный аспект ее функционирования явно недооценен. Некоторые исследователи уже затрагивали этот вопрос. Например, Ю.А.Горностаева [Горностаева 2018], А.В.Колмогорова и Ю.А.Талдыкина [Колмогорова 2016] относят военную терминологию к языковым маркерам манипуляции, однако, на наш взгляд, данная сторона актуализации военной лексики требует

более глубокого изучения, что и обусловливает **своевременность** представленного исследования.

Целью работы является изучение особенностей функционирования военной лексики в современных СМИ как средства манипулятивного воздействия на сознание читателей. Источником для анализа стали статьи и публикации о новой коронавирусной инфекции COVID-19 ведущих интернет-СМИ: газеты ˝Комсомольская правда˝ (URL: https://www.msk.kp.ru), информационных агентств (порталов) ˝Военное обозрение˝ (URL: https://www.msk.kp.ru), ˝Рамблер˝ (URL: https://news.rambler.ru), Pravda.ru (URL: https://www.pravda.ru).

Как известно, публикации СМИ чаще всего посвящены наиболее актуальным в данный момент проблемным темам. И одной из таких тем в течение последних лет неизменно является тема пандемии нового коронавируса. Заголовки статей о коронавирусе, в которых фигурирует военная лексика, встречаются практически во всех СМИ. Например: *˝Новое глобальное **оружие**: коронавирус сильнее **бьет** по Западу, чем по России˝* (24.02.2020), *˝Коронавирус – идеальное **оружие** в **схватке** мировых элит˝* (15.04.2020) [Там же]. При этом используются и слова, и словосочетания, обозначающие явления военной сферы: *˝Коронавирус во Франции: Макрон объявил **военную операцию**˝* (26.03.2020), *˝Коронавирус против **ядерной мощи** британской короны˝* (9.04.2020), где новый вирус, как правило, выступает в качестве оружия, а пандемия сравнивается с войной и военными действиями.

Наиболее сильным элементом текста СМИ является заголовок –˝квинтэссенция˝ газетной статьи [Задровская 2014: 143], с помощью которого внимание читателя привлекается и к проблеме, поднимаемой в публикации, и к самой данной публикации. Помещённая в заголовке военная лексика становится особенно эффективной и воздействующей. Приведённые выше примеры демонстрируют, что слова и выражения военной тематики используются для характеристики ситуации с коронавирусом на протяжении всего времени освещения данной проблематики в СМИ.

В таких заголовках с помощью военной лексики нагнетается напряжение и происходит манипуляция сознанием читателей, возникают ассоциативные смыслы и представления, связанные с войной. Журналист сознательно или неосознанно обращается к негативному восприятию войны, свойственному сознанию любого человека, и использует это восприятие в своих прагматических целях – чтобы привлечь внимание к статье, к проблеме, ˝навязать˝ читателю определенное мнение. Военная лексика нередко играет роль языкового средства запугивания адресата. Например, статья с заголовком *˝Коронавирус вместо* ***ядерной войны˝*** (15.05.2020) посвящена проблемам последствий пандемии – падению производства, экономическому кризису и т.п. С какой целью автор статьи такой тематики выбрал настолько ˝пугающий˝ заголовок, вполне очевидно: с его помощью журналист пытается манипулировать сознанием читателя и добиться того, чтобы испуг сменился любопытством, чита-

тель заинтересовался материалом и в результате обязательно его прочитал.

В ходе исследования было отмечено, что слова и сочетания военной тематики могут использоваться и в переносном значении, и в прямом [Biderkesen 2019]. Выше приведены в основном примеры их употребления в переносном смысле, когда образ войны используется в контексте концептуальной военной метафоры. В прямом значении военные слова и сочетания обозначают именно реалии военного дела и военные события, коронавирус рассматривается как один из новых видов оружия.

Например: *˝Может ли коварный коронавирус быть генетической* ***бомбой*** *против китайцев?˝* (29.01.2020), *˝****Армия даст бой*** *коронавирусу. Как в войсках России готовятся к отражению заразы˝* (20.03.2020), *˝Доказано: коронавирус Covid-19 создан как* ***биооружие****˝* (7.04.2020), *˝Коронавирус уничтожает* ***авианосцы*** *США˝* (9.04.2020), *˝****Военные*** *вирусологи честно рассказали про COVID-19˝* (8.05.2020). Тем не менее, они также оказывают воздействие на читателя, у которого создаётся образ сильного биологического врага, искусственно созданного военными учеными или с которым сражается целая армия.

Среди заголовков СМИ были выделены и такие, в которых военная лексика не функционирует рядом с лексемой *коронавирус*, а используется вместо неё: *˝В России высказались о новой* ***“гонке вооружений”*** *с США˝* (14.05.2020). Читатель воспринимает информацию как новость военной сферы и, только перейдя по гиперссылке и начав читать статью, узнает

реальные сведения: *˝Россия не планирует участвовать в **“гонке вооружений”** с США по созданию препаратов от нового **коронавируса**˝*.

Отмечены публикации, заголовки которых построены на имплицитно заложенной информации – военные термины не употребляются, но они подразумеваются. Например: *˝COVID-19: глобальному **миру** приходит **конец**˝* (14.03.2020). В представлениях читателей ˝конец мира˝ – это и есть война. Формально военная лексика в данном случае не использована, но в представленном заголовке с помощью нейтральных слов автором закладывается имплицитно ˝военный смысл˝, что оказывает на адресата ещё более сильное воздействие, чем эксплицитно выраженная информация в других заголовках.

Таким образом, активное использование военной лексики в СМИ связана с её коннотативным и эмоциональным потенциалом. Отрицательное отношение обычного человека к войне даёт возможность журналистам при помощи военной лексики манипулировать сознанием людей, вызывать у них негативные эмоции (опасение, страх, тревогу, волнение, беспокойство) по отношению к тому или иному описываемому в СМИ явлению, в том числе к коронавирусу.

В заключение хочется отметить, что актуализация военной терминологии стала популярным средством речевой манипуляции для современных журналистов, особенно в периоды серьезных общественных проблем. Нередко излишне активное обращение к лексике военного дела является признаком недо-

статочно высокого профессионализма автора публикации. С целью эффективного воздействия на читателя журналист обращается к наиболее доступному средству, не затрудняя себя поиском столь же эффективного, но менее психологически разрушительного языкового элемента.

Для современной аудитории СМИ важно понять, что ˝военное слово˝ в публикациях СМИ часто является элементом, использование которого позволяет журналистам воздействовать на чувства граждан. Понимание этого позволит читателям противостоять манипуляции и не воспринимать военную лексику как признак опасности. Формирование умения избегать деструктивного манипулятивного воздействия СМИ очень актуально для современного читателя.

Литература

Горностаева Ю.А. Военная терминология как вербальный маркер манипуляции: опыт автоматического анализа текстов / Ю.А.Горностаева // Казанская наука. – 2018. – № 5. – С.54-56.

Задровская Е.С. К проблеме языка заголовков современных СМИ / Е.С.Задровская // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – №6-2. – С.143-144.

Biderkesen D. Military Vocabulary as a Special Element of a Language Lexical System / D.Biderkesen, J.V.Ageeva, U.Sevinc // Journal of Advanced Research in Dynamical & Control Systems. – 2019. – Vol.11. – Special Issue №8. – Pp.467-470.

Агилар-Валера Хосе Алонсо
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 376

Специфическое расстройство речи: клинические характеристики

специфическое расстройство речи, когнитивные процессы, клинический анализ, клиническая оценка, коррекция

В детском возрасте возможны различные проблемы развития, значительно ограничивающие функционирование субъекта независимо от его возраста и/или общественной среды. Специфическое расстройство речи – одно из самих общих и частых нарушений развития коммуникации. Эта проблема характеризуется наличием речевого дефицита (например, фонологического, лексического, синтактического и т.д.), влияющего и на развитие других психологических процессов.

Раннее выявление расстройств во многом зависит от качества их оценки и коррекции, контроля различных факторов, относящихся как к самому субъекту, так и к окружающей его среде.

Специфическое расстройство речи (англ. specific language impairment, SLI) является расстройством развития, характеризующимся наличием трудностей в развитии одного или более языковых компонентов. Детям со специфическим расстройством речи свойственны следующие особенности: бедный словарный

запас, проблемы в организации структуры высказывания, нарушения коммуникативного плана [American 2013; World 2017; Микадзе 2021; Смирнова 2020].

Варианты этого расстройства классифицируются в зависимости от структуры дефицита. Как правило, специфическое расстройство речи выявляется специалистами ближе к трем годам. У ребенка могут замедленно формироваться также иные когнитивные процессы, которые сопряжены с речевым развитием: внимание, рабочая память и регуляторные функции [Quintero 2013; Verche 2013].

Клинический анализ зависит от подхода, выбранного специалистами: с одной стороны, количественного, с помощью психометрических (логопедических, нейропсихологических) тестов, таких как тесты Векслера (Wechsler Preschool & Primary Scale of Intelligence [WPPSI™-IV], Wechsler Intelligence Scale for Children [WISC-V]), клиническая оценка речи (Clinical Evaluation of Language Fundamentals [CELF]), тест Пибоди (Peabody Picture Vocabulary Test [PPVT-5]) и т.д. [Carballo 2012; Dunn 2019; Wechsler 2012, Wechsler 2014; Wiig 2013], и, с другой стороны, качественного подхода. Для их правильного применения специалисты должны адаптировать каждый из этих материалов к реальной ситуации [Mendoza 2010].

Существует много подходов к коррекции расстройств речи, используемых специалистами: с одной стороны, есть программы речевого развития, методы, основанные на достижениях современной медицины, нейрофизиологии, нейропсихологии и

специальной психологии. С другой стороны, существуют специализированные компьютерные программы, например Fast ForWord Language [Acosta 2012].

Эффективность методов зависит и от других важных факторов, таких как профессиональная подготовка специалистов, семейная помощь, окружающая среда и т.д. Многие специалисты рекомендуют анализировать эти факторы и интегрировать различные методы и техники, учитывая особенности случая, физические возможности ребенка и условия окружающей среды.

Литература

Микадзе Ю.В. Нейропсихология детского возраста / Ю.В.Микадзе. – СПб., 2021.

Смирнова И.А. Логопедия: Иллюстрированный справочник / И.А.Смирнова. – СПб., 2020.

Acosta V. La intervención logopédica en los trastornos específicos del lenguaje / V.Acosta // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2012. – № 32. – P.67-74.

American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. – W.D.C., 2013.

Carballo G. Guía para la evaluación del TEL: algunas consideraciones / G.Carballo // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología – 2012. – №32. – P.87-93.

Dunn D. Peabody Picture Vocabulary Test (5th ed.) / D.Dunn. – B., 2019.

Mendoza E. Trastorno específico del lenguaje (TEL) / E.Mendoza. – M., 2009.

Quintero I. Disfunción ejecutiva en el Trastorno Específico del Lenguaje / I.Quintero, S.Hernández, E.Verche et al. // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2013. – №33. – P.172-178.

Verche E. Alteraciones de la memoria en el Trastorno Específico del Lenguaje: una perspectiva neuropsicológica / E.Verche, S.Hernández, I.Quintero, V.Acosta // Revista de Logopedia, Foniatría y Audiología. – 2013. – №33. – P.179-185.

Wechsler D. Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence: Fourth Edition / D.Wechsler. – S.A., 2012.

Wechsler D. Wechsler Intelligence Scale for Children: Fifth edition (WISC-V) / D. Wechsler. – S.A., 2014.

Wiig E. Clinical Evaluation of Language Fundamentals: Fifth Edition (CELF-5) / E.Wiig, E.Semel, W.Secord. – B., 2013.

World Health Organization. ICD-11. International classification of diseases for mortality and morbidity statistics. – G., 2017.

Бакшаева Алёна Андреевна
Казанский федеральный университет
УДК 811.161.1

О так называемых охридско-преславских лексических парах в Федоровском II паримейнике (к интернет-изданию рукописи)

древнерусский язык, паримейник, охридизмы, преславизмы

Паримейник представляет собой главным образом избранные ветхозаветные чтения. Как богослужебный текст паримейник должен был быть переведен еще в кирилло-мефодиевскую эпоху вместе с избранными Евангелием и Апостолом. Эти тексты играли важную роль в развитии литературных языков древних славян. Древняя Русь получила богослужебные книги через посредство южных славян, следовательно, у истоков древнерусской письменной культуры лежит письменность южнославянская.

Древняя южнославянская литература, как мы знаем сейчас, была неоднородна, в наиболее ранний период в Болгарском царстве обычно выделяют охридскую и преславскую школы книжности. Известно, что первая тесно связана с кирилло-мефодиевской глаголической традицией, в то время как вторая способствовала введению новых лексических вариантов в переводах с греческого.

Самый древний южнославянский список славянского паримейника – Григоровичев паримейник XII–XIII вв. – был издан

в Скопье в 1998 г. З.Рибаровой и З.Хауптовой. Авторами издания он отнесен к памятникам юго-западного, македонского происхождения. Этот факт говорит о том, что протографами древнерусских списков могли быть рукописи как юго-западного, так и восточноболгарского происхождения, однако в первых лучше сохранялась кирилло-мефодиевская лексика.

Древнерусские переводы, согласно монографическому исследованию А.А.Пичхадзе, наряду с древнерусской лексикой широко использовали лексические варианты, сложившиеся при освоении кирилло-мефодиевских переводов у южных славян. Таким образом, древнерусская письменность изначально столкнулась с лексической вариативностью в текстах южнославянского происхождения [Пичхадзе 2011].

Безусловно, паримейник был одним из источников лексических единиц для таких переводов. В рамках статьи будет рассмотрен ряд охридско-преславских лексических пар в так называемом Федоровском II списке паримейника (РГАДА, Тип. 60), вторая половина XIII в., который недавно был размещен в Казанской электронной коллекции славяно-русских памятников XII–XIV вв. (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

Подбор лексических дублетов сделан на базе труда немецкого слависта Кристофера Фосса, у которого даны соотношения преславских и охридских лексем в среднеболгарском Паренесисе Ефрема Сирина 1353 г. [Voss 1991, 99-103]. При этом охридские параллели в этом перечне наследуют кирилло-мефодиевскому лексическому слою в более поздних списках

переводов. На данный момент проанализировано 38 пар лексических дублетов (около 230 контекстов). Выборка лексических звеньев проводилась при помощи однотекстового запросного модуля ИАС ″Манускрипт″. Следует отметить, что приведённая выборка предварительная и будет дорабатываться в дальнейшем.

В результате анализа были выделены следующие группы:

1) Присутствует только один член пары – так называемый ″охридизм″ (31 пара, 173 контекста). Следует отметить, что данный термин используется условно как обозначение юго-западной, непреславской лексики. Пары, в которых присутствует только ″преславизм″, на данном этапе исследования не обнаружены.

Данная подгруппа самая обширная. В большинстве случаев количественное преобладание охридского варианта незначительно, однако общее число примеров позволяет сделать предварительный вывод о некотором влиянии кирилло-мефодиевской переводческой школы в области лексики.

Весьма показательной в данном случае является пара *дѣля* (0), *дѣльма* (0) – *ради* (50)[1]. Так в паримейнике повсеместно используется послелог *ради* (50), в то время как древнерусские книжники предпочитали характерный для восточноболгарских памятников синоним. Среди других примеров

[1] Здесь и далее примеры даются в упрощённой орфографии (графема «я» употребляется в качестве «а йотированного»).

стоит упомянуть такие наиболее частотные лексемы, типичные для кирилло-мефодиевских переводов, как *постъ* (13), *ѻлътарь* (8), *иѥрґьи* (6), *риза* (9), *кровъ* (6), *съвґьдґьтель* (9), *лукавъ* (7), *льсть* (7), *жрьтва* (7).

2) Присутствуют оба члена пары; в рамках данной группы необходимо выделить три подгруппы.

В первой подгруппе преобладает ˝преславизм˝.

Данная подгруппа незначительна по объёму и включает всего 2 пары лексем: *масло* (3) – *ѻлґьи* (1), *пастухъ* (4) – *пастырь* (1).

Лексемы первой пары встречаются трижды: в отрывке из 3Цар: 17:12-16 на л. 91 об. греческое *ἔλαιον* трижды переводится как *масло*: *и мало* <u>*масла*</u> *въ цьванци; и цваньць* <u>*масла*</u> */ не умалитьсѧ; и цваньць масла / не умалисѧ.* На л. 100 в отрывке Иоиль 2:24 находим иной перевод – *ѻлґьи: и на/пълнѧтсѧ гумь/на ваша пшеница / и пролґьютьсѧ то/чила вина и* <u>*ѡлґья.*</u>

Во второй паре слов преславизм *пастухъ* (4) при греч. *ποιμήν* представлен четырежды: Иов 1:16 *ѥще ѥму глщю / приле инъ вґьсть/никъ къ иѡву / гл҃ѧ ѡгнь паде съ / н҃бсе на землю и /пожьже ѡвча и /* <u>*пастухы*</u> 70. Исх 2:17 *пришьдъ/ше же* <u>*пастуси*</u> */ ѿгнаша я* 72-72 об. Исх 2:19 *ѡны же / рґьша мужь ѥу/птѧнинъ изба/ви ѿ* <u>*пастухъ*</u> */ и почерпа намъ / и напои ѡвча на(ш)* 72 об. Иер 12:10 <u>*пасту/си*</u> *мнози просмра/диша виногра(д) мо/и ѡсквьрниша ча/сть мою и даша ча/сть въжеланую м(о)/ю въ пустыни бе/зводьну* 75.

На л. 96 встречается единичное *пастырь* (1) в отрывке

Ис 63:11 *Тако гл҃ть гь҃ къ/де ѥсть възве/дыи* <u>*пастыря*</u> *ѿ / землѧ ѡвьць сво/ихъ кде ѥсть поло/живыи въ нихъ / дх҃ъ ст҃ыи*.

Во второй подгруппе преобладают ˝охридизмы˝. Данная подгруппа включает в себя всего 3 пары: *ближьнь* (2) – *искрьнь* (4), *жизнь* (2) – *животъ* (13*), въторою* (1) – *въторицею* (2).

В паре слов *ближьнь* (2) – *искрьнь* (4) при греч. *πλησίον* ˝преславизм˝ употребляется в следующих контекстах: Исх 2:13 *и/шьдъ же вторыи /дн҃ь и узрѣ два мужа жидовин(а) / тѧжющасѧ и гл҃а / ѡбидѧщюму п(о)/что биѥши* <u>*бли/жнѧго*</u> 72. Притч 9:12 *Сне аще прему/дръ будеши / се бо прему/дръ будеши и /*<u>*ближьнимъ*</u> *ащ(е) / ли злъ будеши ѥ/динъ почьрпеши/ злая* 21.

Следующие контексты содержат ˝охридизм˝: Быт 11:3 *и ре(ч) чл(в)къ / къ* <u>*искрьнюму*</u> *сво/ѥму придете ство/римъ плиты испе/чемъ я ѡгньмь / и бы(с) имъ плинтъ / въ камень и асфа/лтъ бѣ имъ бьрни/ѥ* 32 об. Быт 11:7 *придѣте ни/зъшьдъше размѣ/симъ ту языкы / ихъ да не услыши/ть кождо гласа* <u>*и/скрьнѧго*</u> *своего* 35. Ис 41:6 *судѧи кождо по/мощи* <u>*искрьню/му*</u> *своѥму* 43 об. Исх 12:4 *аще ли ма/ло ихъ ѥсть въ до/му яко не дово/лномъ быти съ ѡ/вча да прииметь / съ собою и сусѣда /* <u>*искрьняго*</u> *своѥго / по числу дш҃ь ко/ждо довольноѥ си / ѡвча причте* 83 об.

Во второй паре *жизнь* (2) – *животъ* (13) при греч. *ζωή* преславизм находим в следующих контекстах: Притч 10:16 *дѣла / правьдьныхъ* <u>*жи/знь*</u> *творѧть плоди / же нечьстивыхъ*

/грѣси 24. Притч 22:4 *родъ му/дрости боязнь / г(д)нѧ бг҃тьство и / слава* <u>*жизнь*</u> 63.

″Охридизм″ встречается в следующих контекстах: Притч 11:30 *ѿ плода пра/вьдна прозѧбаѥ/ть дубъ* <u>*животу*</u> */ ѿѥмлетсѧ без го/да д҃ша законопре/ступьнаго* 29 об. Быт 7:11 *Бы въ шестьсъ/тьноѥ лѣ(т) въ* <u>*животѣ*</u> *ноѥвѣ вто/раго м(с)ца въ / двадьсѧть се/мыи м(с)ца* 22 об. Исх 1:14 *и ѡскъ/рблѧху* <u>*животъ*</u> */ ихъ дѣлы жесто/кыми* 67. Притч 9:11 *и приложать / ти сѧ лѣта живо/ту* 19 об, в том же контексте на 21 об (Притч 9:18). Притч 10:3 *не гла/домь заморить г҃ь / д҃ша правьдны и /* <u>*животъ*</u> *же нечь/стивыхъ разори/тьсѧ* 23 об. Быт 8:13 *и б(с)ы въ шестьсъ/тьноѥ и пьрвоѥ лѣ/то* <u>*живатъ*</u> *ноѥ/въ* 26-26 об. Притч 11:19 *Сынъ правьдьнъ / ражаѥтсѧ въ /* <u>*животъ*</u> *гонени/ѥ же нечтивымъ/ въ смрть* 29. Притч 16:17 *лю/бѧи* <u>*животъ*</u> *свои щадить уста сво/я* 47 об. Притч 19:23 *боязнь г(д)нѧ / мужеви въ* <u>*жи/вотъ*</u> *а прельще/ныи въ вратѣхъ / въселитсѧ на мѣ/стѣхъ идеже не / посѣщаѥтсѧ ра/зумъ вѣчныи* 56. Притч 21:21 *путь правь/дьныхъ мл(с)твъ / ѡбрѧщеть* <u>*живо/тъ*</u> *и славу* 59. Быт 45:5 *въ* <u>*животъ*</u> */ бо посла бо мѧ бъ /предъ вами* 61 об. Ион 2:7 *ѥгда изи/де(т) из истлѣния /* <u>*животъ*</u> *мои к те/бе г҃и бе мои* 85.

В третьей паре слов при греч. *δίς, δεύτερον* в значении ‘во второй раз, вторично’ преславский вариант встречается один раз, во фрагменте Быт 27:36 *прельсти бо мѧ / уже* <u>*второѥ*</u> *се пь/рвѣньчьство мо/ѥ взѧ* 55.

Дважды используется юго-западная лексика – *вътори-цеѭ* (2), причем в обоих контекстах наблюдаем северо-западное неразличение аффрикат. Ион 3:1 *и бы(с) слово г(д)не / къ иѡнѣ* *вториче/ю* *гл҃ѧ* 85 об. Ис 61:7 *его ради землю /свою* *вторичею* *на/слѣдѧть и весели/ѥ вѣчноѥ надъ гл(а)/вою ихъ* 93 об.

Равное количество преславских и кирилло-мефодиевских примеров наблюдается в двух парах, которые составляют третью подгруппу: *дубъ* (1) – *дрѣво* (1), *заутра* (1) – *утро* (1).

Первая пара слов *дубъ* (1) – *дрѣво* (1) при греч. *δένδρον*. Обе лексемы встречаются один раз: Притч 11:30 *ѿ плода пра/вьдна прозѧбаѥ/ть* *дубъ* *животу / ѿѥмлетсѧ без го/да д҃ша законопре/ступьнаго* 29 об. Притч 15:4 *цѣ/лениѥ языку /* *дрѣво* *животьно / а иже съблюде и / испълнить и д҃ха* 40 об.

Вторая пара слов, входящих в эту группу при греч. *πρωΐ* *заутра* (1) – *утро* (1) в значении ‘завтра, на следующий день’ употребляется в следующих контекстах: Иов 1:15 *въста/я* *заутра* *ѡцища/ше я приношаше / же по числу ихъ / жертву зане те/льць ѥдинъ* 68. Ис 37:36 *и въставьше* *утро* */ ѡбрѣтоша всѧ/ трупия мьртва* 38 об.

Таким образом, благодаря южнославянским антиграфам паримейников в древнерусской письменности осваивался широкий слой кирилло-мефодиевской лексики, а также лексических вариантов, возникших у южных славян. Наличие же преславской лексики доказывает, что антиграф Федоровского II паримейника прошел своеобразный восточноболгарский, т.е. преславский, фильтр.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-512-18001 ˝Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)˝.

Литература

Федоровский II паримейник, втор. пол. XIII в. (РГАДА, Тип. 60), 107 л. Интернет-издание по цифровой фотокопии: http://mns.udsu.ru/mns/main?p_text=96932569

Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект / А.А.Пичхадзе. – Москва, 2011. – 408 с.

Voss Chr. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränesis Ephraims des Syrers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung / Chr. Voss // Anzeiger für Slavische Philologie. – Band XXIV. – Austria, 1996. – S.95–105.

Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. – Praha, 1966–1997.

Барамыкова Гузель Мнировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81

Хронотоп художественного произведения (на материале английской и русской художественной литературы)

хронотоп, литература, жанр фэнтези, Кира Измайлова, Кэтрин Курц

Один из самых, пожалуй, молодых жанров литературы – жанр фэнтези – с самого момента своего появления привлекает внимание исследователей из самых разных областей. За довольно тяжелым ˝детством˝ последовали бурная юность и многогранная зрелость данного жанра: Дж.Р.Р.Толкин, Дж.Кейбелл, Т.Гудкайнд, А.Сапковский, К.Булычев, Н.Перумов, К.Измайлова, С.Жданова и еще сотни авторов, чьи миры уносили и продолжают уносить своих преданных читателей за рамки ежедневных реалий.

Стоит также отметит, что жанр фэнтези сегодня – это не только литературные произведения, но и десятки компьютерных игр, сотни полнометражных фильмов и мультфильмов, сериалов и любительских видео.

Как и любому другому художественному произведению, произведениям в жанре фэнтези присуща категория хронотопа. Этот термин вошел в филологию благодаря исследованиям

Михаила Михайловича Бахтина – известного российского философа и культуролога. Именно он создал первую классификацию хронотопов художественного произведения на материале античных произведений и дал первое определение термина. Согласно его исследованиям, хронотоп – существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений в художественном мире [Бахтин 1975].

По мере изучения художественного хронотопа и в лингвистике родился вопрос, с ним связанный: какая конкретно лексика описывает хронотоп? К тому же, хронотоп – это собирательное понятие для временной и пространственной характеристики произведения. Тогда и маркированная лексика для этих двух слитых понятий должна быть разной.

Языковые маркеры времени и пространства не сильно отличаются друг от друга. Для передачи хронотопа автору достаточно дать временную локализацию, представить временное соотношение между событиями и описать физические характеристики объектов в пространстве. Здесь же можно рассмотреть и концепцию дейксиса.

Основываясь на проведенных исследованиях, мы можем выделить различные лексические единицы: метафоры; историзмы; архаизмы; фразеологические единицы; аллюзии и т.д.

Однако это единицы, присущие различным литературным произведениям самых разных жанров; если же мы говорим именно о произведениях жанра фэнтези, то следует отметить дополнительные характеристики, например:

– пространственный глобализм – вплетение дополнительных пространств-миров (мир магии и мир маглов в ˝Гарри Поттере˝, многомирье Ника Перумова);

– особенности темпоральной организации текста, в котором бессмертные эльфы с собственным понятием времени живут бок о бок со смертными людьми, чья жизнь – миг в полотне бесконечности бессмертного;

– существование необычных, в том числе разумных, существ, невозможных зверей.

Нас заинтересовал вопрос различия лексического воспроизведения хронотопа в произведениях жанра фэнтези у авторов-носителей двух различных языков – английского и русского. В качестве материала исследования мы выбрали произведения в одном поджанре: ˝Случай из практики˝ Киры Измайловой и “Deryni Rising” (˝Возрождение Дерини˝) Кэтрин Курц.

Мы проанализировали маркированную лексику обоих произведений; поскольку количественная разница между лексикой из произведений Киры Измайловой и Кэтрин Курц велика: 771 лексическая единица против 236 соответственно, нами было принято решение о сравнении лексических единиц из различных квалификационных групп на основе процентного соотношения.

Ниже представлены таблицы, в которых отражена классификация лексики из двух произведений в соответствии со сферами ее использования.

Таблица 1. Классификация лексики.

Кира Измайлова ˝Случай из практики˝

№	Сфера использования	Количество слов	Процентное соотношение
1.	Архитектура	47	6%
2.	Биология	5	1%
3.	Военная лексика	52	7%
4.	География	15	2%
5.	Зоология	4	1%
6.	Искусство	7	1%
7.	Криминальная сфера	10	1%
8.	Магия	147	19%
9.	Социальная иерархия	201	26%
10.	Уклад жизни	180	23%
11.	Устаревшие слова и выражения	30	4%
12.	Устойчивые выражения	65	8%
13.	Характеристика времени	8	1%
	Итого	**771**	**100%**

Наиболее многочисленными группами здесь являются сферы социальной иерархии. Их процентное соотношение в произведении Киры Измайловой равно 26%, а в произведении Кэтрин Курц – 27%. Получается, несмотря на огромную разницу в количественном формате в пользу ˝Случая из практики˝, в ˝Возрождении Дерини˝ было использовано немногим больше

сословно значимых слов и выражений. Если сравнить саму лексику, то здесь можно найти и эквиваленты: king – король, ladies-in-waiting – фрейлины, так и безэквивалентные реалии разных народов: княжество и Marcher lord – гофмаршал и другие.

Таблица 2. Классификация лексики.
Кэтрин Курц ˝Возрождение Дерини˝

№	Сфера использования	Количество слов	Процентное соотношение
1.	Военная лексика	21	9%
2.	География	25	11%
3.	Криминальная сфера	1	0%
4.	Магия	42	18%
5.	Народы	3	1%
6.	Религия	16	7%
7.	Социальная иерархия	63	27%
8.	Уклад жизни	60	25%
9.	Устойчивые выражения	3	1%
10.	Характеристика времени	2	1%
	Итого	**236**	**100%**

Следующая многочисленная сфера – сфера магии. Процентное соотношение лексики этой сферы (19% русскоязычной лексики и 18% англоязычной) практически одинаковое. Безусловно, Кира Измайлова описала значительное количество различных магических реалий своего мира, назвала артефакты

и заклинания, тогда как Кэтрин Курц не давала столь подробного объяснения всем магическим событиям, однако общие наименования в обоих произведениях одинаковы: charms – чары, magic – магия, spells – заклинания, wielder of magic, sorcerer – волшебник, чародей. Так же именно Кэтрин Курц представила и сами тексты используемых героями заклинаний.

Кэтрин Курц использовала больше из сферы уклада жизни, чем Кира Измайлова: 25% против 23%. Здесь также совпала лексика, связанная с верховой ездой и королевской рутиной, а вот жизнь обывателей и крестьян была описана по-разному: здесь проявило себя различие не столько языков, сколько культур. К тому же, то, что Кира Измайлова предает лексически, Кэтрин Курц передает синтаксически; особенно это касается описания жизни людей крестьянского сословия.

Таким образом, английское произведение оказалось насыщеннее единицами, описывающими хронотоп. Присутствует доля безэквивалетных слов и выражений, однако при этом существует и значительная доля эквивалентных аналогов в русскоязычном и англоязычном произведениях.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М.Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

Измайлова К. Случай из практики / К. Измайлова. – М.: Эксмо, 2011. – 704 с.

Измайлова К. Случай из практики: Том 2 / К.Измайлова. – М.: Эксмо, 2014. – 480 с.

Kurtz K. Deryni Rising / K.Kurtz. – NYC.: Penguin Publishing Group, 2004. – 288 p.

Баранов Виктор Аркадьевич
Ижевский государственный технический
университет имени М.Т.Калашникова
Гнутиков Роман Михайлович
Удмуртский государственный университет
УДК 519.2:801.82(045)

Параллельный корпус списков славянского Паримейника: демонстрация

средневековые славянские рукописи, параллельный корпус, Паримейник

В работах [Баранов 2021а, Баранов 2021б] описан текстовый материал параллельного корпуса славянских списков Паримейника, сформулированы задачи работы, дана характеристика рукописей с точки зрения их состава и структуры, представлены подходы к аналитической разметке, обоснована возможность ее использования в историко-лингвистических исследованиях средневековых письменных памятников корпусными методами.

Корпус создан на основе четырех русских списков Паримейника (в греческой традиции – Prophetologion, профитологий), богослужебной книги избранных чтений в основном из Ветхого Завета, которые читаются в дни Великого Поста, на Страстной неделе, в дни праздников и памятных событий [Алексеев 2008: 161–162], и входит в состав Казанской коллек-

ции корпуса ˝Манускрипт˝ (manuscripts.ru) (https://clck.ru/Y4PQd).

Использовавшиеся до настоящего времени в корпусе настройки базы данных, словари для аналитической разметки документов, процедуры обработки связей, инструменты формирования запроса и средства визуализации размеченных списков одного текста (Евангелий, служебных майских миней, Паренесисов, летописей) потребовали существенной доработки в связи (а) с иерархической структурой текста Паримейника и (б) с необходимостью визуализировать структуру и состав списков в сопоставлении с литургической традицией.

Порядок расположения чтений в Паримейнике соответствует порядку их чтения в течение года с указанием дат неподвижного или недель и дней подвижного (Пасхального) календаря, а также (не всегда) служб. Информация об этом дана в заголовках разделов и подразделов. Структура перикоп неоднородна – она включает заголовки (указание на книгу, порядковый номер паримии в течение дня), саму паримию, а в случае использования только инципита – отсылку к полному тексту в предшествующих частях рукописи.

В целом отношения фрагментов представляют собой иерархию: тексты дня – службы дня – паримии – заголовок / тело паримии / отсылка – стихи Библии.

При визуализации корпуса (https://clck.ru/Y4Pc9) демонстрируются все уровни иерархии, см. пример 1.

Пример 1. Демонстрация корпуса: режим текста

ПарЛаз (РГАДА, Тип. 50)	**ПарЗах (РНБ, Q.п.I.13)**	**ПарФед II (РГАДА, ф. 381, 60)**	**ПарТр (РГБ, Тр. 4)**
GL|-|--W02-3T21 Великий пост. 2-я неделя. Среда. Вечерня			
P12b: Быт. 4.16–26 ˝Потомство Каина˝			
(34) |[31.1.1] ѿ бытиꙗ · чьⷮ ⁘ / <Gen 4:16>Изиде каинъ ѿ / лица бж҃иꙗ · и въ/селисѧ въ зем-ли / наидъ прѣмо ѥ/демоу · <Gen 4:17>и оувѣдѣ / каинъ женоу сво/ю · зачьнъши и ро/ди ѥноса · и бѣ зи/жда градꙑ · и наре/че въ имѧ градъ / сн҃а своѥго · ѥносъ · / <...>	**(50)** |[58.2.2] ѿ бꙑтьꙗ̀ чⷮен ⁘ / <Gen 4:16>Изиде каи̇/нъ ѿ лица / б҃жиꙗ̀ · и̇ въ/селисѧ на / земли на/и̇дъ · прѧмо ѥ̇де/моу · <Gen 4:17>и̇ оу̇вѣдѣ ка/и̇нъ женоу свою̇ / и̇ зачьнъши и̇ ро/ди ѥ̇носа · и̇ бѣ зи/ждѧ градꙑ · и̇ на/рече градъ въ и̇мѧ / сн҃а своѥ̇го · ѥ̇но/съ · <...>	**(8)** |[5.1.1] ѿ бꙑтиꙗ чтен : ⌣ / <Gen 4:16>Изиде каинъ ѿ / лица б҃жиꙗ · и / въсе-лисѧ на зе/мли и наидъ / прѧмо ѥдемоу · <Gen 4:17>и / оувѣдѣ каинъ же|[5.1.2]ноу свою и та зачь/нъши роди ѥноса · и / нарⷱе градъ въ имѧ / сн҃а своѥго ѥноса · <...>	**(26)** |[22.1.1] ѿ бꙑтьꙗ чⷮ҇ньѥ · / <Gen 4:16>Изиде каінъ ѿ ли/ца б҃иіꙗ і всели/сѧ на земли наи̇/дъ · прѧмо ѥдема <Gen 4:17>і ви/дѣ же каінъ женꙋ сво|[22.1.2]ю зачьншю і роди ѥно/са · і съзиже граⷣ во імⷣ / ѥноса · <...>

Паримии в корпусе располагаются в порядке их следования в каждом из отделов: сначала в Рождественско-Богородичном, затем в Триодном и, наконец, в месяцесловном, внутри отдела – по порядку следования календарных дат или недель и дней в неделе, а также служб в течение дня, о чем дается информация в виде аббревиатуры и последующего словесного подзаголовка.

Заголовок паримии содержит номер, соответствующий изданию [Monumenta 1939, 1980–1981] (с добавлениями для тех паримий, которые в нем отсутствуют), сведения о соответствующих стихах Библии, а также о теме паримии. Перед текстом перикопы размещается ее порядковый номер в рукописи, а в тексте приводятся адрес и сведения о соответствующем стихе Библии. Параллельные стихи интерактивно выделяются, а выделение фиксируется с помощью курсора.

Пользователю доступны три варианта демонстрации корпуса – тексты паримий, их инципит … эксплицит или заголовок. Последний предназначен для сопоставления состава и структуры списков: наличия или отсутствия каких-то паримий, их расположения в рукописях и др.

Режим заголовков стал основой для создания так называемой интерактивной карты паримий (https://clck.ru/Y4PBk), позволяющей, в отличие от стандартного варианта, при котором визуализируются только перикопы, соответствующие чтениям выбранной пользователем главной рукописи, не только увидеть

полный перечень паримий, но и установить отсутствие некоторых во всех четырех рукописях.

В основе этого режима – электронный словарь паримий, включающий сведения обо всех чтениях из изданий [Monumenta 1939, 1980–1981; Алексеев 2008], а также о тех, которые встретились только в русских списках: это шесть чтений на 24 июля, память мучеников-страстотерпцев Бориса и Глеба (PBGa: Быт. 4.8–15; PBGb: Пр. 3.34 – 4.22; PBGc: 1 Ио. 4.20 – 5.3; PBGaa: Пр. 17.17 – 18.5; PBGba: Быт. 14.14–20; PBGca: Ис. 62.6–12), три чтения на 6 сентября, память архангела Михаила (PAMa: Нав. 5.13–15; PAMb: Откр. 12.7–12; PAMc: Иез. 1.3–20), три альтернативных чтения на 8 ноября, память архангела Михаила (P55ab: Иез. 1:3–20; P55bb: Иез. 1:21–28; P55cb: Откр. 12:7–12), одна паримия на 8 мая, память Иоанна Богослова (1 Ио. 3:2–20), одна альтернативная третьей паримии на Преполовение (P42ca: Втор. 1.8–11, 15–17), одна альтернативная первой паримии на 24 июня, память Рождества Иоанна Предтечи (Мал. 3.1–3, 5–7, 12, 24, 22–23).

Карта демонстрирует наличие или отсутствие перикоп в списке, а при наличии – их порядковый номер в рукописи (130), идентификационный номер (P48a) и адрес (109.2.2-5–110.1.2-4, где 110 – номер листа, .1 – номер страницы, .2 – номер столбца, -4 – номер строки), а также различия в порядке следования между списками – с помощью соединительных линий и подсветки идентичных паримий, см. пример 2.

Пример 2. Демонстрация корпуса:

карта паримий

Словарь паримий	ПарЛаз (РГАДА, Тип. 50)	ПарЗах (РНБ, Q.п.I.13)	ПарФед II (РГАДА, ф. 381, 60)	ПарТр (РГБ, Тр. 4)
Mnl|--09-01T21|- Месяцеслов. 1 сентября. Святого Симеона. Вечерня				
(186) P48a: Прем. 3.1–9 ″Души праведных в руке Божией″	**(130)** P48a 109.2.2-5–110.1.2-4	**(159)** P48a: 228.2.2-5–229.2.1-12	–	–
(187) P48b: Прем. 4.7–15 ″Благодать и милость со святыми Его″	**(131)** P48b: 110.1.2-5–110.2.2-5	**(160)** P48b: 229.2.1-13–230.1.2-12	–	**(143) P48d: 114.2.1-20–114.2.1-21**
(188) P48c: Прем. 5.15–6.3 ″Праведники живут во веки, награда их в Господе″	**(132)** P48c: 110.2.2-6–110.2.2-10	**(161)** P48c: 230.1.2-13–230.1.2-17	**(112) P48d: 103.1.1-9–103.1.1-11**	–
(189) P48d: Ис. 61.1–10 ″Лето Господне благоприятное″	–	–	**(113)** P48e: 103.1.1-13–104.1.2-15	**(144)** P48e: 114.2.1-23–115.2.1-3
(190) P48e: Лев. 26.3–12, 14–17, 19–20, 22, 33, 23–24 ″Исполнение заповедей обеспечивает благополучие″	–	–	**(114)** P48c: 104.1.2-16–104.1.2-18	**(145)** P48b: 115.2.1-4–115.2.2-12
(191) P48f: Прем. 4.7–15 ″Благодать и милость со святыми Его″	–	–	–	–

Количество демонстрируемых на сегодняшний день фрагментов: служб в словаре – 122, паримий в словаре – 296; паримий в паримейниках: Лазаревский – 161, Захариинский – 204, Федоровский – 127, Троицкий – 191; стихов в паримейниках: Лазаревский – 1992, Захариинский – 2221, Федоровский – 1396, Троицкий – 2243.

Реализованные варианты демонстрации параллельного корпуса славянских списков Паримейника позволяют познакомиться с их составом, различиями в структуре и соответствия-

ми и разночтениями на уровне лингвистических единиц и использовать разметку для анализа лингвотекстологических особенностей.

Благодарности

Работа выполняется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-512-18001.

Источники

Паримейник (Лазаревский, или Сковородский), 3-я четв. XII в., РГАДА, ф. 381, оп. 1, ед. хр. 50, 126 л.

Паримейник (Захариинский), 1271 г., РНБ, Q.п.I.13, 264 л.

Паримейник (Федоровский II), втор. пол. XIII в., РГАДА, ф. 381, № 60, 109 л.

Паримейник (Троицкий), 2-й пол. XIV в., РГБ, Тр. 4, 142 л.

Литература

Алексеев А.А. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий / А.А.Алексеев. – СПб.: Нестор-История. 2008. – 268 с.

Баранов В.А. Параллельный корпус славянских списков паримейника: материал и постановка задачи / В.А.Баранов // Корпусная лингвистика. – 2021 (в печати).

Баранов В.А. Параллельный корпус списков славянского паримейника: состав, структура, аналитическая разметка / В.А.Баранов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание (в печати).

Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria / Carsten Höeg, Silva Lake, Günther Zuntz. Vol. I. Prophetologium. Pars. I. Lectiones Nativitatis et Epiphaniae / Carsten Höeg, Günther Zuntz, 612 p.; Vol. I. Prophetologium. Pars. II. Lectiones anni Immobilis / Gudrun Engberg. 314 p. Copenhagen: Hauniae: Levin & Munksgaard, 1939, 1980-1981.

Биазио Марко
Падуанский университет
УДК 81'367.7

Агентивность, контроль, контролируемость

семантический контроль, контролируемость, агентивность, одушевленность, семантика события, универсальность лингвистических понятий

В духе исследовательской программы, проводимой в течение последних лет М.Хаспельматом (см., среди прочих, [Haspelmath 2019] и [Haspelmath 2021]), настоящие замечания призваны быть первой попыткой уточнить определение некоторых довольно распространенных в русском языкознании понятий и систематизировать их конкретное применение к лингвистическому материалу в типологическом ракурсе. В рамки данной статьи включено сопоставительное изучение трех таких терминов, т.е. ″агентивность″, ″контроль″ и ″контролируемость″, которыми лингвисты в разной степени пользовались при построении семантической типологии предикатов в русском языке, хотя не всегда опираясь на четкие терминологические различия [Булыгина 1982: 68-82]. Статья состоит из двух частей. В первой части (I) на основе данных русского языка предлагается анализ термина ″агентивность″ как макросемантической категории, включающей другие частные подпараметры, определяющие профиль прототипического агенса. Во второй же части (II)

предполагается, что в русском языке понятия ˝контроль˝[1] и ˝контролируемость˝ относятся к разным уровням лингвистического анализа и поэтому неуместно считать их взаимозаменяемыми, а тем более семантически тождественными.

I. Самой большой проблемой, с которой приходится сталкиваться при точном определении понятия агентивности, является существенная зыбкость границ между этим общим свойством и такими смежными ˝скрытыми˝ категориями, приписываемыми агенсу, как воля, намерение, одушевленность, целенаправленность, осознанность, возможность свободного выбора, каузальность и (меж)субъективная власть, когнитивная салиентность которых была выявлена как в психологических, так и социологических исследованиях послевоенного периода [Иванова 2009: 62; Klaiman 1991: 625-626]. Несмотря на то, что все эти параметры могут взаимодействовать друг с другом в определенном предложении, целесообразно отметить, что все-таки не существует логической биективной соотнесенности между агентивностью и множеством других перечисленных параметров. Такие признаки как, например, намерение, предположительно связано с агентивностью, но обратная связь отсут-

[1] Следует подчеркнуть, что здесь имеется в виду исключительно понятие «семантический контроль», которое уместно отличать от «синтаксического контроля» (т.е. синтаксическая кореферентность подлежащего или прямого объекта между матричной и придаточной клаузами, т.н. «большое PRO»). Заметим, что сам термин «контроль», по [Плунгян 1988: 40], ввел С.Дик в статье 1972 г.

ствует (т.е. свойство агентивности не предполагает обязательное наличие других признаков)[1]. Более того, агентивность можно считать основным признаком не всех субъектов, а только более ˝прототипических˝ агенсов, напр. одушевленных и синтаксически не пониженных (т.е. формально кодированных в именительном падеже). Таким образом, агентивность субъекта определяется не только на основе личных и энциклопедических знаний (напр., денотат ⟦*Петр*⟧ в предложении *Мой близкий друг Петр неуклюже залезает на яблоню* входит в экстенсионал выражения *мой близкий друг* и подразумевается как одушевленный агенс), а также контекстуально, при поддержке дополнительных лингвистических компонентов: см., среди прочих, падежное маркирование (внешний аргумент *Петр* представлен в именительном падеже), частные лексико-семантические свойства события (в своем прямом смысле целенаправленное действие ⟦*влезать*⟧ могут выполнить только одушевленные, сознательные агенсы) и т.д. Итак, как кажется, агентивность является отвлеченной характеристикой, прису-

[1] Это могло бы объяснить, почему некоторые лингвистические критерии, обычно используемые в целях отделения агентивных (или контролируемых) ситуаций от неагентивных/неконтролируемых (напр., их возможное сочетание с придаточными предложениями или адъюнктами цели), применяются скорее к проверке параметров намерения агенса и целенаправленности действия: см. известное противопоставление между предложениями *Он упал на колени, чтобы убедить ее в своем раскаянии* и ?*Камень упал, чтобы ушибить собаку* [Булыгина 1982: 69].

щей прототипическому агенсу, и носит, будучи таковой, гиперонимический характер по отношению к другим проанализированными подпараметрами.

II. В традиции советского языкознания параметру контроля принадлежит невторостепенная различительная роль, особенно в связи со сформированностью таких грамматических форм как, например, превентивы (*Смотри не поскользнись!*), инфинитивы (*Сначала – работать, потом – отдыхать*), инфинитивные высказывания с дативным подлежащим (см. [Дымарский 2016]), аспектуальные формы несовершенного вида в значении будущего времени (*Завтра я еду в Казань*) и т.д. [Григорьян 2010: 97-99]. В этом смысле контроль уместно отличать от параметра контролируемости, который, как уже замечено в [Зализняк 1992: 63], представляет собой свойство не агенса-подлежащего, а ситуации в целом (либо динамической, либо стативной). Однако понятие контроля остается довольно трудноуловимым, а границы с контролируемостью – расплывчатыми. В то время как в [Булыгина 1982] чередуются без тонких различий термины ˝(не)контролируемость˝, ˝агентивность субъекта предикации˝ и ˝активность˝, а в [Зализняк 1992: 63-64] контроль определяется на фоне понятия ˝намерение˝ (т.е. как свойство субъекта, связывающего определенную ситуацию, в которой результат намеренного действия и объект намерения совпадают), в [Кустова 1992: 145-146] контроль разделяется на интенсиональный (т.е. касающийся ментальных операций для реализации действия) и денотативный (т.е. касающийся кон-

кретных изменений, вызванных энергетическими затратами субъекта). Интересно заметить, что контроль обычно толкуется как градуальное свойство, применяемое как таковое к разным ситуациям или даже отдельным их частям (напр. к временным или процессуальным фазам мероприятий: см. [Плунгян, Рахилина 1988: 43-47]), в разных отклоняющихся от нормы конфигурациях (см. [Кустова 1992]) и с различной степенью салиентности[1]. Похожим же образом, однако, в [Иванова 2009: 62] расщепить на две подчерты (присущие либо предикату, либо ситуации) предполагается не контроль, а контролируемость. Более того, в большинстве этих исследований термины ˝контроль˝ и ˝контролируемость˝ употребляются практически в дополнительном распределении. Только в [Григорьян 2010: 99] выделяется терминологическая взаимосвязь между контролируемостью, определенной как возможность контроля, и реально осуществляемым контролем, но потенциального лингвистического различия между двумя понятиями не упоминается.

Самое важное различие между контролем (полным, частичным или ослабленным) и контролируемостью, на наш взгляд, заключается в применимости двух понятий к разным уровням лингвистического анализа.

---

[1] В этом смысле правдоподобной является гипотеза, выдвинутая в [Klaiman 1991: 640]: контроль и пациентивность (*affectedness*) можно считать двумя сторонами одной медали (в смысле семантического противопоставления *agenda vs. outcome control*).

С одной стороны, контроль является не только ключевым подкомпонентом семантического поля агентивности, но также и релевантным в семантико-синтаксическом интерфейсе параметром, который, несмотря на часто высказывавшееся в литературе мнение, может конкретно отразиться и на грамматической структуре предложения (см., напр., возможность употребления словоформ совершенного вида в некоторых перформативных высказываниях при лицензировании признака контроля).

С другой же стороны, контролируемость является релевантной в семантике события общей характеристикой, которая приписывается ситуации в целом и которую можно точно определить, обратив внимание на взаимодействие между видовременными отвлеченными свойствами ситуации (путем их формального кодирования на предикате) и внешним аргументом глагола.

Литература

Булыгина Т.В. К построению типологии предиката в русском языке / Т.В.Булыгина // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С.7-85.

Григорьян Е.Л. ˝Скрытая˝ категория контроля и синтаксис / Е.Л.Григорьян // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2010. – №2 (14). – С.96-107.

Дымарский М.Я. Контроль, презуппозиции и семантика контроптативных инфинитивных высказываний / М.Я.Дымарский // Тру-

ды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. №10: Материалы международной научной конференции ˝Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии˝ (30 мая — 1 июня 2016 г.). – С.84-95.

Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния / А.А.Зализняк. – München: Verlag Otto Sagner, 1992.

Иванова Е.Ю. Признак ˝контролируемость действия˝ в исследовательском аппарате сопоставительного синтаксиса (на материале славянских языков) / Е.Ю.Иванова // Acta Linguistica. – 2009. – №3 (3). – С.61-70.

Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля / Г.И.Кустова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С.145-150.

Плунгян В.А. Заметки о контроле / В.А.Плунгян, Е.В.Рахилина // Речь: восприятие и семантика. – М.: Наука, 1988. – С.40-48.

Haspelmath M. How Comparative Concepts and Descriptive Linguistic Categories Are Different / M.Haspelmath // Aspects of Linguistic Variation – Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, 2019. – P.83-113.

Haspelmath M. General Linguistics Must Be Based on Universals (or Non-Conventional Aspects of Language) / M.Haspelmath // Theoretical Linguistics. – 2021. – №1-2 (47). – P.1-31.

Klaiman M.H. Control and Grammar / M.H.Klaiman // Linguistics. – 1991. – № 4 (29). – P.623-651.

Верняева Регина Александровна
Ижевский государственный технический университет
имени М.Т.Калашникова
УДК 811.161.1(045)

Коллокации с компонентом *створити / сотворити (сътворити)* в русских летописях XIV–XV вв.

компьютерная лингвистика, коллокации, русские летописи

В современной прикладной лингвистике все более распространенными становятся количественно-статистические методы исследования языка, которые дают возможность более детального изучения особенностей языковых процессов. Существует большое количество научных исследований, посвященных количественно-статистическому анализу языковых единиц в современных и древних текстах (см. например, работы [Алексеева 2014: 1022, Баранов 2016: 124-131, Баранов 2018: 65-74, Баранов 2019: 63-77, Борисова 1995, Влавацкая 2020: 40-57, Хохлова 2010]).

Материалом для настоящего исследования стали три списка древнейших русских летописей, опубликованные на портале ˝Манускрипт: Славянское письменное наследие˝ – Лаврентьевский (далее: ЛЛ), Ипатьевский (далее: ИЛ), Радзивилловский (далее: РЛ) (URL: http://manuscripts.ru/mns/ portal.main?p1=23).

Летопись как компилятивный жанр древнерусской литературы является материалом, насыщенным языковыми средствами. Некоторые из таких языковых элементов имеют признаки фразеологизмов в современном понимании. Однако вопрос о статусе фразеологизмов в древнерусский период остается открытым, что не позволяет нам использовать термин ˝фразеологизм˝ по отношению к сочетаниям, претендующим на статус устойчивых в древнерусском языке. В связи с этим в рамках данной работы мы используем понятия ˝коллокация˝ и ˝статистически устойчивое сочетание˝.

В настоящей работе описываются биграммы с компонентом *створити* с целью доказательства статистической устойчивости таких сочетаний в древнерусских летописях и, таким образом, их способности претендовать на статус устойчивых единиц.

Данные летописных текстов

Анализируемые единицы были выбраны с помощью модуля n-грамм, позволяющего получить текстовые сочетания с разным количеством компонентов. Модуль дает возможность проводить статистический анализ языковых единиц с помощью мер ассоциации. В частности, в рамках данного исследования была применена мера T-score, позволяющая выявить наиболее частотные биграммы.

Двукомпонентные сочетания с глаголом *створити* в летописном тексте употребляются в довольно большом количестве.

Полученная выборка (см. Таблицу 1) демонстрирует, что самым частотными биграммами являются сочетания *створи миръ (38х), створиша миръ (13х), створи бъ (13х).*

Таблица 1. Результаты запроса биграмм с компонентом ˝створити˝ с применением меры T-score

N-грамма	F	$F(w_1)…F(w_x)$	T-score
створи миръ	38	створи(245) миръ(276)	6.13307
створиша миръ	13	створиша(97) миръ(276)	3.58433
створи бъ	13	створи(245) бъ(915)	3.42786
створиша вѣчє	7	створиша(97) вѣчє(23)	2.64334
створиша села	6	створиша(97) села(90)	2.43930
створиста миръ	4	створиста(15) миръ(276)	1.99408
створи пиръ	3	створи(245) пиръ(10)	1.72801
створиша вечерꙋ	3	створиша(97) вечерꙋ(37)	1.72613
створиса миръ	3	створиса(14) миръ(276)	1.72568
створи волю	3	створи(245) волю(21)	1.72356
створи ꙋбиство	3	створи(245) ꙋбиство(30)	1.71992
створити миръ	3	створити(98) миръ(276)	1.68742
створиша половци	3	створиша(97) половци(527)	1.64771
створи цркви	3	створи(245) цркви(339)	1.59501
створить крило	2	створить(22) крило(6)	1.41395
створите братьи	2	створите(6) братьи(105)	1.41294
створити роте	2	створити(98) роте(36)	1.40708
створи небса	2	створи(245) небса(15)	1.40679
створити улка	2	створити(98) улка(47)	1.40491
створимъ миръ	2	створимъ(20) миръ(276)	1.40306
сътвори бъ	2	сътвори(7) бъ(915)	1.40127
створи авраамъ	2	створи(245) авраамъ(29)	1.39986
створиша свѣтъ	2	створиша(97) свѣтъ(93)	1.39598
створитъ ѡбѣтъ	1	створитъ(1) ѡбѣтъ(2)	0.99999

Обнаруженные нами устойчивые сочетания зафиксированы в словарях: n-граммы **створн**(245) **мнръ**(276), **створнша**(97) **мнръ**(276) отражены в СлРЯ: *миръ сотворити* – ‘заключить мирный договор’. В МСДРЯ также находим: *миръ творити* – ‘заключать мирный договор’.

Глагол *створити,* как известно, имеет максимально обобщенное значение. В связи с этим основную смысловую нагрузку несет на себе имя в данных сочетаниях.

Наша выборка демонстрирует, что глагол *створити* способен сочетаться с множеством существительных (**створнша села**, **створн небо**, **створнша свѣтъ**, **створнтн ротѣ**, **створнша вечеру** и др.). С одной стороны, данное наблюдение противоречит статистической устойчивости исследуемых единиц, с другой – частотность анализируемых сочетаний в летописях довольно высока, что позволяет говорить об определенной спаянности компонентов. О сочетаниях такого типа в работе Н.М.Хоменко указано, что эти конструкции не характеризуются ни переосмыслением значения, ни семантической неделимостью: ″Они занимают промежуточное положение между фразеологическими единицами и свободными сочетаниями. Особенностью таких сочетаний явилось то, что глагольный компонент сохраняет свое значение, приобретая под воздействием сочетаемости с именами существительными абстрактными более обобщенное значение″ [Хоменко 1990: 9].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Устойчивость сочетаний с компонентом *створити* доказывается не только закрепленностью в лексикографических источниках, но и определенной спаянностью компонентов – статистической устойчивостью.

2. Модули системы ˝Манускрипт˝ позволяют 1) выявить сочетания, имеющие слитность, незафиксированную в исторических словарях, 2) определить неслучайность связи компонентов.

3. Применение количественно-статистических методов позволяет получать лингвистически обоснованные результаты.

Список источников и сокращений

Словари

МСДЯ – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И.Срезневский. Репринт. изд.: в 3 т. – М.: Наука, 1989. – 996 с.

СлРЯ – Словарь русского языка (XI–XVII вв.) [Электронный ресурс] // Этимология и история слов русского языка. Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii, свободный.

Электронный корпус русских летописей

ЛЛ – Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, F.п.IV.2) [Электронный ресурс] // Портал ˝Манускрипт: Славянское письменное наследие˝. Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902, требуется регистрация.

ИЛ – Ипатьевская летопись перв. пол. (сер.?) XV в. (БАН, 16.4.4) [Электронный ресурс] // Портал ″Манускрипт: Славянское письменное наследие″. Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080, требуется регистрация.

РЛ – Радзивилловская летопись кон. XV в. (БАН, 34.5.30) [Электронный ресурс] // Портал ″Манускрипт: Славянское письменное наследие″. Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43296853, требуется регистрация.

ПВЛ – Повесть временных лет

Литература

Алексеева И.В. Кластеризация рукописей на базе совпадения разночтений как основа публикации славянской традиции / И.В.Алексеева, И.В.Азарова, Д.М.Миронова // Материалы XLIV междунар. филол. научн. конф.: секция прикладной и математической лингвистики, 11-15 марта 2014 г. / [отв. ред. М.В.Хохлова]. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. – С.10-22.

Баранов В.А. Опыт создания модуля n-грамм системы ″Манускрипт″ и оценки эффективности его использования для поиска коллокаций в корпусе М.В.Ломоносова / В.А.Баранов // Интеллектуальные системы в производстве. – 2016. – № 4 (31). – С.124–131. ISSN 1813–7911.

Баранов В.А. Корреляционный анализ биграмм русских евангельских списков XI–XIV веков / В.А.Баранов // Интеллектуальные системы в производстве. – 2018. – Т.16. №4. – С.65–74. ISSN 1813–7911.

Баранов В.А. Древнерусские рукописи как объект статистического анализа / В.А.Баранов, О.Ф.Жолобов // Интеллектуальные системы в производстве. – 2019. – Т.17. №4. – С.63–77. ISSN 1813–7911.

Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е.Г.Борисова. – М.: Филология, 1995. – 49 с. [Электронный ресурс]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01001721026 (дата обращения: 20.10.2021).

Влавацкая М.В. Комбинаторно-семантический анализ коллокаций как метод лингвистического исследования (на примере колоративных коллокаций, образованных по адъективному типу) / М.В.Влавацкая // Научный диалог. – 2020. – №4. – С.40-57.

Хоменко Н.М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII–XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ленинград, 1990. – С.9.

Хохлова М.В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов): автореф. дис. … канд. филол. наук / М.В.Хохлова. – Санкт-Петербург, 2010. – 27 с.

Вильданова Гузель Агзамовна
Казанский инновационный университет
имени В.Г.Тимирясова
УДК 811.111

Гибридные авторские неологизмы в переводе

гибридное словообразование, авторский неологизм, перевод, калькирование, опущение

В фокусе данного исследования лингвокреативный и стилистический потенциал гибридного словообразования в творчестве современного писателя и переводческие ресурсы, традиционно задействованные в передаче гибридных окказионализмов на другой язык. В работе мы опираемся на этимологический признак при отборе эмпирического материала и под термином ˝гибридный окказионализм˝ подразумеваем авторские неологизмы, сочетающие в себе разноязычные компоненты, применительно к нашей работе – словообразовательные элементы русского и английского языков.

Полагаем, что современная постмодернистская литература переживает ˝бум˝ гибридизации, что, в свою очередь, является отражением активной интеграции российского общества в мировое пространство, ˝англизации˝ как ведущей тенденции неологизации сленга молодежной субкультуры [Вильданова 2021]. Закономерным является интерес современных авторов к гибридному словообразованию, что, во-первых, обусловлено

языковой модой и ˝вкусом эпохи˝, во-вторых, гибридные окказионализмы одновременно задействуют словообразовательные ресурсы двух языков и культур, и, в-третьих, дают автору свободу самовыражения, позволяют ему ˝балансировать на грани фола˝ (нередко гибридные неологизмы — это завуалированные дисфемизмы), синтезировать колоритные и остроумные лексические единицы.

Среди словообразовательных ресурсов гибридизации выделяются графические, морфологические и ˝сверхфразовые˝ [Воронченко 2013: 357-358]. Наиболее насыщенными гибридными новообразованиями являются художественные произведения таких современных авторов – выразителей эпохи глобализации, как А.Борисова, А. и С.Литвиновы, О.Робски, В.Пелевин, С.Минаев, К.Собчак и др.

Вслед за В.А.Васильевой и И.О.Окуневой мы полагаем, что уникальные гибридные лексические единицы, талантливо и креативно генерируемые постмодернистскими писателями, создают большие трудности для переводчика в силу не только своей гибридной формы, но и интертекстуальности [Васильева 2015].

Наиболее очевидной представляется переводческая стратегия компенсации, используемая при передаче языковой игры и разнообразных стилистических особенностей художественного текста [Вильданова 2015]. Рассмотрим, как семантически сложные гибридные окказионализмы передаются в переводе.

Особенно ярко аллюзии прослеживаются в гибридных окказионализмах В.Пелевина, который активно использует не только словообразовательные ресурсы английского языка, но и популярные словообразовательные модели, в частности словослияние. Писатель известен талантливыми языковыми экспериментами, в разной степени сложными для перевода. Например, название произведения ″Любовь к трем цукербринам″ является аллюзией к пьесе-пародии К.Гоцци ″Любовь к трем апельсинам″ и включает гибридный авторский неологизм ″цукербрин″ – словослиток из фамилий интернет-предпринимателей М.Цукерберга и С.Брина. В переводе окказионализм легко калькируется – ″The Love for Three ZukerBrins″, сохраняя важные коннотации. Но интертекстуальность может не сохраниться в силу ограниченных языковых возможностей: произведение ″ОМОН Ра″ отсылает нас к египетской мифологии и в то же время опирается на аббревиатуру ОМОН (отряд мобильный особого назначения), однако транслитерированный вариант не содержит ассоциаций с полицейским подразделением – ″OMON Ra″.

Очевидно, что при переводе гибридных единиц переводчику зачастую сложно принять смелое решение, и он может просто опустить креативное новообразование. К примеру, название произведения ″Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре″ сохраняет в переводе лишь первую часть ″The Helmet of Horror″, в то время как гибридная единица ″креатифф″ утрачена в переводе или заменена: ″The Myth of Theseus and the Minotaur″.

Достаточно сложной является передача в переводе графических гибридных окказионализмов, сочетающих в себе латиницу и кириллицу, что влечет за собой утрату гибридности в английской версии. Например, название ˝Generation П˝ в переводе на английский выглядит достаточно просто ˝Generation P˝.

Нам представляется невероятно сложным перевод гибридных авторских неологизмов литературы постмодернизма, и анализ их передачи на английский язык демонстрирует ограниченность переводческих ресурсов, ˝опыт неудач˝. Думается, уникальные гибридные окказионализмы неоднократно станут объектом изучения и переводческого эксперимента, бросая вызов новым поколениям переводчиков и исследователям постмодернистского текста.

Литература

Вильданова Г.А. Теория и практика перевода: (на материале английского языка) / Г.А.Вильданова. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 111 с.

Вильданова Г.А. Гибридное словообразование в Казанской эргонимии / Г.А.Вильданова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – №2(41). – С.20-29.

Васильева В.А. Проблемы перевода аллюзивных имен собственных на английский язык в литературе постмодернизма (на примере произведений Виктора Пелевина) / В.А.Васильева, И.О.Окунева // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2015. – №2. – С.130-141.

Воронченко Т.В. Global English как фактор гибридности литературного текста / Т.В.Воронченко, А.Э.Михина // Фундаментальные исследования. – 2013. – №11. – С.356-361.

Вольская Юлия Александровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'33

Создание базы данных слов со степенью конкретности: признаки абстрактных существительных

абстрактные существительные, база данных, лексико-грамматические разряды

Абстрактное существительное (АС) – сложное явление в языке. При изучении данной группы лексем исследователи, как правило, сталкиваются с рядом трудностей: во-первых, с проблемой определения самого понятия; во-вторых, с проблемой разграничения конкретной и абстрактной лексики; в-третьих, с проблемой выявления характерных особенностей абстрактного имени. При этом изучение АС важно для реализации исследований в области нейролингвистики [Loiselle 2012], психолингвистики [Oliveira 2013], в области изучения сложности текста [Solovyev 2018]. В связи с этим на основе различных языков создаются базы данных абстрактных и конкретных слов с указанием степени проявления признаков абстрактности и конкретности.

Такие базы данных (БД) созданы для английского [Brysbaert 2014a], голландского [Brysbaert 2014b], китайского языков [Xu 2020]. Указные выше БД создаются с опорой на позицию, в рамках которой понятие трактуется как диалектиче-

ское единство абстрактного и конкретного. Следовательно, любая лексическая единица может содержать в своей семантической структуре как признаки абстрактности, так и конкретности. Такая позиция отражает идеи когнитивного подхода в лингвистике, а также связана с семантическим критерием разграничения лексико-грамматических разрядов имен существительных.

В настоящей работе мы обратимся к вопросу о том, насколько критерии разграничения лексико-грамматических разрядов существительных соответствуют полученным числовым показателям степени абстрактности.

В первую очередь, необходимо описать методологию создания базы данных. На данный момент в базу входит 1500 слов. Степени к первой тысяче слов были получены путем проведения опросов среди студентов Казанского федерального университета и Белорусского государственного педагогического университета, на каждые 50 слов опрашивалось 40 человек [Solovyev 2019: 404].

Оценки для 500 существительных собирались путем проведения опросов на площадке Яндекс.Толока, поскольку было принято решение расширить выборку респондентов. Пользователям сервера было необходимо оценить слова на степень конкретности/абстрактности по шкале Лайкерта от 1 до 5, где крайние значения шкалы, 1 и 5, указывают на конкретность и абстрактность, соответственно. На каждые 50 слов опрашивалось 60 респондентов разной возрастной категории: 30 человек возрастом от 18 до 30, 30 человек – от 31 до 55.

Для контроля качества прохождения опросов был разработан ряд критериев и правил:

1) В каждый список включалось 10 контрольных слов, которые уже были оценены в рамках ранее проведенных опросов. В случае если при анализе ответов между оценками контрольных слов пользователя со средней степенью абстрактности к данным единицам была обнаружена слабая корреляционная связь, ответы данного пользователя отклонялись.

2) Не принимались ответы пользователей, которые большую часть слов оценивали одинаковой степенью.

3) Не принимались ответы пользователей, которые проходили опрос быстрее, чем за установленное минимальное время – 4 минуты.

Перед прохождением опроса респондентам было необходимо познакомиться с инструкциями. В инструкциях приводились определения абстрактных и конкретных слов с указанием примеров, приводилось описание принципа оценки слов.

Немаловажен такой аспект, как анализ слов с высокой степенью абстрактности на предмет соответствия критериям разграничения лексико-грамматических разрядов.

В первую очередь, необходимо детально рассмотреть вопрос о соответствии полученных данных семантическому критерию. При анализе данного критерия мы опирались на Семантический словарь под редакцией Н.Ю.Шведовой [Шведова 2003]. Было отобрано 150 единиц, которые по оценкам респондентов относятся к абстрактным существительным (степень от

3,5 до 5). По данным семантического словаря 115 единиц являются абстрактными существительными; 22 единицы в одном или в нескольких из своих значений являются конкретными, в остальных значениях – абстрактными; 13 лексем в словаре отсутствуют [Шведова 2003].

Далее было проверено, являются ли данные единицы абстрактными по словообразовательному критерию разграничения лексико-грамматических разрядов существительных. В результате анализа морфемной структуры существительных было выявлено, что у 94 единиц есть суффиксы абстрактности.

Перейдем к рассмотрению вопроса о соответствии полученных оценок морфологическому критерию. Как правило, в работах, в которых морфологический критерий признается основным, представлена точка зрения В.В.Виноградова, согласно которой абстрактные имена определяются как существительные с неполной числовой парадигмой (отсутствует форма множественного числа).

Могут ли абстрактные существительные употребляться в форме множественного числа, насколько точно с опорой на признак несчётности можно отделить абстрактную лексику от конкретной – данные вопросы в русском языкознании до сих пор остаются спорными. Однако несомненно, что категория числа абстрактных существительных требует отдельного исследования, так как многие существительные данного лексико-грамматического разряда в определённых значениях могут употребляться в множественном числе. Х.Борер указывает, что

абстрактные существительные в ряде контекстов могут иллюстрировать исчисляемые и неисчисляемые свойства [Borer 2005: 27].

Из созданной базы данных мы отобрали 50 существительных с наибольшей степенью абстрактности (числовой показатель от 3,8 до 5). Изначально были проанализированы дефиниции ко всем указанным единицам. На данном этапе мы опирались на Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А.Кузнецова (БТС) [Кузнецов 2000]. Далее был осуществлен поиск примеров слов с высокой степенью абстрактности при помощи системы Google и Google Books Ngram, Национального корпуса русского языка.

К пяти словам из данного списка не удалось найти примеров употребления во множественном числе. Однако 45 слов хотя бы в одном из своих значений употребляются во множественном числе, при этом данные значения зафиксированы в БТС [Кузнецов 2000]. Если опираться на труды языковедов, которые считают несчётность основным признаком абстрактных существительных, то рассматриваемые лексемы необходимо отнести к разряду конкретных. Однако каждое из проанализированных существительных по словарю Н.Ю.Шведовой относится к абстрактным [Шведова 2003], к тому же в морфемной структуре каждого из них присутствуют суффиксы абстрактности. Из этого следует, что данные единицы приобретают признаки конкретности только в тех значениях, в которых употребляются в форме множественного числа. Таким образом, при-

знак счетности не позволяет подобные лексемы однозначно отнести к ЛГР конкретности, однако наличие формы множественного числа указывает на то, что в семантической структуре указанных существительных могут наблюдаться признаки конкретности, при этом признаки абстрактности преобладают.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90041.

Литература

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка // С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. –1536 с.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь: в 6 т. / Н.Ю.Шведова. – М.Азбуковник, 2003. – Т.3. – 720 с.

Borer H. Structuring Sense I: In Name Only / H.Borer. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 324 p.

Brysbaert M. Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas / M.Brysbaert, A.B.Warriner, V.Kuperman // Behavior Research Methods – 2014a. – V. 46. №3. – P.904–911.

Brysbaert M. Norms of age of acquisition and concreteness for 30,000 Dutch words / M.Brysbaert, M.Stevens, S.De Deyne, W.Voorspoels, G.Storms // Acta Psychologica. – 2014b. – V.150. – P.80–84.

Loiselle M. Comprehension of concrete and abstract words in patients with selective anterior temporal lobe resection and in patients with selective amygdalo-hippocampectomy / M.Loiselle, I.Rouleau, D.Nguyen,

F.Dubeau, J.Macoir, C.Whatmough, F.Lepore, S.Joubert // Neuropsychologia. – 2012. – V.50. №5. – P.630–639.

Oliveira J. The roles of word concreteness and cognitive load on interhemispheric processes of recognition / J.Oliveira, M.V.Perea, V.Ladera, P.Gamito // Laterality. – 2013. – V.18. №2. – P.203–215.

Solovyev V. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and metrics / V.Solovyev, V.Ivanov, M.Solnyshkina // Journal of intelligent & fuzzy systems. – 2018. – V.34. – №5. – P.3049-3058.

Solovyev V. Computing Concreteness Ratings of Russian and English Most Frequent Words: Contrastive Approach / V.Solovyev, M.Andreeva, M.Solnyshkina, R.Zamaletdinov, A.Danilov and D.Gaynutdinova // 12th International Conference on Developments in eSystems Engineering (DeSE). – Kazan, 2019. – P.403-408.

Xu X. Concreteness/abstractness ratings for two-character Chinese words in MELD-SCH / X.Xu, J.Li // PLoS One. – 2020. – V.15. №6. – P.1–16.

Gagarina Vilena Rustemovna
Sheinina Dina Petrovna
Kazan Federal University
УДК 811.111-26

Advantages and disadvantages of foreign words in the Russian language

foreign words, modern Russian newspapers, borrowed words

Russian borrowings are as much an integral part as native Russian words in the Russian language. The processes of globalization that are intensifying nowadays only increase the number of foreign words in the Russian vocabulary. Many borrowed words have been adapted so well in the Russian-speaking world that they are often perceived as native Russian.

Foreign words are gradually penetrating into the modern Russian language. The reasons are in the need to name a new thing, a new phenomenon; the need to differentiate meaningfully close, but still different concepts; the need for specialization of concepts – in one area or another, for one purpose or another. The tendency is that a whole object, not divided into separate components, should be designated ˝whole unit˝, and not a combination of words.

The socio-psychological reasons and factors of borrowing are determined by the fact that the entire team of speakers or part of it perceives a foreign language word as more prestigious. The communicative relevance of the designated concept is also important.

At the same time, the absence of a corresponding concept in the cognitive base of the language-receptor plays a special role; the absence of a more precise name (or its ″loss″ in competition with borrowing); providing a stylistic (emphatic) effect; expression of emotive connotations.

Language is ″the main socially significant form of reflection of the surrounding reality and oneself″ [Маслова 2001: 104-105]. Modern speech is replenished with words due to borrowings from other languages. Such borrowing is one of the ways of development of modern languages. Borrowings of foreign words are the result of relations between countries and contacts of peoples, where borrowings have a significant impact on the development of a language that should respond quickly and flexibly to the expressed needs of society.

In recent decades, significant dynamic processes have been taking place in the Russian language. One of the most important trends in the development of the modern Russian language is the process of activating the use of foreign words [Маслова 2001: 16-21].

It is known that there is no language in the world that would be completely free from foreign-language phenomena, because no nation in the modern world lives completely isolated. In most cases, borrowings of foreign words are caused by the active development of communication between speakers of different languages (for example, trade, industry, military affairs, etc.).

The mutual influence of languages depends on the stability and duration of these connections. This influence is expressed in

their borrowing of foreign words. Moreover, the borrowing of foreign words occurred throughout the entire historical development of the language. Therefore, some borrowings date back to ancient times, while others occurred relatively recently. This should be clearly presented to linguists who are ready to start researching borrowings in modern speech.

The Russian language is overflowing with the number of anglicisms – they occupy more than 70% of all borrowed words. Undoubtedly, this is of great interest to linguists. L.P.Krysin came to the conclusion that many words contain external signs that can tell about the origin of the word. It is necessary to distinguish undifferentiated and differentiated signs of borrowed words. The undifferentiated do not indicate specifically from which language they originated, and the latter indicate their origin [Крысин 2000].

The process of borrowing foreign words began with the development of the historical process.

Filling a person's modern speech with foreign words will lead to certain consequences (first of all, in relation to the culture of speech). On the one hand, it can have a positive impact on the development of the language, and on the other hand, there are a number of risks, in case of which the speech situation may become unfavorable.

The advantages of using foreign words by people in their speech include the following items:

– firstly, many foreign words can be much more expressive than similar words from their native language, which will lead to the

embellishment of human speech (it can become more interesting and expressive);

– secondly, elements of foreign vocabulary provide a set of appropriately used words within the specific functional purposes of speech (for example, in scientific or official business styles, where generally accepted worldwide terms and designations are used);

– thirdly, the borrowing of foreign words is often necessary to describe the culture of the country where this foreign language is spoken (for example, in relation to Japan – the words ˝samurai˝, ˝sakura˝, etc.);

– fourthly, there may be situations when there are no words in the native language that would name any object (phenomenon, event) from the surrounding world, so it is more appropriate to use an existing specialized foreign word to solve this problem.

Consequently, borrowings from foreign languages can solve a number of problems for the recipient language and make it more expressive. However, at the same time, it is necessary to pay attention to the existing negative consequences of replenishing one's own vocabulary with foreign language vocabulary.

These consequences include some disadvantages such as:

– firstly, too much foreign words in a person's speech can make it difficult to perceive and understand his speech, which as a result will lead to a decrease in the effectiveness of the communication process with this person;

– secondly, the abundance of foreign words in a person's speech will increase the likelihood of making a lexical error caused

by their inappropriate and incorrect use (for example, the formation of phrases like ″free vacancy″);

– thirdly, unreasonable use of foreign words by a person in his speech may violate its purity, that is the principles of accuracy and brevity of speech will not be observed and, as a result, meaningless and unrelated expressions may appear;

– fourthly, the diversity of works of fiction will negatively affect their expressiveness. In addition, it is also worth noting that a huge number of borrowed words is a threat to the existence of the language as a specific and individual means of communication of particular people.

Thanks to linguistic research, it has been established that the essence of borrowings of foreign words, or as people call them anglicisms, consists of referring to the lexical compositions of other languages to designate previously unknown objects, express new concepts and further differentiate existing ones. In addition, it was concluded that the borrowing of foreign words is an inevitable linguistic process that both accompanied and will accompany the development of the language. At the same time, the use of foreign words in speech must meet the requirements of rationality, expediency, validity and relevance. Many borrowed words make our speech more diversive and expressive, thereby generally enrich it. But their excessive use can cause the impoverishment of the language and the loss of its national specificity. And countering this should become one of the main tasks of specialists and ordinary native speakers.

There are several ways to form anglicisms: direct, калька racing paper, composites, jargonisms, hybrids. To begin with, we will distinguish the concepts.

So, direct borrowings are words that almost do not differ from their original meaning. For example: chips – чипсы — fried crispy potatoes, etc. Most advertising agencies, media, cafe and restaurant names originated in this way. There are words that have completely preserved their appearance: menu – меню, disk – диск. These words correspond to Russian, both in pronunciation and in the meaning itself.

Borrowings sometimes acquire a negative connotation. When a person does not speak a foreign language, he makes a lot of mistakes. He does not understand commercials, flyers, ˝fashionable˝ words in newspapers.

Learning English, a person starts to look at advertising not as a set of letters unknown to him/her, but as new words that tell us about something.

Anglicisms can be divided into several thematic groups: fashion, food, business, sports, mass and youth culture.

During the shopping, we often buy clothes, many of the names of which came from the English language. For example: sweater, stretch, leggings, shorts, hoodie, etc. We enjoy eating delicious food, and the cuisine of English-speaking people give us useful items: jam, pancake, hot dog, roast beef.

As already mentioned, English is an international language used by businessmen in business negotiations. And it is not surpris-

ing that many words in the field of economics have found their reflection in the Russian speech. For example: default, investor, dealer, brand [Чернышева 2007].

We can also envy sports fans. They not only know sports terminology, but also increase their vocabulary with sports anglicisms: dope, cross, penalty, football, sport, fitness, time, and many others [Чернышева 2007].

Most of all, young people use borrowings to look brighter, cooler and stand out with their slang among the ordinary people: respect, image, boyfriend, friendzone.

Mass culture is also a powerful source of increasing the number of anglicisms. Many Russian stars take foreign pseudonyms, as well as popular shows have foreign names: Comedy Club, Comedy Woman, etc.

Thus, borrowings are an integral part of modern speech. Their existence is a naturally defined process, which does not exclude the adoption of measures to influence them.

References

Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П.Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.142-161.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Маслова. – М.: Издательский центр ˝Академия˝, 2001. –208 с.

Чернышева А.В. Универсальный язык цивилизации: проблема создания в лингвистическом пространстве / А.В.Чернышева, И.Е.Чучайкина // Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: сборник трудов. – М.: НИИ РЛ МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2007.

Galiuk Alina Andreevna
Saint Petersburg State University
УДК 811.161.1

The synonymous verbs *to bring up* and *to raise* in Russian: cognitive and discourse approach

semantics, cognitive linguistics,
cognitive and discourse approach, synonyms, verbs

The analysis of synonymous words causes difficulties. First of all, there is no exact way to define synonyms by using special means, moreover, the terms ˝similarity˝ and ˝affinity˝ of meaning are believed to be unclear. Yet the scholars are trying to find new methods of investigating synonymic units which comprise the question of the connection of language, thinking and reality, identity and difference, symmetry and asymmetry [Мишланова 2009: 8]. One of them is the cognitive and discourse approach.

The method regards language phenomena at the intersection of cognition and communication that might help to conduct comprehensive research of the words. Also, the approach is relevant for the studying of synonyms, because the similarities and differences between the units are revealed better [Авдеева 2020]. Besides, thanks to discourse it can be traced the cognitive structure of the verbal representatives and its variations in the contexts (frames, scripts, etc.) [Жарковская 2006: 144-145]. In this paper, we attempt to identify the hallmarks of two synonymous verbs *to bring up* and

to raise, using this approach. We have chosen these words for several reasons. Firstly, the meanings of these words have many characteristics in common but there is no information about the features of the units' usage in the explanatory dictionary [Евгеньева 1970]. Secondly, the native speakers operate with these words in similar situations which prevents to distinguish the units. This needs to study the verbs, exploiting the data both from ˝Russian National Corpus˝ (RNC) and internet sources.

The verb *to bring up* represents different situations:

1) a parent brings up a child,

2) an adult brings up an adult,

3) the action brings up either adult or child,

4) a person brings up yourself.

These structures include the component ˝upbringing methods˝, still there are some differences. In the first script the element consists of strict upbringing, love and taking care of a child, relying on somebody's experience: *Во время пубертатного периода школьники склонны воспринимать требовательность взрослых как посягательство на их жизнь. Однако когда последние сами вырастают, они начинают понимать своих родителей и воспитывают уже своих наследников* ***по аналогичной схеме*** [https://smapse.ru/ strogost-ili-myagkost-kak-zhe-luchshe-vospityvat-detej/]: *Ребёнок часто предъявляет своим родителям упрёки за то, что его* ***строго воспитывали****. Но родитель* ***полон любви*** *и* ***хочет только хорошего*** *своему чаду, пойми. Только в строгости и любви!...Сначала этому ребёнку нужно привить*

чувство ответственности за свои поступи. Это и есть строгость [Елена Селена. Абсолют Послания к человечеству (2021)].

The second situation illustrates the same elements, but communication is based on unequal status of people: ***Борис Михайлович*** *[специалист по полезным ископаемым] подготовил и* ***воспитал специалистов****, владеющих методами поисково-разведочных работ и подсчета запасов многочисленных полезных ископаемых Урала* [https://www.rosnedra.gov.ru/article/12465.html].

The third one means that any activity might improve a person, yet they should engage in activity systematically. This is the way a habit is formed. *Уже в самом раннем возрасте Соловьев знал расписание всех проходивших мимо станции поездов... безошибочное владение расписанием воспитало в Соловьеве обостренное восприятие времени, столь необходимое для настоящего историка* [Евгений Водолазкин. Соловьев и Ларионов (2009)] [RNC].

The last situation assumes that an individual has to improve himself or herself. It is essential for a person and for a child as well because in the mind of native speakers there is an idea that only by educating yourself you can educate another person. *Мы все безуспешно пытаемся бороться с хулиганствующими молодыми фанатами, воспитываем их. Надо прежде* ***воспитать себя****. Они играют в те же игры, что и взрослые.* [Эд. Поляновский. Непотопляемый. Этот человек развалил наш футбол, развра-

тил его // ˝Известия˝, 2002.07.08] [RNC]. Thus, the script can be traced:

1) self-improvement;

2) own example;

3) imitation;

4) personality formation.

Talking about discourse hallmarks, it can be mentioned the usage of the verb *to bring up* in religious and sport discourse. In the first case the frame component ˝upbringing methods˝ changes: a priest brings up a person with faith. In the second discourse the frame has another element – the result of upbringing (success of a sportsmen): *[Евгения, жен] Сейчас работает ЗОЛОТОЙ тренерский состав...Отдельно хочется сказать про Максима Смирнова, замечательный тренер, столько* ***чемпионов*** *воспитал!* [коллективный. Отзывы о спортивном клубе Джем спорт (2012-2014)] [RNC].

Examples provided demonstrate that the word verbalizes different structures which depend on a subject, an object, and type of discourse.

The verb *to raise* resembles the cognitive structure of the previous synonym: it also can be exploited with the agents and patients of 1-2 situations, the unit is used in the sport discourse with the component ˝the result of a raising˝. Anyway, the analysis of contexts reveals sema ˝overcoming difficulties˝, according to the first script. It can be concluded that a parent successfully struggles with financial troubles in aim to ensure the life and health of a

child. Thus, the frame of the verb consists the element ˝conditions of upbringing˝ which is absent in the structure of the synonym *to bring up: Я вырастила своих детей одна, голодала в 90-е, некогда было оформить даже те несчастные 15 рублей на ребенка), потому что работала на 3-4 работах и некогда было выстаивать очереди на оформление пособий. [коллективный. Блоги // ˝Русский репортер˝, 2014*] [RNC]. This component can be fixed in the script:

1) birth of a child;

2) encounter with difficulties;

3) successful overcoming of difficulties;

4) formation of a personality.

It is relevant to pay attention that the agent of the verb cannot be an action or a person. It shows that the synonym does not represent frames three and four which are verbalized by the unit *to bring up*.

To sum up, the words *to bring up* and *to raise* differ in their cognitive structure: the first verb realizes more frames than another one, both synonyms have their own elements of the cognitive model, revealed in the context. Besides, the scripts and discourse hallmarks are distinguished.

Taking everything into account, the cognitive and discourse approach allows the identification of subtle cognitive features of synonymous verbs in various types of discourse. Since discourse includes information about the ways of obtaining, categorizing and conceptualizing information, its consideration is necessary when

analyzing language: this will help to consider both the cognitive and communicative component of the unit, as well as explaining its use in a specific situation.

References

Авдеева М.Д. Когнитивно-дискурсивный аспект семантики глаголов лексико-семантической группы ˝СВЕЧЕНИЕ˝: дис. … канд. филол. наук / М.Д.Авдеева. – Мытищи, 2020. – 189 с.

Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. – Ленинград: Наука, 1970–1971.

Жарковская И.В. Когнитивно-дискурсивный подход к определению семантических синонимов / И.В.Жарковская // Культура народов Причерноморья. – 2006. – №82. – Т.1. – С.143–145.

Мишланова С.Л. Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии: монография / С.Л.Мишланова, М.А.Хрусталева. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. – 187 с.

Национальный корпус русского языка: электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (accessed – 13.10.2021).

Гамирова Римма Габдульбаровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Гамирова Регина Ринатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Университет Канадзавы
УДК 616-092.11

Особенности неврологического статуса и ЭЭГ у детей с расстройствами аутистистического спектра

дети, аутизм, расстройства аутистического спектра, неврологический статус, ЭЭГ

У детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) наблюдается выраженный дефицит вербального / невербального и социального взаимодействия, а также фиксируются аномальные повторяющиеся и ограниченные модели поведения. В последние годы в связи с повышением осведомленности о ранних признаках аутизма, улучшением качества диагностики и доступности услуг раннего вмешательства снижается возраст первичного диагностирования. Первыми жалобами родителей обычно бывают задержка в развитии речи и коммуникации, замедленное развитие и ограниченная социальная отзывчивость [Filipek 2000: 468].

Несмотря на то, что у пациентов с расстройствами аутистического спектра не обнаруживаются значимые очаговые неврологические нарушения, многие исследователи все же со-

общают о наличии чувствительных и двигательных нарушений у детей с РАС [Minshew 2006: 2057]. Уже на первом году жизни их отличает выраженная мышечная гипотония, малоактивность, дезорганизованные модели движений. В исследовании, проведенном P.Teitelbaum с соавторами, диффузная мышечная гипотония наблюдалась примерно у 25% детей с РАС (как с умственной отсталостью, так и без нее). Двигательные стереотипии чаще встречались среди детей из группы с РАС, особенно среди детей с более низким интеллектом (IQ<65%) [Teitelbaum 1998].

В исследовании N.Akshoomoff с соавторами 65% детей с РАС имели диффузную мышечную гипотонию, 71% – гипорефлексию (снижение глубоких сухожильных рефлексов), нарушения походки при ходьбе наблюдались у 20% детей, у большинства детей не удалось оценить координацию в пальценосовой пробе в связи с непониманием инструкции. Стереотипные повторяющиеся движения наблюдались у 58% детей. Других значимых отклонений в неврологическом статусе выявлено не было. В остальном в ходе неврологического осмотра показатели оказались нормальными для всех или почти всех обследованных. Не было никаких признаков аномалий черепных нервов, спастичности, ригидности, слабости, тремора, хореоатетоза, дистонии или тиков [Akshoomoff 2007].

Наряду с изучением неврологического статуса пациентов с РАС в настоящее время актуальным остается поиск объективных методов диагностики и дифференциации различных видов

расстройств аутистического спектра. В исследовании Л.П.Якуповой с соавторами, использовавшей в качестве параклинического метода обследования электроэнцефалографию, выявлено, что различные формы РАС имеют свои ЭЭГ-признаки, которые коррелировали с особенностями их клинической картины, что, по мнению авторов, можно использовать в качестве дополнительного теста при дифференциальной диагностике форм РАС, их тяжести и прогноза. Динамическое наблюдение изменений биоэлектрической активности головного мозга позволило выявить, что при высокофункциональном варианте РАС – синдроме Аспергера – у 40% детей уже в возрасте 3-4 лет регистрировался высокочастотный альфа-ритм частотой 10 Гц и выше с усилением спектральной мощности. У детей младшего возраста при синдроме Каннера отмечались задержка созревания корковой ритмики, снижение индекса альфа-колебаний [Якупова 2016].

Согласно одной из теорий, в основе аутистического расстройства может лежать аномальная работа сети ″зеркальных″ нейронов, отвечающих за имитационное поведение, формирование коммуникации и социальных навыков. Нарушение имитационного поведения у детей с РАС отражается на персистенции мю-ритма на ЭЭГ бодрствования. У нормотипичных детей при выполнении различных манипуляций руками регистрируется значительная супрессия мю-ритма на ЭЭГ. Однако в эксперименте при наблюдении за движениями и выполнении имитационных движений пациенты с РАС демонстрировали значи-

тельно меньшую редукцию аркообразных мю-волн. Нарушенные навыки подражания коррелировали со степенью редукции мю-волн во время наблюдения за движением [Bernier 2007: 228].

Не последнюю роль в патогенезе аутизма играет когнитивная эпилептиформная дезинтеграция [Tuchman 2010: 709], представляющая собой субклиническую продолженную эпилептиформную активность без развития эпилептических припадков, которую можно диагностировать только с помощью регистрации ЭЭГ с включением сна.

Распространенность эпилепсии – наиболее частого коморбидного состояния при РАС – среди детей дошкольного возраста согласно исследованию около 7%, в последующем число достигает 20–35% к взрослому возрасту [Minshew 2006: 2057]. Субклиническая эпилептиформная активность на ЭЭГ без клинической манифестации эпилептических припадков по данным разных авторов варьирует в пределах 15-50% [Tuchman 1997: 560]. В исследовании A.Yasuhara эпилепсия была диагностирована у 37% (375/1014) пациентов с РАС, причем преимущественно носила симптоматический фокальный характер. У пациентов с более низким IQ отмечена более высокая частота эпилептических припадков. У 85,8% пациентов с РАС зарегистрирована эпилептиформная активность. Эпилептиформные разряды чаще всего регистрировались в лобных отведениях (65,6%), включая переднефронтальную локализацию (Fp1 и Fp2), в средне-, заднелобных (F3, F4, F7 и F8) и

центральных (C3, Cz и C4) отведениях. Частота возникновения эпилептиформной активности в других областях, включая височные доли (T3, T4, T5, T6), теменные доли (P3, Pz, P4), затылочные доли (O1, O2) и мультифокальные спайки, составляла менее 10%. Эти результаты также могут свидетельствовать о взаимосвязи между РАС и дисфункцией сети зеркальных нейронов.

Литература

Якупова Л.П. Связь нарушений ЭЭГ с клиническими особенностями расстройств аутистического спектра / Л.П.Якупова, Н.В.Симашкова // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2016. – Т.3. №2. – С.134-137.

Akshoomoff N. Abnormalities on the neurological examination and EEG in young children with pervasive developmental disorders / N.Akshoomoff, N.Farid, E.Courchesne, R.Haas // Journal of Autism and Developmental Disorders. – 2007. – Vol.37. Issue 5. – Pp. 887-893.

Bernier R. EEG mu rhythm and imitation impairments in individuals with autism spectrum disorder. / R.Bernier, G.Dawson, S.Webb, M.Murias // Brain and Cognition. – 2007. – Vol. 64(3). – Pp.228-237.

Filipek P.A. Practice parameter: screening and diagnosis of autism: report of the Quality Standards Subcommittee of the American Academy of Neurology and the Child Neurology Society / P.A.Filipek, P.J.Accardo, S.Ashwal et al. // Neurology. – 2000. – Vol. 55. Issue 4. – Pp. 468–479.

Minshew N.J. Underdevelopment of the postural control system in autism / N.J.Minshew, K.Sung, B.L.Jones, J.M.Furman // Neurology. – 2006. – Vol.63. – Pp.2056–2061.

Teitelbaum P. Movement analysis in infancy may be useful for early diagnosis of autism / P.Teitelbaum, O.Teitelbaum, J.Nye el al. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 1998. – Vol. 95. Issue 23. – Pp.13982–13987.

Tuchman R. Autizm and epilepsy: Historical perspective / R.Tuchman, M.Cuccaro, M.Alessandri // Brain and Development. – 2010. – Vol. 32. Issue 9. – P.709-718.

Tuchman R. Regression in pervasive developmental disorders: seizures and epileptiform electroencephalogram correlates / R.Tuchman, I.Rapin // Pediatrics. – 1997. – Vol. 99. – P.560-566.

Yasuhara A. Correlation between EEG abnormalities and symptoms of autism spectrum disorder (ASD) / A.Yasuhara // Brain and Development. – 2010. – Vol. 32. Issue 10. – P.791-798.

Горобец Елена Анатольевна
Руль Надя
Горобец Виктор Иванович
Мустакова Татьяна Павловна
Бударина Наталия Олеговна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81’33, 616.8

Исследование восприятия речи у детей с помощью нейролингвистической батареи тестов BVL_RU

Batteria per la Valutazione del Linguaggio in Bambini dai 4 ai 12 anni (Батарея тестов для оценки речи детей 4-12 лет), BVL 4-12, представляет собой инновационный диагностический инструмент первого уровня, используемый в клинической практике и нейролингвистических исследованиях. Она разработана итальянскими учеными в 2015 году, создатели – Андреа Марини, Луиджи Маротта, Сара Бульгерони и Франко Фаббро [Marini 2015].

Батарея позволяет оценить уровень речевого развития и выявить как речевые нарушения, так и структуру этого дефицита у детей 4-12 лет, произвести как качественный, так и количественный анализ. Стандартизация данной батареи была проведена на выборке, включающей в себя 1086 детей-носителей итальянского языка из разных регионов Италии. В настоящее время BVL 4-12 переведена на шесть языков и активно исполь-

зуется в международных исследованиях. Субтесты батареи подразделяются по возрасту (4-6 лет, 7-12 лет) и объединены в три группы: производство речи, восприятие речи, повторение. На русский язык батарея переведена и адаптирована в соответствии со стандартами Международной комиссии по тестированию [Marini 2017, Ruhl 2020].

В батарее представлены субтесты, нацеленные непосредственно на оценку импрессивной речи: *фонематический слух, проверка устной дифференциации* (отдельно для дошкольников и школьников)*, оценка правильности построения высказываний, понимание идиом, понимание лингвистической просодии, понимание эмотивной просодии*. Также есть субтесты, которые также дают информацию для анализа успешности декодирования речи: *повторение слов, повторение псевдослов, повторение предложений*.

Фонематический слух. Субтест позволяет оценить способность ребенка различать фонологически идентичные слова и выявлять пары слов, отличающиеся одним звуком. Стимульный материал отобран таким образом, чтобы проиллюстрировать звуки, различающиеся по способу и месту образования; субтест включает в себя 10 пар идентичных слов и 20 пар единиц, которые различаются одним звуком.

Проверка устной дифференциации. Субтест оценивает сформированность лексической компетенции, состоит из слов-стимулов разной частотности. Ребенку предлагаются четыре картинки, одна из которых представляет собой стимул, а три

являются дистракторами (фонетический, семантический, собственно дистрактор). Наборы стимульных материалов для дошкольников и школьников отличаются по уровню сложности. Дошкольникам предлагается 18 стимулов, называющих предметы: 10 слов высокой частотности, 7 среднечастотных слов, 1 низкочастотное слово. Школьникам предлагается 42 стимула: 31 имя существительное, 10 глаголов и 1 имя прилагательное, из них 4 слова высокой частотности, 8 среднечастотных слов и 30 низкочастотных.

Оценка правильности построения высказываний. Проверяется способность ребенка определять грамматическую приемлемость предложений различной сложности. Ребенку предъявляются четыре картинки, одна из которых отражает содержание фразы-таргета, а три представляют собой дистракторы – логико-грамматический, логико-пространственный, комплексный: и логико-грамматический, и логико-пространственный. Стимульный материал включает в себя: 3 предложения в активном залоге с контрастом по роду местоимения – мужской или женский – или числу существительного – единственное или множественное; 2 предложения в активном залоге, выражающих различные видовременные отношения; 1 предложение в активном залоге, осложненное причастным оборотом; 1 предложение с деепричастием; 2 предложения с различными логико-пространственными отношениями; 4 предложения в активном залоге с объектом, выраженным местоимением; 5 предложений в активном залоге с меной субъекта и объекта местами; 2 пред-

ложения в активном залоге с возвратными глаголами; 4 утвердительных предложения в пассивном залоге; 4 утвердительных отрицательных предложения в активном залоге; 3 предложения в пассивном залоге с отрицанием; 2 предложения в активном залоге с двойным отрицанием; 2 отрицательных предложения в активном залоге с противительным союзом; 5 предложений в активном залоге с разными типами придаточных.

Понимание идиом. Субтест оценивает способность ребенка интерпретировать значение фразеологизмов (10 единиц). Задача ребенка состоит в выборе одного, корректного, объяснения значения идиомы из трёх представленных вариантов: корректное (переносное) значение, буквальное (прямое) значение и некорректное.

Понимание речевой просодии. Оценивается способность ребенка к восприятию и интерпретации речевой просодии посредством определения цели высказывания: вопросительной, побудительной, повествовательной. Ребенку предъявляются 12 предложений, предварительно записанных диктором.

Понимание эмотивной просодии. Анализируется способность ребенка воспринимать и интерпретировать эмотивную просодию посредством определения эмоциональной окраски, с которой было произнесено высказывание. Ребенку предъявляются 12 предложений, предварительно записанных диктором.

Субтест *"Повторение слов"* выявляет уровень способности ребенка воспринимать и корректно повторять простые слова русского языка. Субтест содержит 15 слов, 14 имен суще-

ствительных и 1 прилагательное, среди которых 4 односложных стимула, 5 двусложных, 5 трехсложных, 1 четырехсложный.

Субтест *"Повторение псевдослов"* оценивает способность воспринимать и корректно повторять последовательности звуков, которые не представляют собой реально существующих слов в русском языке, однако не нарушают его основных акустических и артикуляционных законов, воспринимаются носителями языка как потенциально возможные. Ребенку предъявляются 4 односложных стимула, 6 двусложных, 3 трехсложных, 3 четырехсложных.

Субтест *"Повторение предложений"* содержит разные по сложности стимульные материалы для дошкольников и школьников. Оценивается способность воспринимать и корректно повторять серию из 20 усложняющихся высказываний с различной синтаксической структуры.

Таким образом, BVL_RU предоставляет возможность комплексно исследовать сформированность импрессивной речи у детей 4-12 лет.

Литература

Marini A. An introduction to the Russian adaptation of the battery for the assessment of language in children (BVL_RU) / A.Marini, N.Eliseeva, E.A.Gorobets, O.G.Filippova // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM, 2017. – V.2. – Pp.541-548.

Marini A. Batteria per la Valutazione del Linguaggio in Bambini dai 4 ai 12 anni / A.Marini, L.Marotta, S.Bulgheroni, F.Fabbro. – Italy, Firenze: Giunti O.S, 2015.

Ruhl N. A characterization of language development in heritage speakers / N.Ruhl, D.Polkina, E.Gorobets, M.Ozbič, A.Marini // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2020. DOI: 10.1080/13670050.2020.1774494

Daiber Thomas
Justus-Liebig-Universität Gießen
УДК 811.161.1

Emblematic style. The concept ˝house˝ in the Ukrainian and the Russian Gospel translation

Biblical Style, Bible translation, Ukrainian, Russian

The Biblical use of the word ˝house˝ spans from literal meaning to metonymical extensions (like ˝house˝ > ˝privacy˝) or metaphors (like ˝house/ inhabitant˝ > ˝body/ soul˝). We ask, how many meaning variants of ˝house˝ can be distinguished in the Gospel (1) and if there are any differences observable in the Ukrainian and the Russian Bible translations (2).

1. Some examples, supplemented with their respective Ukrainian and Russian translational equivalents, may show the fundamental literal and figurative meanings of the concept ˝house˝:

	Greek source	Пантелеймон Куліш й Іван Пулюй 1904	Русский Синодальный перевод (1993)
1	Mt 6:19 ὅπου κλέπται διορύσσουσιν	де злодії підкопують ся	где воры подкапывают
2	Mt 9:9 ἐπὶ τὸ τελώνιον	на митниці	у сбора пошлин

3	Mt 9:10 ἀνακειμένου ἐν τῇ οἰκίᾳ	сидїв Він за столом у господї	возлежал в доме
4	Mt 10:27 κηρύξατε ἐπὶ τῶν δωμάτων	проповідуйте на домах	пропове-дуйте на кровлях
5	Mt 24:43 εἰ ᾔδει ὁ οἰκοδεσπότης	коли б господар знав	если бы ведал хозяин дома
6	Mt 26:58 ἕως τῆς αὐλῆς τοῦ ἀρχιερέως	до двору архиєрейського	до двора первосвя-щенникова
7	Luke 2:49 ἐν τοῖς τοῦ πατρός μου δεῖ εἶναί με	що в тому, що єсть Отця мого, треба бути менї	мне должно быть в том, что принадлежи т Отцу Моему
8	Luke 10:5 Εἰρήνη τῷ οἴκῳ τούτῳ	Впокій домові сьому	мир дому сему
9	Luke 12:52 πέντε ἐν οἴκῳ ἑνὶ διαμεμερισμένοι	пятеро в однїй хатї роздїлених	пятеро в одном доме станут разделяться

10	Luke 14:23 ἵνα γεμισθῇ ὁ ο ἴκός μου	щоб повна була господа моя	чтобы наполнился дом мой
11	Acts 1:20 μὴ ἔστω ὁ κατοικῶν ἐν αὐτῇ	нехай нїхто не домує в нїй	да не будет живущего в нем
12	1 Corinthians 15:53 δεῖ γὰρ τὸ φθαρτὸν τοῦτο ἐνδύσασθαι ἀφθαρσίαν	Треба бо тлїнному сьому одягнутись у нетлїннє	Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление
13	2 Corinthians 5: 1οἴδαμεν γὰρ ὅτι ἐὰν ἡ ἐπίγειος ἡμῶν οἰκία τοῦ σκήνους καταλυθῇ, οἰκοδομὴν ἐκ θεοῦ ἔχομεν, οἰκίαν ἀχειροποίητον αἰώνιον ἐν τοῖς οὐρανοῖς	Знаємо бо, як земний будинок тїла нашого розпадеть ся, ми будівлю від Бога маємо, будинок нерукотворний, вічний на небесах	Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотво-ренный, вечный

14	Galathians 4:7 οὐκέτι εἶ δοῦλος ἀλλὰ υἱός	вже більш не невільник єси, а син	ты уже не раб, но сын
15	Ephesians 2:21 ἐν ᾧ πᾶσα ἡ οἰκοδομὴ συναρμολογουμένη αὔξει εἰς ναὸν ἅγιον ἐν Κυρίῳ·	на котрому вся будівля, докупи споєна, росте в церкву сьвяту в Господї	на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе
16	1 Timothy 3:15 ἐν οἴκῳ θεοῦ ἀναστρέφεσθαι, ἥτις ἐστὶν ἐκκλησία θεοῦ ζῶντος	як треба в дому Божому жити, котрий єсть церква Бога живого	как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого
17	1 Timothy 5:4 τὸν ἴδιον οἶκον εὐσεβεῖν	свій дім благочестиво спорядити	почитать свою семью
18	2 Peter 1: 14 ἡ ἀπόθεσις τοῦ σκηνώματός μου	оставлю оселю мою	оставить храмину мою
19	Jude 6 ἀπολιπόντας τὸ ἴδιον οἰκητήριον	оставивших свої оселї	оставивших свое жилище

20	Revelation 11:2 καὶ τὴν αὐλὴν τὴν ἔξωθεν τοῦ ναοῦ ἔκβαλε ἔξω (…) ὅτι ἐδόθη τοῖς ἔθνεσιν	двір, що навперід храма, викинь геть (…) бо він даний поганам	а внешний двор храма исключи (…) ибо он дан язычникам

The concept ˝house˝ in literal meaning [1, cf. Mk 2:1, Mk 13:15], may serve special purposes [2, cf. John 2:16, Romans 16:5] and can be attached to a public court [6] in contrast to its private inner rooms [20]. The roof also counts as outside public space [4].

˝In˝ the house is its possessor and ˝house˝ takes on the meaning ˝property, wealth˝, associated with manners of behaviour [3], but also with loss [11] or desertion [19]. The meaning ˝property˝ leads to the substitution of the lexical item ˝house˝ itself [7, cf. Luke 24:12] by pronouns designating the possession.

The community of those, who are living together, can pars pro toto be called ˝house˝. The community may be socially differentiated [14], held together by succession of generations [17], and is conceptualised as a whole [8, cf Luke 9:61, 2 Timothy 1:16] and a close unit [9]. The master of the house [5] is in charge of the building, of the unity of inhabitants, and of the distribution of his wealth [10, cf. Luke 16: 4]. Metaphors are made from the concepts ˝master of the house˝ (God) and ˝property˝ (mercy, life, paradise) which the master of the household will share with those, who accept invitation into his house. The individuals in the house, building a community,

can consequently be conceptualised as if they themselves would be the concrete elements the house is built from [15, cf. Ephesians 2:22]. Metaphorically conceptualising inhabitants as building blocks consequently changes the literal meaning of ″house″ towards the concept of a spiritual unity [16].

The metaphorical meaning of ″inside″ as ″inwardly, mentally″ becomes productive in metaphors, which conceptualise the relation between body and soul. The earthly body becomes a place to worship [18], and the soul will take on a spiritual body in the transcendent world [13]. The Christian meaning of body and soul as an inseparable unity (Daiber 2021) may have motivated the change from ″soul inside bodily house″ to ″individual inside clothes″ [12, cf. Ephesians 4:24]. A house can be exited and left behind, clothes keep attached to the person.

2. Emblematic meaning in Russian and Ukrainian translations

The examples exhibit the gr. lexem οἰκία ″house″ seven times [3, 8, 9, 10, 13, 16, 17], which six times is translated into Russian with дом [3, 8, 9, 10, 13, 16]. Ukrainian has дім [8, 16, 17], господа [3, 10], хата [9] and будинок [13]. While Russian shows the tendency to literal translation, Ukrainian narrows the semantic extension of ″house″ towards the Ukrainian specific хата ″(rural) hut″ or towards the more abstract господа ″household″, while будинок conveys the neutral meaning ″building″.

Gr. οἰκοδομή ″building, edifice″ [13, 15] is translated into Ukrainian as будівля, while Russian has жилище [13] and здание [15]. Gr. οἰκητήριον [19, cf. Ephesians 2:22 κατοικητήριον] ″residen-

ce, dwelling″ is translated into Ukrainian as оселя and into Russian as жилище. Unexpectedly Ukrainian translates gr. ναὸς ″temple″ [15] not as храм like Russian but as церковь. The same happens with gr. σκήνωμα ″habitation, temple, metaphorically: body″ (Bauer 1988: 1509), which Ukrainian translates more abstractly as оселя, Russian more literally as храмина. Two times Ukrainian adapts behaviour (″to sit at the table″ [3]) or artefacts (″to proclaim something in the houses″ [4]) to the target culture. Russian one time [17] changes a greek metonymy into literal meaning. Both translations conserve the semitic respective greek figurative meaning variants of the concept ″house″, which are not apparent or at least salient in modern Ukrainian or Russian. By doing so the translations establish in their respective target languages marked figurative utterances with the high recognition value of ″emblematic″ Biblical style [Daiber 2019].

References

Daiber T. Schriftlichkeitsdiglossie, Bibelsprache und Emblematik / T.Daiber // Böhnisch, Genia/Junghanns, Uwe/Pitsch, Hagen (ed.): Linguistische Beiträge zur Slavistik, XXV. JungslavistInnen-Treffen Göttingen 2016. – Berlin, Bern, Bruxelles: Lang, 2019. – P.71-91. (= Specimina philologiae Slavicae 199)

Духовная Татьяна Валерьевна
Кубанский государственный университет
УДК 81’42

Метод мультимодального анализа кинодискурса

дискурс-анализ, мультимодальный анализ, кинодискурс, контекст

Мультимодальный анализ дискурса относится к анализу его различных семиотических систем, целью которого является интеграция репрезентативных, интерактивных и текстовых значений, реализуемых различными элементами. Задача мультимодального анализа заключается в изучении взаимодействия этих элементов, в результате которого образуется целостный дискурс. Мультимодальный анализ дискурса может быть выполнен различными способами, среди которых: контент-анализ, конверсационный анализ, социально-семиотический анализ. Объектом такого рода исследований выступают разнообразные элементы и характеристики дискурса (модальность, жанр, стиль и т.д.). Мультимодальный анализ дискурса представляет собой новое и быстро развивающееся направление исследований, которое приобрело свою популярность в западной науке в 1990-х гг. С тех пор дискурс-анализ переместил фокус своего внимания с исключительно языкового знака на динамическую совокупность знаков языка, звуков, изображений, действий – иными словами, с мономодальности на муль-

тимодальность. Мультимодальный дискурс оперирует визуальной, звуковой, смысловой, языковой / многоязычной системами знаков для передачи информации с помощью различных средств (символов, звуков, изображений и т.д.) [Zhang 2009]. Как отмечает С.С.Зайченко, кинодискурс представляет собой сложную многоуровневую семиотику, которая состоит из подсистем знаков, благодаря чему выступает ярким примером синтеза разных типов знаков [Зайченко 2013].

Опираясь на системную функциональную грамматику, разработанную М.Холлидеем [Halliday 2013], можно сформировать теоретическую основу для анализа мультимодального дискурса, которая будет включать пять уровней: культура, контекст, значение, форма и медиа (средство). Мы предпримем попытку провести мультимодальный анализ кинодискурса на уровнях культуры, контекста и значения изображения. Материалом анализа послужит фильм ˝Операция ˝Арго˝ (реж. Б.Аффлек, США, 2012 г.). Кинокартина рассказывает об агенте ЦРУ Тони Мендесе, который мастерски владел техниками камуфляжа и разработал план спасения шести американских дипломатов, оказавшихся в ловушке в посольстве Канады в Тегеране.

Контекст культуры реализуется здесь через идеологию и жанр. Кинофильм может быть отнесен к категории голливудских тематических фильмов, в которых американец стремится к свободе и ценит человеческую жизнь. В кинодискурсе демонстрируются демократия и свобода американского правительства, кроме того, создается его положительный образ. Сотруд-

ничество спецслужб Соединенных Штатов, Великобритании и Канады пропагандирует западную господствующую идеологию, в то время как Ирану отводится роль злодея, который противостоит западному миру.

Американский национальный флаг неоднократно демонстрируется в фильме и как символ репрезентирует в кинодискурсе американское политическое пространство и американский дискурс власти. Американцы могут свободно комментировать политические вопросы, несмотря на любые ограничения со стороны институтов. Любое политическое событие в США не окажет дестабилизирующего влияния на жизнь людей, в отличие от аналогичных в Иране.

Контекст ситуации формируется центральным событием, вокруг которого выстраивается кинотекст, содержанием кинодиалога и формой дискурса. Центральным событием является разработка агентом Тони Мендесом плана по возвращению американских дипломатов на родину и успешная его реализация. Содержание кинодиалога включает формальную и неформальную коммуникацию Тони Мендеса с руководителями ЦРУ, а также с голливудскими кинопродюсерами. Формой дискурса является кинодискурс, который реализуется через язык, изображение и звук, которые дополняют друг друга.

Репрезентативное значение, интерактивное значение и композиционное значение формируют уровень значения изображения. Репрезентативное значение изображения воплощается в процессе действия, процессе реакции, а также в речи и

ментальном процессе. Процесс действий – национализированная американцами и британцами нефтяная промышленность Ирана возвращается иранскому народу. Реакционные процессы включают свержение народом короля, сожжение американского флага, захват американского посольства, призыв к экстрадиции короля в Иран. Крики и выражения во время штурма посольства относятся к речи и ментальным процессам.

Интерактивное значение изображения в основном достигается за счет контакта, социальной дистанции и отношения. Сцены в кинофильме, изображающие митинг у посольства США, людей, сжигающих американский флаг, захват посольства, заставляют зрителей почувствовать смену политической власти в Иране, а также создают отрицательный образ иранского лидера.

Композиция объединяет репрезентативные и интерактивные значения в единое значимое целое. Информационная ценность, значимость и оформление составляют композиционное значение изображения [Kress 2006]. Различные элементы размещаются в разных местах и таким образом передают определенную информацию. Например, данная информация помещается слева, в то время как новая информация помещается справа, представляемая дается вверху, а реальная информация – внизу. Оформляющие средства включают линии, контуры, например, черно-белый цвет видеоряда в начале фильма заставляет зрителей воспринимать материал как историческую хронику.

Проведенное исследование доказывает применимость и целесообразность использования метода мультимодального анализа при изучении кинодискурса, а также развивает область исследований взаимодействия лингвистики, кино и телевидения, открывает новую исследовательскую перспективу для дискурсивного анализа.

Литература

Зайченко С.С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса / С.С.Зайченко // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 2 (293). – С.96-99.

Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar (4th ed.) / M.A.K. Halliday. – London: Routledge, 2013. – 780 p.

Kress G. Reading Images: The Grammar of Visual Design (2nd ed.) / G.Kress, T. van Leeuwen. – London: Routledge, 2006. – 312 p.

Zhang D.L. On A Synthetic Theoretical Framework for Multimodal Discourse Analysis / D.L.Zhang. – China Foreign Language. – 2009. – №1. – P.24–30.

Есин Олег Радиевич
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'33, 616-009.7

Опыт применения ˝Опросника алекситимии для детей˝ у подростков с головной болью напряжения

алекситимия, стрессовая головная боль, подростки

Алекситимия – это состояние, которое может приводить к возникновению или хронизации боли не только у взрослых, но и у детей. Клинически у пациента алекситимия проявляется трудностью в описании и определении своих чувств и ощущений [Есин 2014: 148-151]. В современной науке все более широко распространяется точка зрения, согласно которой нарушения в восприятии и выражении эмоций могут привести к развитию психосоматических заболеваний [Gorobets 2017]. Ученые различных специальностей, описывая эту проблему с позиций разных наук, получают все новые подтверждения тому, что эмоции, ощущения, чувства, тем более негативные, не осознанные и не нашедшие вербальную оболочку, не получившие отклик в области внутреннего восприятия, способны преобразоваться во внешнее проявление, то есть спровоцировать развитие физического заболевания [Кристал 2006].

Изучаются различные грани алекситимии: коморбидность с головной болью у детей; определение степени выраженности; алекситимия как вариант защиты от психотравмирующих фак-

торов; корреляция выраженности алекситимии с импульсивностью [Loas 2017]. Проблемами алекситимии занимаются психиатры, врачи различных специальностей, психологи, нейрофизиологи, радиологи, лингвисты. У взрослых используется Торонтская шкала алекситимии (20-Item Toronto Alexithymia Scale – TAS 20) [Rieffe 2006: 123-133]. У детей этот опросник используется в виде сокращенной версии, включающей 20 пунктов.

Сотрудниками Казанского федерального университета с разрешения правообладателей был подготовлен русскоязычный вариант опросника с прямым и обратным переводом.

В детском варианте отсутствует балловая оценка алекситимии, позволяющая разграничить высокий, пограничный и низкий уровень алекситимии. Поскольку шкала для взрослых включает 100 баллов, а шкала для детей – 40 баллов, мы сочли возможным считать, что 1 балл педиатрической шкалы равен 2.5 баллов по взрослой шкале, и предложили следующую градацию: низкий уровень – 8-20 баллов; пограничный уровень – 21-25 баллов; высокий уровень – 25 баллов и более.

Опросник ″Алекситимия у детей″ включает 20 коротких утверждений о мыслях или ощущениях ребенка. Каждый пункт оценивается одним ответом ″обычно верно″, ″иногда верно″ или ″неверно″. Если ребенок затрудняется в выборе ответа, то ответ соответствует наиболее частым состояниям. Ребенок информируется о том, что ″правильных″ и ″неправильных″ ответов нет, а правильным будет тот, который лучше всего описывает его чувства и мысли.

Головные боли – острая и актуальная проблема современной педиатрии. По мере взросления детей отмечается увеличение распространенности первичных головных болей от 23% до 51% [Sundblad 2007: 171-180], а также начинают проявляться гендерные особенности в увеличении частоты головных болей среди лиц женского пола [Petersen 2003: 367-374].

Головная боль напряжения у детей – это самая часто встречающаяся головная боль, распространенность которой может достигать 73% [Carlsson 1996: 692-696]. К факторам, увеличивающим частоту головной боли напряжения, относят: тревогу и депрессию, большую академическую загруженность, заниженную самооценку, а также отягощенный семейный анамнез по головным болям и тревожным расстройствам [Stanfor 2008: 11-21].

Было обследовано две группы пациентов обоих полов с жалобами на головную боль и без жалоб на боль в возрасте от 13 до 17 лет. Были проанализированы различные показатели, включая результаты тестирования по ˝Опроснику алекситимии для детей˝.

Результаты анализа данных показали, что существует значимая взаимосвязь между алекситимией и головной болью напряжения у детей.

В современном мире алекситимию воспринимают в том числе и как проявление нарушений межполушарного взаимодействия, и как фактор риска соматических и психосоматических заболеваний. Сложность понимания собственных эмоций

способствует расстройству связи эмоционально-образных компонентов слов-понятий и логических систем.

В настоящее время отмечается увеличение количества пациентов с алекситимией не только среди взрослого населения, но и среди подрастающего поколения. Алекситимия затрудняет диагностику различных заболеваний, для выявления которых отсутствуют инструментальные методы, поэтому основа диагностики выстраивается на вербальном отчете пациента. Важным аспектом в изучении алекситимии является лингвистический подход. Современные исследования в области лингвистики предполагают возможность анализа положительных и отрицательных ощущений человека с учетом новейших исследований в области языка. Лингвистическое исследование речи алекситимиков способствует выявлению аспектов, затрудняющих вербализацию у данной группы информантов.

Опыт использования опросника у подростков показал, что утверждения легко и быстро воспринимаются подростками от 13 лет. Только несколько пунктов ˝У меня такие ощущения в теле, что даже доктора не могут понять их˝ и ˝У меня часто бывают загадочные ощущения в теле˝ порой заставляли респондентов задуматься и попросить доктора объяснить значение этих фраз.

˝Опросник алекситимии для детей˝ на русском языке может быть рекомендован к использованию не только в клинической педиатрической практике, но и специалистам, занимаю-

щимся выявлением психических и поведенческих расстройств и их коррекцией.

Литература

Есин Р.Г. Алекситимия – основные направления изучения / Р.Г.Есин, Е.А.Горобец, К.Р.Галиуллин, О.Р.Есин // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. – 2014. – Т.114. – №12. – С.148-151.

Кристал Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия: пер. с англ. / Г.Кристалл. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 800 с.

Carlsson J. Prevalence of headache in schoolchildren: relation to family and school factors / J.Carlsson // Acta paediatrica. – 1996. – Т.85. – №6. – С.692-696.

Gorobets E. Alexithymia as a predictor of psychosomatic disorders: linguistic aspects / E.Gorobets, R.Esin, O.Esin, K.Galiullin, D.Martyanov // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM 2017. – V.2. – Pp. 525-532.

Loas G. The measurement of alexithymia in children and adolescents: Psychometric properties of the Alexithymia Questionnaire for Children and the twenty-item Toronto Alexithymia Scale in different non-clinical and clinical samples of children and adolescents / G.Loas et al. // PloS one. – 2017. – Т.12. – №5. – e0177982.

Petersen S. High prevalence of tiredness and pain in young schoolchildren / S.Petersen, E.Bergström, C.Brulin // Scandinavian Journal of Public Health. – 2003. – Т.31. – №5. – P.367-374.

Rieffe C. An alexithymia questionnaire for children: Factorial and concurrent validation results / C.Rieffe, P.Oosterveld, M.M.Terwogt // Personality and individual differences. – 2006. – Т.40. – №1. – С.123-133.

Stanford E.A. The frequency, trajectories and predictors of adolescent recurrent pain: a population-based approach / E.A.Stanford et al. // Pain. – 2008. – Т.138. – №1. – С.11-21.

Sundblad G.M.B. In collaboration with University College of Physical E, Sports SS. Prevalence and co-occurrence of self-rated pain and perceived health in school-children: Age and gender differences / G.M.B.Sundblad, T.Saartok, L.M.T.Engström // European Journal of Pain. – 2007. – Т.11. – №2. – С.171-180.

Жолобов Олег Феофанович
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 811.161.1

О грамматической и лексической вариативности в древнеславянских списках паримейника

паримейник, древнеславянские списки, лексическая вариативность

Паримейник играл важную роль в богослужении и поэтому был переведен, по-видимому, еще при жизни Мефодия. На ранний перевод текста указывают кирилло-мефодиевская лексика и архаические грамматические формы. Будучи богослужебным текстом, паримейник был на слуху и оказывал наибольшее влияние на развитие древнеславянского лексикона, наряду с такими богослужебными текстами, как Евангелие и Апостол. Поскольку основную часть паримейника составляли разножанровые тексты Ветхого Завета, он оказывался наиболее разноообразным по жанрово-стилистическим особенностям богослужебным сборником.

Текстологическая история паримейника представляет очень сложную и противоречивую картину. В недавнее время ей были посвящены лишь работы А.А.Пичхадзе [Пичхадзе 1991; Пичхадзе 1998]. Исследователь отмечает, что разные паримии одной рукописи могут принадлежать к различным редакционным группам или даже редакциям. На основе анализа раз-

ночтений в паримийных чтениях книги Исход А.А.Пичхадзе выделила четыре редакции – древнейшую, Захариинскую, Козминскую и Семеновскую [Пичхадзе 1991: 151–157; Пичхадзе 1998: 7].

В настоящее время появилась возможность более полного изучения редакционных вариаций паримейника, которые выражаются в грамматической и лексической вариативности в различных рукописях, благодаря книжному изданию македонского Григоровичева паримейника [Рибарова] (далее – Григ), сербского Белградского паримейника [Јовановић-Стипчевић 2005] и созданию электронного корпуса древнерусских списков паримейника. Он входит в Казанскую электронную коллекцию славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. на портале Манускрипт [Казанская коллекция].

В корпусе представлены четыре древнерусских списка – самый древний из датированных Захариинский паримейник 1271 г. [Зах], самый древний из сохранившихся списков Лазаревский паримейник трет. четв. XII в. [Лаз], Троицкий I паримейник втор. пол. XIV в. [Тр] и Федоровский II паримейник XIII в. [Фед]. Козминский паримейник 1313 г. будет добавлен в корпус после редактирования набора [Козм]. Согласно А.А.Пичхадзе, данные рукописи представляют разные редакции, названные выше.

Древнерусские списки разных редакций представляют ценнейший историко-лингвистический материал, поскольку масштабно отражают вариативность языковых единиц на раз-

ных уровнях, при том что восходят к одному протографическому источнику. Целый ряд вариантов показателен для текстологической характеристики рукописей.

Диагностически значимыми при установлении меры архаичности рукописи и редакции являются варианты форм презенса *вѣмь* / *вѣдѣ*; аористов типа *рѣхъ*, *рѣша* / *рекохъ*, *рекоша*; *сънѣхъ*, *сънѣша* / *сънѣдохъ*, *сънѣдоша*; *разврѣшасѧ* / *развьрзошасѧ*; *начатъ* / *нача*; *житъ* / *жи*; нестяженных и стяженных форм имперфекта; дуальных форм 3 л. на *-те* и *-та*. Первостепенное значение имеет количественный вес форм простого аориста.

Как нами было установлено ранее, Захариинский паримейник по наибольшому количеству форм простого аориста выделяется среди всех древнерусских списков, а его особая архаичность находит продолжение также в высокой частотности аористов типа *рѣша*, сохранении нестяженных имперфектов и форм 3 лица двойственного числа на *-те* [Жолобов 2020; Zholobov 2016; Žolobov 2016]. См., например, простой аорист 3 л. дв. числа на *-те*, противопоставленный новосигматическому аористу с разными флексиями в других списках: *изнеможеть ѡчи ѥго* Зах138г1–2 (с графическим эффектом ь = е) vs. *изнемогосте очи его* Лаз 61в12–13; *изнемогоста* Тр 62а19; *изнемогостѣ ѡчи емоу* Григ 55, 17–18 (при том что в македонском Григоровичевом паримейнике количество простых аористов намного превосходит все рукописи, и это указывает на его наибольшую архаичность).

Очень широко в рукописях отражена вариативность атрибутивного и субстантивного определений, где, в свою очередь, варьируют падежные формы дательного и родительного падежей.

См., например: *на страноу воды иѥрданьскыя* Зах 11г17–19 (здесь и далее ˝я˝ передает а йотированное) vs. *на страноу водѣ иѡръданьсТѣи* Лаз 1а12–14; *ѿ источьникъ сп҃сеныихъ* Зах 21а9–11 vs. *ѿ источьника сп҃сению* Лаз 5а17–19; *сынове безаконьнии* Зах 28а5–7 vs. *сн҃и безакония* Лаз 10а16–17; *разоумѣти же словеса моудрости прияти же изьвития словесъ* Зах 30а15–19 vs. *разоумѣти же словеса моудростьная. прияти же извития словомъ* Лаз 11в9–14 и мн. др.

Большой интерес вызывает масштабно представленное лексическое варьирование, которое частично обусловливается постепенным введением в первоначальный перевод преславской лексики и на основе которого складывались системные синонимические отношения в лексике.

См., в частности: *познати прѣмудрость и наказаниѥ* Зах 30а12–15 vs. *разоумѣти моудрость ї наказаниѥ* Лаз 11в7–9; *ѿ плода правды прозѧбаѥть дрѣво животьноѥ* Зах 95б15–19 vs. *ѿ плода правьдна прозѧбаѥть доубъ животоу* Фед 29г14–16 vs. *ѿ плода правды прозѧбнеть дубъ жизни* Тр 41г17–19; *гл҃ѧдаяи* (так!) *тихо* Зах 99в9–10 vs. *видѧи гладъко* Лаз 50а6–7; *оугль жеравъ* Зах 61в7 vs. *оугль горѧщь* Лаз 32г18; *а гонѧщеи соуѥтная. скоуднии. оумъмь* Зах 99б8–10 vs. *а гонѧщеи поустошная скоудьни оумъмь* Лаз 49г12–14; *яко сътворилъ ѥси*

чоудны вещи Зах 96б8–10 vs. *яко створилъ ѥси дивьны. вещи* Лаз 47г2–4 и мн. др.

Для оценки архаичности списков показательно количественное соотношение частотных охридских и преславских лексем, при том что целый ряд преславизмов отсутствует в названных рукописях (см., например: *дѣля*, *лѣвъ*, *обоувь*, *плищь*, *послоушьство*, *пронырьство*, *сълоучитисѧ*, *трѣбьникъ*, шия и др.). См. количественные данные в такой паре охридской и преславской лексики, как *искрьнии* и *ближьнии* (с учетом того, что Федоровский список имеет наибольшее число утраченных листов, а Захариинский список является самым полным; в Зах из подсчетов исключены две формы субстантивата *ближьнии*, которые вошли в дополнительный текст за рамками паримейника; о преславской лексике см., в частности, [Славова 1989]):

Таблица 1. Сравнительный анализ количественных данных

Лаз	Зах	Тр	Фед
2 : 12	7 : 5	1 : 10	5 : 3

Эти данные характеризуют Зах и Фед как наиболее архаичные и близкие первоначальной редакции перевода. Лазаревский паримейник, отнесенный к древнейшему редакционному типу в классификации А.А.Пичхадзе, выпадает из этого ряда и примыкает к спискам типа Тр, хотя является самым ранним из сохранившихся списком паримейника. Таким образом, расхож-

дения в количественном соотношении охридской и преславской лексики могут в формализованном виде отражать редакционные различия и очерчивать круг источников одного редакционного круга.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 20-512-18001).

Источники и электронные коллекции

Григ – Григоровичев паримейник, XII–XIII вв., РГБ, Григ. 2, 104 л.; изд.: Рибарова, Хауптова 1998.

Зах – Захариинский паримейник, 1271 г., РНБ, Q.п.I.13, 264 л.; изд.: Казанская коллекция.

Казанская коллекция – Казанская коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв., Казанский федеральный университет, НИЛ палеославистики, при поддержке ИАС ″Манускрипт″, 2007–2021 [Электронный ресурс]. URL: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54 (последнее обращение: 12.10.2021).

Козм – Козминский паримейник, 1313 г., РГАДА, Тип. 61, 151 л.

Лаз – Лазаревский (или Сковородский) паримейник, 3-я четв. XII в., РГАДА, Тип. 50, 126 л.; изд.: Казанская коллекция.

Тр – Троицкий I паримейник, 2-я пол. XIV в., РГБ, Тр. 4, 142 л.; изд.: Казанская коллекция.

Фед – Федоровский II паримейник, 2-я пол. XIII в., РГАДА, Тип. 60, 107 л.; изд.: Казанская коллекция.

Литература

Жолобов О.Ф. Диагностические глагольные формы в древнерусских паримейниках и Толстовском сборнике XIII в. / О.Ф.Жолобов // Труды Института русского языка им. В.В.Виноградова. – 2020. – № 1: Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. – С.88–105.

Јовановић-Стипчевић Б. Београдски паримејник. Почетак XIII века. Текст са критичким апаратом / Б.Јовановић-Стипчевић. – Београд, 2005. – 495 с.

Пичхадзе А.А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) / А.А.Пичхадзе // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. – М., 1991. – С.147–173.

Пичхадзе А.А. Книга ˝Исход˝ в древнеславянском паримейнике / А.А.Пичхадзе // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. – 1998. – №4. – С.5–60.

Рибарова З. Григоровичев паримејник. I. Текст со критички аппарат / З.Рибарова, З.Хауптова. – Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 1998. – XVIII + 453 с.

Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевския старобългарски евангелски превод / Т.Славова // Кирило-Методиевски студии. 6. София, 1989. – С.15–129.

Zholobov O.F. The synthetic indicative in Cyril and Methodius' sources (the internet edition of the Paroemiarion Zacharianum dating from 1271) / O.F.Zholobov // Russian Linguistics. – 2016. – Vol. 40. – №2. – Pp.153–172.

Žolobov O. Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) / O.Žolobov // Zeitschrift für Slawistik. – 2016. – Vol. 61. – №2. – Pp.305–321.

Zainakova Aigul Eduardovna
Kazan Federal University
УДК 81`38

Lexico-semantic and stylistic features of modern fashion blogs

lexico-semantic features, stylistic features, fashion blogs, Vogue

Today blogs are very popular and every day the audience that reads and creates them only increases. The concept of a blog means a website which main content is regularly updated with entries including texts, images, or multimedia. Bloggers all over the world create a new type of information transfer, write about fashion, style, trends, and their inspirations. In recent years, it has become customary to blog in two languages, both in the native language and in English.

Fashion blog is a thematic blog dedicated to fashion. It has its own rules, formats, and standards of blogging. A number of scientists say that the language of blogging is a special type of language, it is-considered as the third form of speech, along with verbal and written [Максимова 2007: 18].

In the fashion language, you can trace different levels of language usage [Стилистика 2019: 23]:

– phonetic level: repetitions of individual sounds are actively used – alliteration, assonance, rhyme, as well as a combination of these devices. Phonetic devices increase the expressiveness of speech, its emotional and aesthetic impact;

– morphological level: we can observe the use of such devices as the use of the author's ˝we˝, abbreviations, the comparative degree of adjectives, the use of qualitative adjectives and suffixes of subject assessment, abbreviated forms;

– lexical level: fashion texts are characterized by the interaction of words with familiar colloquial words and emotive vocabulary. Using devices that are characteristic of the familiar-conversational style helps to create a friendly tone of narration, incline the reader to a less critical perception of information;

– syntactic level is characterized by the use of devices such as inversion, rhetorical question, and default.

Graphic design plays an important role in blog texts. This allows a user to focus the reader's attention on the most important points.

We reviewed several posts of famous fashion bloggers and analyzed the linguistic devices they use.

For example, Chiara Ferragni is a 28-year-old Italian fashion blogger, who runs a fashion blog called ˝the Blonde Salad˝, has several million readers.

In one of the posts, she writes the following expression: ˝Feels like spring out of the window˝ – the author uses hyperbole, a clear exaggeration that increases the expressiveness of the statement [Кьяра Ферраньи].

The next fashion blogger is Julia Angel from San Francisco. She runs a fashion blog called ˝Gal meets glam˝. In one of the posts, we can see the following text: Multicolor tweed, blush buttons and a touch of fringe make our Stacey Dress extra special. Style with heels or

sneakers, it's the perfect dress for any outing. There are many adjectives such as multicolor, special, perfect that describe the image, and the personification is also used (a touch of fringe) [Джулия Энджел].

For an in-depth analysis of lexical and phraseological features, we reviewed the fashion blog ˝Vogue˝. According to the analysis of the fashion blog ˝Vogue˝ posts studied by us, they use the following lexical devices [Fashion-блог ˝Vogue˝]:

– alliteration: *Minding my manors*. It uses the repetition of consonant sounds at the beginning of words;

– metaphor: *White heat; Second skin; Hot ticket*;

– rhyme: *The real deal*. This phrase matches the vowels of a syllable and all the sounds that follow it;

– assonance: *Top of the pops*. Repetition of stressed vowels within a string as an incomplete rhyme;

– evaluation vocabulary: *Sweet dreams*;

– spring romance: *Beautiful Life*;

– antonyms: *Highs and lows*;

– phraseologisms: *Maps, Money, Two Tables; The Impossible is Possible*;

– appeal: *Follow me, Reader!; Try to tame it; Ready, Set, Go*;

– personification: *Boots rattle; Rise of the colors*;

– hyperbole: *New, Need, Better; Grasp the immensity*.

Based on these examples, we can say that authors often use various lexical means to interest the audience in their material. This is primarily due to the fact that the name itself should be bright and have an emotional connotation.

Fashion blogs also often use phraseological units, as the associative series has a strong influence on the psychological component of readers. For example, in one of the posts there was the following expression: Jennifer Connelly in the lens of Michael Avedon, the main theatrical blockbuster of the season in numbers, fashion desert storm [Fashion-блог ˝Vogue˝]. Professionals in the fashion industry undoubtedly know famous names and don't need to introduce. This comparison is used by the author from the position of giving a certain emotional coloring to the event. But it is also given with the metaphor ˝theatrical blockbuster˝ and the phrase ˝desert storm˝. We can say that there is no ˝dryness˝ or template in this text, which means that the author prefers the lexical and phraseological features of the text.

So, we concluded that today fashion blogs are a promising avenue that helps to create fashion content and employs lexical, semantic and stylistic devices to influence the audience.

References

Джулия Энджел. Личный блог [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.instagram.com/juliahengel/ (дата обращения: 10.10.21).

Кьяра Ферраньи. Личный блог [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.instagram.com/chiaraferragni/ (дата обращения: 10.10.21).

Максимова Т.О. Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал / Т.О.Максимова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2007. – №1. – 131 с.

Стилистика английского языка: учебное пособие / сост. С.А.Стройков. – 4-е изд., перераб. – Самара: СГСПУ, 2019. – 100 с.

Fashion-блог ˝Vogue˝ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.instagram.com/voguemagazine/ (дата обращения: 10.10.21).

Иванова Ольга Александровна
Грязнова Анастасия Николаевна
Курова Наталья Владимировна
Салахова Айша Рафаэловна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 376

Эмоционально-смысловой подход как метод коррекции расстройств аутистического спектра

аутизм, эмоционально-смысловой подход, речь, расстройство аутистического спектра

Актуальность. Количество детей с официально подтвержденным диагнозом ˝аутизм˝ ежегодно растет. Расстройства аутистического спектра (РАС) – это целый ряд отклонений в развитии, характеризующихся нарушением коммуникативных и социальных навыков, а также наличием стереотипного поведения [Никольская 2014: 18]. Проявления аутизма очень разнообразны, но наиболее распространенными характеристиками являются сложность установления речевого общения, изоляция от внешнего окружения, отсутствие реакции на посторонние раздражители, стереотипный и довольно ограниченный круг интересов. В литературе нередко можно найти метафору о том, что люди с аутистическими чертами живут под куполом своего мира, оторваны от реальности и не готовы никого впускать к себе.

У детей с аутизмом речевые нарушения проявляются нестандартными вокализациями, экспрессивностью, вербальными ритуалами, нетипичной интонацией, неправильным использованием частей речи.

При выборе подхода корректирующего воздействия на детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра важным обстоятельством является возраст ребенка и уровень его развития. В дошкольном возрасте доступной формой активности ребенка является игра, доставляющая ребенку приятные впечатления. Присоединение специалиста к игровым действиям ребенка способствует установлению первичного контакта.

Учеными ФГБНУ ″Институт коррекционной педагогики Российской академии образования″ разработан развивающий подход к коррекции РАС. Концепция В.В.Лебединского об уровневом строении системы эмоциональной регуляции стала теоретической основой эмоционально-смыслового подхода (ЭСП).

Процесс коррекционной работы включает:

– установление контакта;

– стимуляцию на взаимодействие;

– снятие страхов;

– пресечение агрессии и аутоагрессии;

– регуляцию поведения.

ЭСП основан на исследовательских работах, выявивших специфику отклонений в развитии психики при аутизме, и

направлен на нормализацию аффективного развития ребёнка с РАС.

Детальный разбор названия подхода говорит сам за себя:

– ˝эмоциональный˝ – совместное проживание, эмоциональная обработка и осмысление ситуации;

– ˝смысловой˝ – накопление личностного опыта ребенка, смысловое комментирование.

Эмоциональное взаимодействие со взрослым позволяет ребенку стать активным, заинтересованным. Совместное осмысление дает ребенку возможность продвижения, а обыгрывание бытовых ситуаций способствует развитию когнитивной сферы. В дальнейшем через сопереживание в его жизнь начинают вводиться смыслы. Как отмечает в своей работе Н.С.Гращенкова, ˝игра развивается как система смыслов об устройстве мира. Ребенок осваивает бытовые и социальные навыки, учится просить и отказываться˝ [Гращенкова 2018: 130].

Эмоциональный контакт с ребенком, включение в сопереживание позволяет повысить активность ребенка, перейти к постепенному изучению мира. При имеющихся нарушениях эмоциональной коммуникации дети с РАС нуждаются в установлении контакта со взрослым – этот факт подтверждает ряд ученых [Никольская 2019].

Эмоционально-смысловой подход был использован специалистами детского сада КФУ ˝МЫ ВМЕСТЕ˝ на этапе адаптации детей к образовательным условиям. Выбранный нами метод ˝игровой терапии˝ как части эмоционально-смыслового

подхода использовался на ежедневных занятиях в индивидуальной и подгрупповой формах. Формирование групп осуществлялось по результатам первичной диагностики, с учетом уровня индивидуального развития ребенка, его готовности к соответствующему ситуации поведению, умению вступать в контакт со взрослыми. Для 5 детей с тяжелой степенью нарушения коммуникации (1-я группа РДА по О.С.Никольской) применялся прием тактильного контакта (кружение, качание). Для 10 детей с нарушениями поведения и стереотипиями (2-я группа РДА по О.С.Никольской) использовался прием обогащения сенсорного опыта – приятными для ребенка с РАС впечатлениями (манипулирование песком и водой, игра на барабане, простукивание ритма, покачивающие движения в такт ребенка).

На первом этапе специалисты решали одну из главных задач – установление аффективного контакта, создание ощущения безопасности в общении со взрослым. В процессе коррекционной работы были использованы игры, помогающие легче перенести дискомфорт, развивающие и закрепляющие потребность ребенка в общении: игры ″Лицом к лицу″, потешковые игры, игры с предметами (массажные мячи, су-джок шарики).

На втором этапе специалисты работали над формированием внимания к аффективному смыслу происходящего вокруг. В коррекционную работу включались игры с водой и песком, сюжетное рисование, адаптированные музыкальные игры Е.Железновой и Т.Тютюнниковой, погружение в контекст сюжета сказок. Коррекционная работа способствовала снижению

тревожности детей с РАС, побуждению их к речевой активности. Первые полученные результаты работы на базе Детского сада КФУ ″МЫ ВМЕСТЕ″ показали эффективность эмоционально-смыслового подхода.

Распределение детей по группам в соответствии с классификацией О.С.Никольской позволяет специалистам сориентироваться в выраженности нарушений возможностей ребенка взаимодействовать с людьми и выработать эффективные стратегии коррекции. Вместе с тем, нами был сделан вывод, что у детей одной группы со схожей тяжестью проблем РАС существуют личностные различия в области установления и поддержания контакта.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что эмоционально-смысловой подход, ориентирующийся на естественный онтогенез развития, является первым этапом выстраивания коммуникации. Организованная поэтапная коррекционная работа позволяет подготовить детей с РАС к постепенному вхождению в контакт со взрослыми и сверстниками. Важно отметить, что на этом этапе ребенку с РАС требуется постоянное внимание близких, их эмоциональное комментирование происходящего, вовлечение ребенка в диалог.

Литература

Гращенкова Н.С. ″Игровой каскад″ в коррекционной помощи детям с расстройствами аутистического спектра / Н.С.Гращенкова. // Сборник статей II Международной научно-практической конфе-

ренции ˝Игровая культура современного детства˝. – Москва, 2018. – С.128-132.

Никольская О.С. Психологическая классификация типов детского аутизма / О.С.Никольская // Вопросы психологии. – 2017. – №5. – С.14-25.

Никольская О.С. Эмоционально-смысловой подход в психологической помощи детям с аутизмом / О.С.Никольская, Е.Р.Баенская // Альманах Института коррекционной педагогики. – 2019. – №39.

Колчевская Валерия Алексеевна
Кубанский государственный университет
УДК 81’42.338.48.57.04

Туристический интернет-дискурс: аспекты персуазивности

туристический интернет-дискурс, персуазивность, средства диалогичности

Фокусом внимания настоящей статьи являются аспекты персуазивности как категории воздействия в туристическом интернет-дискурсе. Описываются вопросы взаимосвязи персуазивности с контекстом коммуникации и участниками дискурса. Коммуникация проистекает в интернет-пространстве, где размещена какая-либо информация о туристических объектах/ услугах/ продуктах. Участниками дискурса выступают адресант, который передает информацию, и адресат, декодирующий сообщение. В туристическом интернет-дискурсе адресантом являются модераторы туристических сайтов, адресатом – потенциальные туристы.

Зарубежными учёными категория персуазивности определяется как совокупность приёмов, направленных на усиление аргументов R.H.Gass (Р.Г.Гасс) (2015), J.S.Seiter (Д.С.Сейтер) (2015), как составляющая коммуникативной стратегии текста (J.O’Shaughnessy (Д.О’Шонесси) (2004), N.O’Shaughnessy (Н.О’Шонесси) (2004), E.Manca (Е.Манка) (2016). Поэтому в представленной работе мы рассмотрели два аспекта персуа-

зивности, а именно то, какие средства избираются при создании текстов туристического интернет-дискурса и какие коммуникативные стратегии при этом используются.

Персуазивность является функционально-прагматической характеристикой текста, которая связана с реализацией его функций воздействия [Чернявская 2014: 184]. Процесс персуазивного воздействия описывается как акт персуазивной коммуникации [Голоднов 2003: 23]. Для персуазивного воздействия характерны убеждение посредством рациональной аргументации адресата и уговаривание, которое усиливает рациональную аргументацию и воздействует на рациональную сферу адресата благодаря персуазивным средствам [Голоднов 2003: 23]. Персуазивные средства контекстуально обусловлены [Голоднов 2011: 402], а потому важно определить, какие именно средства избираются для создания коммуникации в туристическом интернет-дискурсе.

Материалом данного исследования послужили 35 текстов, представленных на сайтах туристических операторов ˝Coral Travel˝, ˝Anex Tour˝, ˝SunMar˝. Данные тексты представляют собой структурно-семантические образования, включающие краткую историческую, географическую, информационную справку о туристической местности, наше исследование сконцентрировано на Турции.

Поскольку туристический интернет-дискурс базируется на двух формах: вербальной и невербальной, коммуникация реализуется с помощью сочетания языковых и неязыковых персуа-

зивных средств [Колчевская 2021: 206]. Персуазивность предполагает процесс речевого воздействия, имеющего рациональную и эмоциональную природу, при этом адресант использует широкий спектр коммуникативных средств для влияния на изменение определённой позиции адресата. Таким образом, для воздействия на адресата адресант использует логические (языковые) и эмоциональные (визуальные) средства персуазивности при трансляции сообщения.

Персуазивность подобна инструменту, и, как любой инструмент, она может быть использована для оказания положительного и отрицательного воздействия. Учёные Р.Гасс и Д.Сейтер утверждают, что моральное качество персуазивного процесса зависит, в первую очередь, от целей адресанта и только потом от средств, которые он использует [Gass 2015: 400].

В туристическом интернет-дискурсе воздействие может формироваться в результате взаимодействия визуальных и лингвистических средств для усиления персуазивного эффекта. Все средства персуазивности, как вербальные, так и невербальные, создают эмоциональную тональность дискурса, при этом адресант формирует положительный образ избираемого объекта туристической индустрии. Например, при описании Эгейского побережья Турции модераторы сайта туристического оператора ″SunMar″ используют тропы речи: ″***Песчаные*** и ***галечные*** пляжи соседствуют с ***живописными*** бухтами, где в ряд стоят ***белоснежные*** яхты″. Выбранные эпитеты с положи-

тельной коннотацией способствуют созданию привлекательности образа турецких курортов. Также положительный образ формируется благодаря красочным фотографиям, иллюстрирующим представляемый туристический объект.

Лингвистическими персуазивными средствами выступают те, которые выражаются с помощью языка: слова, высказывания, фразеологические выражения; нелингвистическими средствами – дизайн сайта, расположение информационного материала, цветовое оформление, фотографии, карты, логотипы.

Вербальные и визуальные составляющие используются в качестве средств привлечения внимания, информирования и воздействия на адресата. Информирование и воздействие – цели туристического интернет-дискурса. Для достижения данных целей в туристическом интернет-дискурсе используются следующие коммуникативные стратегии: информирования и кооперации [Хутыз 2018: 394], которые, в свою очередь, определяются как персуазивные благодаря средствам, реализующимся в материале исследования.

Примером использования стратегии информирования могут служить фактологические данные о туристическом объекте. На сайте туроператора ˝Coral Travel˝ представлена следующая информация: ˝Курорт находится в 70 км к юго-востоку от Анталии˝. Имена числительные и имена собственные дают адресату чёткое представление о турецком городе Сиде.

При использовании стратегии кооперации адресант напрямую обращается к адресату, например с помощью

средств диалогичности. На сайте ″Anex Tour″ мы видим формы личного местоимения ″вы″: ″Рано утром ***вас*** ждёт экскурсия на воздушном шаре. Почти часовой полёт позволит вам насладиться долинами″. Такое средство создаёт ощущения диалога с адресатом, благодаря чему мы можем видеть кооперацию участников коммуникации.

Для успешной коммуникации средства и стратегии персуазивности избираются с учётом целевой аудитории, а также определённого структурно-семантического образования туристического интернет-дискурса. Персуазивная коммуникация считается успешно завершённой, если один из участников присвоил намерения, которые приписаны определённым сообщением в обстановке, воспринимаемой как свобода выбора [Голоднов 2011: 402]. Так, например, если адресат – потенциальный турист – решит приобрести туристическую путёвку, значит, мы можем полагать, что цель адресанта выполнена, коммуникация успешно завершена.

Таким образом, при анализе текстов на сайтах туристических операторов нами были выявлены следующие языковые средства: средства диалогичности (формы личного местоимения ″Вы″, риторические вопросы, императивы), тропы речи, имена собственные, имена числительные, перечисление. Неязыковыми персуазивными средствами в туристическом интернет-дискурсе являются изображения, логотипы, фотографии, карты. Выявленные средсвта персуазивности реализуются с

помощью коммуникативных стратегий информирования и кооперации.

Обобщая всё вышесказанное, мы делаем вывод о том, что туристический интернет-дискурс рассмотрен в рамках речевого воздействия, формируется в результате взаимодействия визуальных и вербальных персуазивных средств, реализуется благодаря коммуникативным стратегиям информирования и кооперации.

Источники

Сайт туристического оператора ″Anex Tour″. URL: https://www.anextour.com/excursion-tours/turkey/zolotoe-kolco-turcii-pamukkale. (Дата обращения: 29.10.2021)

Сайт туристического оператора ″Coral Travel″. URL: https://ctravl.com/turkey/#geostate=resort&geocountry=4&georesort=23&geodep=1. (Дата обращения: 29.10.2021)

Сайт туристического оператора ″SunMar″. URL: https://www.sunmar.ru/drugaya-storona-turtsii/. (Дата обращения: 29.10.2021)

Литература

Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В.Голоднов; Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена. – Санкт-Петербург, 2003. – 23 с.

Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе: на материале немецкого языка: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / А.В.Голоднов; Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена. – Санкт-Петербург, 2011. – 402 с.

Колчевская В.А. Средства выражения категории персуазивности в гипержанре ˝сайт˝ туристического интернет-дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.А.Колчевская; КубГУ. – Краснодар, 2021. – 206 с.

Хутыз И.П. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса / И.П.Хутыз, В.А.Колчевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – Вып. 2-2 (80). – С.391–394.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В.Е.Чернявская. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 184 с.

Gass R.H. Persuasion: Social Influence and Compliance Gaining / R.H.Gass, J.S.Seiter. – New York: Routledge, 2015. – 400 p.

Manca E. Persuasion in Tourism Discourse: Methodologies and Models / E.Manca. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. – 196 p.

O'Shaughnessy J. Persuasion in Advertising / J.O'Shaughnessy, N.J.O’Shaughnessy. – New York : Routledge, 2004. – 220 p.

Кочурова Светлана Валерьевна
Казанский национальный исследовательский
технический университет имени А.Н.Туполева-КАИ
УДК 81

Композиты в русском языке в сопоставлении с немецким

композитообразование, автохтонные компоненты, копулятивные и определительные композиты, изоморфизм

Как известно, в любой языковой системе заложены механизмы ее обновления. В настоящей статье мы рассмотрим сложные слова с заимствованным компонентом в двух разноструктурных языках – русском и немецком – на современном этапе функционирования.

В конце 80-х гг. ученые Казанской лингвистической школы (Н.А.Андрамонова, Э.А.Балалыкина) заговорили об активизации аналитических элементов в русском языке, который, как известно, относится к синтетическим по своему строю (примеры, которые встречаются в литературе тех лет: *Олимпиада-80, матч Карпов – Каспаров* и др.).

Сегодня можно констатировать значимость этого явления за счет появления новых единиц, которые в прошлом веке были единичными (например, крекинг-процесс). Речь идет о сложных словах, или композитах.

В 2012 году впервые вышел словарь композитов русского языка новейшего периода (сост. Н.В.Габдреева,

М.Т.Гурчиани), который выдержал уже 4 издания (последнее М.: Флинта, 2021), что говорит о заметной роли этого лингвистического феномена – композитообразования. Можно отметить слова, которые появились в последние годы и не вошли в словарь (*вау-эффект, синус-лифтинг* и др.). Сегодня от изучения единичных примеров ученые перешли к изучению феноменологии и описанию этого явления с различных позиций – так оформились традиционные для науки широкий и узкий подходы в определении предмета исследования; кроме того, эти единицы изучаются не только как лингвистический феномен – результат морфологического способа образования в соответствии с подходами КЛШ, но и с привлечением различных языков в сопоставительном аспекте.

Пласт единиц, который современные ученые называют композитами, или сложными словами, неоднороден по многим признакам: по морфологической структуре, происхождению, источникам заимствования, способам образования.

В русском языке, судя по вышеупомянутому словарю, к композитам относятся две явно выраженные группы:

1) Заимствования из различных языков с различной степенью ассимиляции компонентов (*беби-ситтер, трэвел-чек, бизнес-идея, тип-топ, хиппи-люкс*);

2) Сложные слова, образованные в русском языке по существующим словообразовательным моделям с автохтонными компонентами, в том числе и заимствованными (*плащ-палатка, диван-кровать, спа-услуги*).

Как справедливо отмечает Т.К.Иванова, изучение ˝новообразований в сопоставительном плане является неотъемлемой частью научных исследований языковой системы. Сопоставительное исследование словообразования таких неродственных языков, как русский и немецкий, приобретает в этой связи большое значение и для развития словообразовательной теории, так как выявлению подлежат универсальные и уникальные особенности сопоставительных словообразовательных систем˝ [Иванова 2012].

В немецком языке эмпирический материал составили единицы из словаря Duden ˝Das Fremdwörterbuch˝ (более 10000 единиц).

Сопоставительное изучение композитов в русском и немецком языках по данным словарей позволили выделить общие тематические группы. В немецком языке их 14: наименования лица, предметов одежды, терминология спорта, науки и т.д. В русском языке мы выявили 13 групп.

Композиты отличаются по типу, структуре, происхождению, грамматическим и стилистическим особенностям. В научной литературе существуют различные классификации этих единиц.

Так, М.Д.Степанова и Ф.Фляйшер выделяют две группы композитов в немецком языке: копулятивные и определительные [Степанова 1984: 115], различающиеся по типам синтаксической связи между компонентами (сочинительной и подчинительной). В русском языке в связи с неоднородностью матери-

ала и различными критериями выделения сложных слов учеными выделяются от 3 до 5 типов:

1) словосложение;

2) сложносоставной способ;

3) аффиксально-сложные способы;

4) сложносокращённый способ;

5) сращение и стяжение [Носачёва 2019].

Сравнительные наблюдения показывают общие и различные признаки в процессе композитообразования в русском и немецком языках. Так, изоморфизм наблюдается в источниках появления таких слов: и для русского, и для немецкого языков значительную долю составляют английские языковые единицы в доле общего количества композитов, на них приходится более 50%.

Алломорфизм проявляется в частотности процесса, который для немецкого языка являются преобладающим в образовании новых слов. Для русского языка, несмотря на значительный рост подобных неологизмов, он все же остается на периферии.

Литература

Габдреева Н.В. Словарь композитов русского языка новейшего периода / сост. Н.В.Габдреева, М.Т.Гурчиани. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. – 280 с.

Иванова Т.К. Словосложение как способ номинации в русском и немецком языках (на материале наименований лица): авторефе-

рат диссертации на соискание ученой степени док. филол. наук / Т.К.Иванова. – Казань, 2012. – 30 с.

Носачёва М.И. Субстантивные композиты в клинической терминологии: морфемика и словообразование (на материале русского, немецкого и английского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук / М.И.Носачёва. – Саратов, 2019. – 22 с.

Степанова М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д.Степанова. – Москва: Высшая школа, 1984. – 264 с.

Duden „Das Fremdwörterbuch“ / U.Kreif, A.Konopka, O.Thyen. – 10-Auflage, Dudenverlag, 2010. – 1104 p.

https://www.das-academie.de

Куликов Леонид Васильевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Потапова Юлия Викторовна
Малёнова Арина Юрьевна
Омский государственный университет
имени Ф.М.Достоевского
УДК 81

Использование молодежью пиктограмм-эмодзи для обозначения позитивных эмоциональных состояний в сетевой коммуникации

эмодзи, пиктограмма, выражение эмоций, психолингвистический анализ, интернет-общение

Скорость, с которой виртуальное общение захватывает широкие круги населения, свидетельствует о том, что тема киберкоммуникации становится все более значимой для изучения. В условиях пандемии и вынужденных ограничений непосредственного общения данный процесс приобретает по-настоящему глобальный масштаб. Хотя у многих людей интернет-общение по-прежнему ассоциируется с развлечением, все более становится очевидным, что эффективная коммуникация в сети сейчас – это залог успеха как для деловой коммуникации, так и для неформального общения.

Интернет-общение отличается от реального по целому ряду аспектов – наличию временных ˝лагов˝, задерживающих

реакцию на сообщение и препятствующих непосредственности взаимодействия, физической разъединенности участников, своеобразной эмоциональной наполненности речи. Экспрессия в письменной речи лишена возможности использовать алфавит невербального поведения и паралингвистических сигналов. Суррогатным средством в таком формате общения выступает использование разного рода пиктограмм, которое позволяет добавлять краски к описанию чувств и эмоциональных состояний. Исследование пиктограмм как дополнения к письменной речи расширяет возможности психолингвистического анализа интернет-общения, языковой личности, диагностики индивидуального и общественного настроения.

Предметом нашего исследования было интернет-общение, его экспрессивные компоненты, представленные в пиктограммах-эмодзи для обозначения эмоций и чувств. Целью исследования выступило выявление пиктограмм-эмодзи, предпочитаемых для выражения позитивных эмоций и чувств. Методом исследования была выбрана психосемантическая версия лингвистического эксперимента.

В выборку вошли студенты высших учебных заведений г.Омска (n=94). Испытуемым был предложен список из 28 чувств и эмоций. Рассмотрим часть из этого списка – те чувства и эмоции, которые обычно именуют как позитивные: веселье, восторг, гордость, радость, уверенность (в себе), удовольствие. При обработке для каждого пункта списка был осуществлен подсчет числа эмодзи, которые выбрали испытуемые для его

обозначения, вычислены процентные соотношения наиболее часто используемых пиктограмм, проанализированы совпадения – использование одних и тех пиктограмм для различных чувств и эмоций. На рисунке 1 представлена матрица совпадений. Составившие экспериментальный набор чувства и эмоции именуют строки и столбцы матрицы. На их пересечении вписаны общие пиктограммы для двух эмоций. Наиболее частотные эмодзи для пиктографического отображения каждой эмоции из набора представлены в ячейках по диагонали.

Эмоции	Веселье	Восторг	Гордость	Радость	Уверенность (в себе)	Удовольствие
Веселье	🤣, 😆, 😄	🥳	-	🥳, 🤪, 😂	-	-
Восторг	🥳	🤩, 😻, 😱, 🙀, 😮, 🎉	-	🥳, 😍, 😊, 😃, 😁, 😃	-	😊
Гордость	-	-	😌	-	😏, 😎	😏
Радость	🥳, 🤪, 😂	🥳, 😍, 😊, 😃, 😁, 😃	-	🤗, 😄	-	😊, 🙂
Уверенность (в себе)	-	-	😏, 😎		😉	😏
Удовольствие	-	😊	😏	😊, 🙂	😏	😋, 😋

Рис. 1. Матрица совпадений предпочитаемых эмодзи.

Наибольшее число вариаций обозначений, совпавших у различных испытуемых, было обнаружено для восторга (шесть обозначений) и веселья (три обозначения). При этом анализ эмодзи, описывающих эмоцию восторга, указывают на высокую степень его интенсивности (в большинстве пиктограмм акцент сделан на изображении глаз, как правило, широко распахнутых). Для изображения восторга испытуемые часто выбирали эмодзи, используемые для выражения страха, ужаса, смущения (в их экспрессивном компоненте часто задействованы также широко раскрытые глаза). Вероятно, удивление можно рассматривать как эмоцию, имеющую определенное родство одновременно и с перечисленными выше эмоциями, и с восторгом. Испытуемые подмечали, что восторг часто может быть связан с созерцанием чего-то удивительного, необычного, ранее не виденного. В пиктографическом толковании восторга есть сходство с весельем и радостью. В этих случаях используется пиктограмма, обозначающая человека с атрибутикой, характерной для празднования дня рождения. Таким образом, отмечается связь символических элементов восторга, радости и веселья с какими-либо значимыми событиями, датами.

В описании собственно радости присутствуют характерные для нее экспрессивные признаки – улыбка, прикрытые от смеха глаза, руки, приготовленные для объятий. При иллюстрации веселья в качестве важнейшего признака очень часто выбирался смех, причем бурно проявляемый – с выступившими слезами, зажмуренными глазами. При сравнении выбираемых пик-

тограмм видно, что радость по степени интенсивности проявления оценивается испытуемыми как несколько более слабая эмоция в сравнении с весельем. Пересечение в обозначении веселья и радости отмечается также довольно экспрессивными пиктограммами, связанными с отмечанием праздника, сильным смехом, ˝валянием дурака˝. Таким образом, в этих состояниях на передний план выступает атмосфера легкости, приподнятого настроения, двигательного оживления.

Эмодзи, подобранные для обозначения исключительно удовольствия, имеют интересую особенность: в обоих часто упоминаемых символах акцент на изображении рта – с высунутым языком, подтекающей слюной. Подобного рода совпадение, вероятно, не случайно, это эмоциональное состояние ассоциируется с удовлетворением прежде всего чувственных, телесных потребностей. Пересечения в обозначениях удовольствия с иными эмоциональными состояниями характеризуется использованием более ˝спокойных˝ пиктограмм – на них изображена, как правило, легкая улыбка, редко делается акцент на глазах. В семантике удовольствия важно переживание снятия напряжения, переход от действия, активности к пассивности. Это вполне заметно в используемых испытуемыми пиктограммах.

Самыми сложными для пиктографического толкования (об этом говорили и сами испытуемые) были эмоции гордости и уверенности в себе, испытуемые использовали весьма широкий набор пиктограмм, в котором было немного повторений. Для обозначения эмоции гордости выбирали значок, изобра-

жающий человека с опущенными вниз веками, приподнятыми внутренними уголками бровей и легкой улыбкой. Такое выражение лица может быть обнаружено, когда довольный собой человек скромно потупил глаза и не демонстрирует свое чувство открыто. Можно предположить, что данное предпочтение связано с особенностями выборки – исследование проводилось среди студентов высшего учебного заведения, являющегося одним из лучших в городе. В нем учатся молодые люди с достаточно высоким интеллектом, развитыми коммуникативными умениями. В их среде вычурность в самопрезентации может быть оценена окружением отрицательно, а яркая демонстрация своих достоинств воспринята как хвастовство. Именно поэтому, вероятно, для гордости (подразумевая радость от своих достижений) молодые люди выбирали столь сдержанное обозначение. Пересечения в обозначениях присутствовали для уверенности в себе и удовольствия, что позволяет рассматривать эти состояния молодых людей как связанные, касающиеся изменения их Я-концепции. Моментом сходства уверенности и гордости выступила яркая демонстрация – человек в черных очках (образ, закрепившийся в массовой культуре как синоним ″крутости″, превосходства). Также уверенность в себе и гордость обозначались пиктограммой с полуулыбкой, ″ухмылкой″, в которой можно рассмотреть попытку выражения превосходства над другими, самоутверждения за счет окружающих. Однако сама по себе уверенность обозначается молодыми людьми с помощью ″подмигивающего″ эмодзи, который читается как

достаточно дружелюбный жест, который можно вербализовать жаргонным выражением ˝Я – ОК и ты – ОК˝.

Таким образом, особенности выбора пиктограмм для обозначения чувств и эмоций позволяют расширить наши представления о значении и содержании тех или иных эмоций, о лексико-семантических характеристиках эмотивов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31276\21.

Комарова Светлана Николаевна
Нигматуллина Ирина Александровна
Юрикова Екатерина Денисовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 376

Обзор технологий альтернативной коммуникации в коррекции расстройств аутистического спектра: психолингвистический подход

расстройство аутистического спектра, альтернативная коммуникация, психолингвистический подход

В последнее время образование людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов является одним из приоритетных направлений работы системы образования Российской Федерации.

Особой малоизученной проблемой является развитие и обучение детей с расстройством аутистического спектра (далее РАС). Дошкольная специальная педагогика в отношении этих детей только складывается.

На современном рубеже развития логопедии как науки ярко видны ее внутрисистемные и межсистемные связи с другими областями. Следовательно, применяются сведения из таких научных дисциплин, как общая, специальная педагогика и психология, нейролингвистика, лингвистика, психолингвистика и другие.

При изучении и коррекции комплексных речевых нарушений в логопедии используются достижения психолингвистики, которые основаны на работах А.Р.Лурии, Л.С.Выготского, А.А.Леонтьева о сложной структуре речевой деятельности.

Опираясь на структуру речевого процесса, описанную Л.С.Выготским, А.А.Леонтьев выделяет 5 этапов возникновения речевого высказывания: мотив — мысль — внутреннее программирование — лексическое развертывание и грамматическое конструирование — моторная реализация — внешняя речь [Волкова 2004: 11].

В группе детей с РАС выделяются дети с дефицитом понимания речи на уровне отдельных слов, фразы, с проблемами конструирования высказывания. Для речевого развития этих детей применяются средства альтернативной коммуникации, работа строится с опорой на выделенные А.А.Леонтьевым этапы возникновения речевого высказывания.

Исходя из современных положений дефектологии обобщен и систематизирован методический и дидактический инструментарий по организации работы и созданию условий для стимуляции коммуникативных возможностей детей с РАС через применение альтернативных средств коммуникации.

Условно альтернативные средства коммуникации можно разделить на 3 большие группы (системы жестов, системы символов и системы невербальной коммуникации с использованием технических устройств).

I. *Жестовые системы*.

1. Система жестов представляет собой уникальный инструмент, позволяющий визуализировать образ того или иного действия или слова. Жесты активизируют развитие речи во время совместного использования со словом, которое проговаривается. Они делают слово ˝видимым˝; помогают построить ˝мостик˝ к экспрессивной речи; помогают ребёнку в запоминании и усваивании новых слов, донести до собеседника мысль, когда речь неразборчива либо не сформирована. Работа проходит поэтапно, с постепенным усложнением. Начинается работа с символических социальных жестов и движений с постепенным переходом к жестам описательного характера [Штягинова 2012: 12].

2. Программа Макатон — языковая программа, в которой сочетается устная речь, жесты и символы. Это уникальная методика, которую можно применять как системный мультимодальный подход во время обучения коммуникации и речи, как источник высокофункционального лексикона для лиц с особыми коммуникативными потребностями и тех, кто с ними взаимодействует. Также программа помогает научить детей устанавливать контакт, слышать и понимать окружающих, говорить о своих нуждах и желаниях [Комарова 2020: 19].

II. *Системы графических символов*.

1. Система Блисс-символов является разновидностью логографической или идеографической письменности, т.е. основана на буквах. Данная система имеет довольно сложную структуру, построенную на комбинациях Блисс-символов, мар-

керов и стратегий, реализующих различные функции, и эффективна в использовании людьми с высокими когнитивными способностями.

2. Пиктографическая идеографическая коммуникация (PIC, пиктограммы) – система применяется вместо Блисс-символов для людей с ментальными нарушениями, так как пиктограммы представляют собой стилизованные рисунки (белый силуэт на тёмном фоне), сопровождающиеся написанными словами. [Тверская 2018: 24].

3. Наиболее эффективной и часто применяемой системой при работе с детьми с РАС является система коммуникации при помощи карточек (PECS) – система позволяет ребёнку с нарушениями коммуникации общаться при помощи карточек при наличии у него собственного желания что-то получить или сделать.

III. *Системы альтернативной коммуникации с использованием технических устройств*.

Технические устройства для коммуникации преобразуют введенные (через клавиатуру или другие механизмы ввода) данные в вербальную или невербальную речь.

1. Коммуникатор ˝БИГмэк˝ (˝BIGmack˝) применяется при вступлении в коммуникативное взаимодействие и относится к простым вспомогательным техническим средствам коммуникации с речевым выводом [Гайдукевич 2009: 41].

2. Малый пошаговый коммуникатор (Little Step-by-Step-Communicator). Путем нажатия на клавишу можно совершить

вызов записанного ранее аудиосообщения или повторить какое-либо сообщение [Гайдукевич 2009: 42].

3. Коммуникатор ″Аладин Токер″ (″AladinTalker″) сочетает картинные знаки коммуникации программы ″Boardmaker″ с электронным выводом речи [Гайдукевич 2009: 43].

4. Коммуникатор ″ДАР″, разработанный для детей и взрослых с аутизмом. Это программное обеспечение применяет альтернативный способ коммуникации на основе картинок. ″Коммуникатор ДАР″ можно использовать, начиная с трёх-четырёх лет [Комарова 2020: 25].

5. Приложение для коммуникации ″LetMeTalk″ имеет удобный и понятный интерфейс, спокойную цветовую палитру, информационное обеспечение, включает более 9000 качественных изображений, размещенных по категориям, имеется русскоязычное голосовое озвучивание.

6. Применение клавиатуры Clevy с большими клавишами для компьютера способствует развитию речи, как устной, так и письменной, у детей с РАС через их обучение чтению и письму, то есть поддерживается как сам процесс коммуникации, так и когнитивное развитие ребенка.

Таким образом, правильный подбор средств альтернативной коммуникации способствует формированию речевого высказывания у детей с РАС. Во всех случаях начинать работать необходимо со значимых для ребенка предметов, явлений, действий, то есть с учетом мотива, постепенно обогащая словарный запас и включая игры и упражнения по развитию мыш-

ления и внутреннего программирования речи, с дальнейшим обогащением заданий по формированию лексического развертывания и грамматического конструирования. Вся работа совершается с опорой на выбранное средство альтернативной коммуникации, а если возможности ребенка позволяют, то параллельно стимулируются и вербальные высказывания; если же моторные возможности ребенка не позволяют это сделать, то данный этап по А.Леонтьеву пропускается, и мы переходим к реализации последнего этапа – внешней речи – доступным ребенку способом.

Следует отметить, что при принятии решения о подборе подходящей системы коммуникации мы опираемся на начальные навыки ребенка – в области визуального восприятия, мелкой моторики, разнообразия мотивационных факторов и зон интереса, а также первичных навыков коммуникации (если таковые имеются).

Литература

Волкова Л.С. Логопедия: учебник для студ. дефект. фак. пед. вузов / Л.С.Волкова. – 5е изд., перераб. и доп. – М.: Владос, 2004. – 704 с.

Гайдукевич С.Е. Методика учебно-воспитательной работы в центре коррекционно-развивающего обучения и реабилитации: учебно-методическое пособие / М.Вентланд, С.Е.Гайдукевич, Т.В.Горудко и др.; научный ред. С.Е.Гайдукевич. – Минск.: БГПУ, 2009. – 276 с.

Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.Л.Зайцева. – М.: Владос, 2000. – 192 с.

Карпенкова И.В. Использование компьютера в развитии и социализации детей с особенностями развития / И.В.Карпенкова. – М.: Наш Солнечный Мир, 2013. – 84 с.

Комарова С.Н. Активизация экспрессивной речи детей с тяжелыми множественными нарушениями развития / С.Н.Комарова. – Казань: Отечество, 2020. – 157 с.

Рыскина В.Л. Альтернативная коммуникация. Технологии невербальной коммуникации: информационно-методические материалы / под ред. В.Л.Рыскиной. – СПб.: СПб ГБУ Городской информационно-методический центр Семья, 2018. – 28 с.

Тверская О.Н. Альтернативная и дополнительная коммуникация / О.Н.Тверская. – Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2018. – 160 с.

Штягинова Е.А. Альтернативная коммуникация / Л.М.Штягинова. – Новосибирск: Общество ″Даун Синдром″, 2012. – 160 с.

Коробьина Юлия Олеговна
Набиуллина Регина Радиковна
Сабирзянова Эндже Хуснутдиновна
Паткина Надежда Владимировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 376

Особенности речевого развития у детей дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра

речь, коммуникативная функция,
расстройство аутистического спектра, дошкольники

Актуальность исследования заключается в том, что с каждым годом выявляется все большее количество детей с искаженным вариантом развития по типу расстройства аутистического спектра, и перед специалистами, работающими с данной нозологической группой в дошкольных образовательных учреждениях, ставится задача адаптации и социализации таких детей в обществе посредством развития коммуникативной функции речи.

Ю.В.Бессмертная (2008), А.А.Романова (2012), M.Eni и др. (2020) определяют коммуникацию у детей с РАС как наиболее нарушенную структуру, которая входит в триаду симптомов при данном расстройстве наряду с нарушением социального взаимодействия и повторяющимся поведением (стереотипии, аутостимуляции, сенсорное поведение, ритуалы).

Целью исследования является теоретический анализ современного понимания проблемы особенностей речевого развития у дошкольников с расстройством аутистического спектра.

Зарубежные ученые выдвинули идею о том, что степень тяжести РАС можно оценить, изучая количественные характеристики речи детей. Исследователи продиагностировали просодические, экспрессивные особенности речи детей, оценивая их по шкале ADOS, и пришли к выводу о том, что алгоритм анализа речи детей с расстройством аутистического спектра по шкале ADOS имеет важное значение для оценки риска развития РАС, а также в качестве нового показателя результатов для количественной оценки изменений тяжести аутизма [Eni 2020: 139489].

В диссертации Ю.В.Бессмертной (2008) было научно обосновано выделение трех типологических групп дошкольников с РАС и определение уровня развития их коммуникативных способностей. В экспериментальном исследовании приняли участие 40 детей с аутизмом в возрасте 3-7 лет.

Первая группа дошкольников испытывает недостаточную потребность в коммуникации: они обладают низкой способностью её устанавливать, их когнитивное развитие может варьироваться.

Вторая группа – дети с нарушениями коммуникативно-аффективной сферы и с нарушениями интеллекта, они не в состоянии вступить в диалог, их контакт формальный, отсутствует привязанность и взаимодействие.

Третья группа имеет выраженные нарушения коммуникативной и когнитивной сфер, у них фиксируется выраженный негативизм, отсутствует сопряжённое внимание.

Исследование А.А.Романовой расширяет современные представления об особенностях развития речи детей с ОВЗ, а также позволяет выделить компоненты, оказывающие наибольшее влияние на специфику их речевых нарушений. В результате логопедического обследования у 77 испытуемых были выявлены разные формы дисграфии, а трудности овладения навыком чтения были отмечены у 51 ребенка. Отмечается, что важным для смысловой организации речи детей с РАС является состояние аффективной сферы, которое проявляется в искаженном восприятии и толковании эмоционального состояния и намерений персонажей. При РАС оказываются характерными нарушения лексико-грамматического оформления высказывания по типу трудностей серийной организации, программирования и контроля деятельности на фоне менее выраженных трудностей фонематического анализа и синтеза [Романова 2012: 165].

Мы видим, что специфические трудности в овладении навыками чтения и письма испытывают почти все младшие школьники с РАС, поэтому ранняя диагностика, профилактика и вовремя организованная коррекционная работа по развитию речи и других высших психических функций с детьми дошкольного возраста могут уменьшить трудности обучения в школьном возрасте.

Специалистами дошкольного образовательного учреждения г.Казани Детский сад КФУ ″МЫ ВМЕСТЕ″ для детей с расстройством аутистического спектра, который был открыт в 2021 году в Казанском (Приволжском) федеральном университете, с сентября по октябрь была проведена входная (первичная) диагностика, задачей которой было выявление актуального уровня развития познавательной сферы, психического и речевого развития детей с целью формирования групп кратковременного пребывания.

Первичное обследование проводилось командой специалистов, в которую входили педагоги-психологи, учителя-логопеды и учителя-дефектологи. По результатам диагностики 45 детей с РАС были определены в группы по уровням развития. Гендерное различие среди детей: 5 девочек и 40 мальчиков, соотношение 1: 8.

Диагностика была организована с применением методов психолого-педагогической диагностики Е.А.Стребелевой [Стребелева 2004]. При распределении дошкольники были определены к группам развития по классификации О.С.Никольской [Никольская 2017: 19]. Самое большое количество дошкольников (29 детей) было отнесено ко второй группе, 10 дошкольников – к первой группе, к третьей и четвертой – 4 и 2 дошкольника с РАС.

При анализе логопедических заключений дошкольников (см. рис. 1) можно сделать выводы о том, что у большинства из них речь как коммуникативная функция оказывается несфор-

мированной, так как у 60% продиагностированных детей речевое недоразвитие соответствует первому уровню (по классификации Р.Е.Левиной).

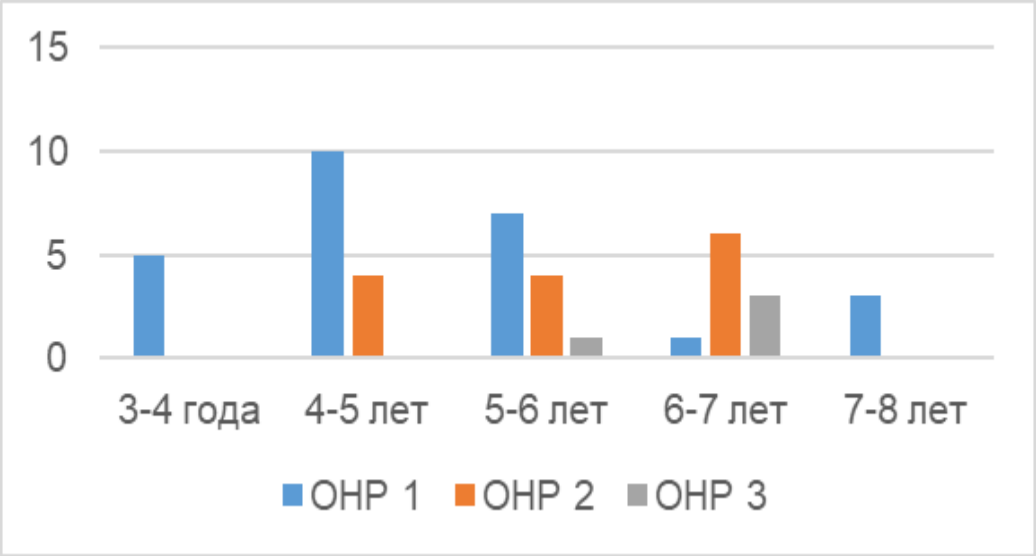


Рис. 1. Уровни речевого недоразвития у дошкольников с расстройством аутистического спектра

Речь таких дошкольников с РАС чаще всего характеризуется полным отсутствием, однако могут отмечаться отдельные звукокомплексы и вокализации, при этом паралингвистические средства общения также оказываются недоступными для данной группы детей.

Сочетание тяжелой речевой патологии и поведенческих проблем делает коммуникацию невозможной без специального обучения, которое должно включать в себя не только развитие речи и компонентов речевой системы, но и введение альтернативной системы коммуникации, коррекцию нежелательного поведения, развитие когнитивных способностей. Такая комплекс-

ная работа должна осуществляться междисциплинарной командой специалистов.

Недоразвитие речи второго уровня было выявлено у 14 дошкольников, их речь эхолалична и стереотипна, отмечается монотонность и скандированность, дефицит смысловой составляющей. Такие дети оказываются захваченными вокальными аутостимуляциями.

Третий уровень недоразвития (выявлен у 4 испытуемых) у детей характеризуется достаточно развернутой фразовой речью, которую дошкольники используют в основном для аутостимуляций; также им оказываются доступны длинные монологи на интересующие их темы, речь их полна штампов и цитат.

Ученые, учитывая неоднородность данной нозологии, предлагают применять дифференцированный подход для разработки индивидуальных образовательных маршрутов, который опирается на исходное состояние речевого развития дошкольников. Такой подход позволяет специалистам расширить у детей с РАС возможности понимания обращенной к ним речи, способствовует формированию невербальной коммуникации, сокращению количества эхолалий, развитию словарного запаса [Добромиль 2021: 64].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение особенностей коммуникативной функции речи у дошкольников с расстройством аутистического спектра является актуальной проблемой среди российских и зарубежных исследователей.

Наше исследование наряду с опытом ученых подтверждает, что у детей с РАС отмечается низкий уровень развития коммуникативной функции речи, они испытывают трудности понимания происходящего, не выполняют инструкции или выполняют их только после многократного повторения.

Литература

Бессмертная Ю.В. Особенности развития коммуникативных способностей дошкольников с расстройствами аутистического спектра: специальность 19.00.10: диссертация на соискание ученой степени канд. Психол. наук / Ю.В.Бессмертная; ГОУ ВПО УГПУ. – Екатеринбург, 2008. – 240 с.

Добромиль Я.Ю. Дифференцированный подход в логопедическом сопровождении детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра / Я.Ю.Добромиль, Я.С.Иващенко // Вестник педагогических инноваций. – 2021. – №2(62). – С.63-71.

Никольская О.С. Психологическая классификация типов детского аутизма / О.С.Никольская // Вопросы психологии. – 2017. – №5. – С.14-25.

Романова А.А. Особенности развития речи детей с аутистическими расстройствами: специальность 19.00.04: диссертация на соискание ученой степени канд. психол. наук / А.А.Романова; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2012. – 165 с.

Стребелева Е.А. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста: метод. пособие / Е.А.Стребелева, Г.А.Мишина, Ю.А.Разенкова и др. – М.: Просвещение, 2004. – 164 с.

Eni M. Estimating autism severity in young children from speech signals using a deep neural network / M.Eni, I.Dinstein, M.Ilan, I.Menashe [et al.]. // IEEE Access. – 2020. – T.8. – P.139489-139500.

Кульшарипова Равза Экзамовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81’34

Антропоцентризм прикладной фонетики: идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ

антропофоника, психофонетика, статистика звуков, физиология речи, физическая природа звука

Многие теоретические положения основателя Казанской лингвистической школы И.А.Бодуэна де Куртенэ касались рассмотрения природы фонетики речи как в широком (историческом), так и прикладном (практическом) плане. Антропоцентрические идеи были представлены в связи с субстанцией языка, отсюда трехмерность языка как знания, орудия, действия; а также в толковании соотношения языка и миров, которые формируют универсальную картину мироощущения человека, соответственно, развивают и структурируют механизмы языкового чутья.

Уже в 70-е гг. XIX в. И.А.Бодуэн де Куртенэ обозначил целесообразность изучения звукового строя в преломлении к системным основам языка. Это позволило ему трактовать фонетические изменения в развитии, динамике и статике. Истоки чутья языка предполагали филогенетическое толкование; онтогенез языка, по сути, был немыслим без обращения к сущности речевой деятельности человека, при этом немало внимания

учёный также уделил дифференциации физиологии речи человека и животных.

Отсюда детальное рассмотрение физической и физиологической сторон звуков речи; И.А.Бодуэн де Куртенэ совокупность элементов звукового строя языка интерпретировал в соответствии со строением слова (морфологическая структура) и состоянием человека (выделяется и развивается идея психической жизни звука). Мир человека в этом ракурсе оказывается многообразным, что, естественно, влияет на парадигму звукообразования.

Ученый полагал, что психофизическое состояние человека многое способно предопределить в фонационной картине звука. Термин *антропофоника* выступал своего рода маркером возможных трансформаций звучания, но так или иначе он соотносился с человеком, его ценностями и физиологией. И.А.Бодуэн де Куртенэ предполагал, что психическая жизнь звуков может свидетельствовать о влиянии ряда факторов, которые проистекают из разнообразия человеческой деятельности в обществе, поэтому стоит присмотреться к тому, грамотен человек или нет; откуда он родом; болен или здоров; физически устал или нет; имеет определенные патологии и т.д.

Интенциональное начало порождения речи также воздействовало на характер антропофонических представлений о звуках речи. Позднее это положение было развернуто в работах ученика И.А.Бодуэна де Куртенэ, В.А.Богородицкого; речь им трактовалась как сложный ассоциативный агрегат.

Линии говорящего и слушающего в рамках актов речи также были изучены И.А.Бодуэном де Куртенэ, что позволило ему создать теорию фонемы.

Практическая сторона речи оказывалась важной при систематизации артикуляционных и акустических представлений; последние не только актуальны для толкования направленности изменений звуков в развитии, но и необходимы для уточнения путей восприятия звуков речи (идеи перцептивных основ прикладной фонетики были им заложены, в частности, в связи с фонологией).

На восприятие звуков, на их антропофоническое содержание влияло так называемое чутье языка, которое формировалось у человека под воздействием социальных и психических факторов, его жизни. Социально-психологическая сторона общения людей многое маркировала в системе звуковых изменений. И.А.Бодуэн де Куртенэ полагал, что без учета этих факторов невозможно создать объективную картину жизни звукового строя языка. На этом основании и формируется дифференциация акустико-артикуляторного и собственно лингвистического планов звуков языка и речи.

Признавая дихотомию языка и речи, он выводил своего рода алгоритм порождения звука в человеческом общении. Впоследствии эти идеи активно развивались В.А.Богородицким, Л.В.Щербой, Е.Д.Поливановым.

В современной прикладной фонетике обращенность исследователей к физической стороне речи (акустическая фо-

нетика) немыслима без подключения психического, социального, культурологического, семантического и речеведческого/ функционального факторов.

Благодаря принципу антропоцентризма языка И.А.Бодуэн де Куртенэ предвосхитил основные направления исследований как в фундаментальной фонетике, так и в прикладной.

Курбанова Зухра Рашидовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 811.161.1

Семантические разновидности отложительных глаголов в русском языке

рефлексивность, отложительные глаголы, семантика, типология

Предметом нашего исследования стала одна из разновидностей рефлексивных глаголов русского языка, получившая название ˝отложительные глаголы˝. Под отложительными глаголами в лингвистике понимаются возвратные глагольные предикаты, у которых отсутствуют соответствующие невозвратные формы, см. подробнее [Летучий 2016, Ильина 2014].

Ю.П.Князев, рассматривая возвратные формы глаголов с деривационной точки зрения, указывает на существование лексических единиц, у которых возможен признак ˝отложительности˝ [Морфология 2013: 413-414]. Рассмотрим их более подробно.

1. семантически необратимые, не употребляющиеся без постфикса -*ся*:

драться, согласиться:

Просто однажды подошёл к нему и сказал — пусть она ***остаётся****. Жалко, что ли, тебе? И они начали* ***драться.*** *И потом* ***дрались*** *всегда. Пока Толик не упал со стройки* (А.Геласимов. Жанна);

2. мультипликативно-взаимные глаголы, имеющие в своем морфемном составе префикс и постфикс:

разругаться, переговариваться, разыграться:

Разругаемся, и он уходил к своей маме (Д.Щеглов. Последнее лето Папанова);

3. префиксально-постфиксальные глаголы, семантическое соотношение которых с исходными глаголами не одинаково:

разойтись, разбежаться:

Сошли и опрокинулись под откос последние вагоны, разорвало состав на части, и вот паника, с войны не забытая, сделала своё дело, ***разбежались*** *по ближним болотистым лесам солдатики* (В.Астафьев. Пролетный гусь).

В лингвистике существует и другая типология отложительных предикатов. Среди них можно выделить следующие семантические разновидности:

1. эмотивные глаголы:

улыбаться, смеяться:

Старик словно умылся живой водою: стал ***улыбаться****, играл в шахматы, врачам не перечил* (Б.Екимов. Пиночет);

2. глаголы с поведенческой семантикой:

гордиться, кичиться, лениться, суетиться:

Не лез вперёд, не ***кичился*** *родом и званиями, но умел ˝говорить правду без обиды˝* (А.Алексеев. Неистовые ревнители. Московская Русь в XVII веке // ˝Наука и жизнь˝);

3. глаголы, называющие процессуальные явления природы:

смеркаться:

Смеркалось. *Печальной показалась мне деревня. Я шёл по улице, а не встретил ни души* (Ю.Коваль. Про них);

4. глаголы, называющие физическое состояние человека:

нездоровиться:

Антонине Сергеевне ***нездоровилось****. Ныло сердце. По телевизору шел вечер дагестанского поэта Расула Гамзатова* (И.Вирабов. Андрей Вознесенский);

5. глаголы, выражающие значения (в частности, модальные и близкие к ним), связанные с действиями человека, но не зависящие от них полностью:

понадобиться, удаваться, оказаться и др.:

Стоять на дурацких вахтах…, и капитан может ***оказаться*** *дураком, и будет мучить* (Е.Гришковец. ОдноврЕмЕнно).

Итак, отложительные глаголы, будучи разновидностью возвратных глаголов, отличаются от последних тем, что не выражают грамматическое значение средневозвратного залога. В их семантике на первый план выступает субъект действия, а не объект.

В соответствии с трёхзалоговой теорией отложительные глаголы входят в группу ˝вне залога˝, по двухзалогой концепции включаются в парадигму действительного залога. Исследуемые предикаты могут быть как непроизводными, так и производными лексическими единицами, что свидетельствует об их деривационной динамике.

Литература

Летучий А.Б. Возвратность / А.Б.Летучий // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. – СПб.: Нестор-История, 2016. – Ч.1. – С.268–340.

Летучий А.Б. Возвратность [Электронный ресурс] / А.Б.Летучий. – URL: http://rusgram.ru (дата обращения 29.10.2021)

Ильина Л.Е. Возможность употребления глагола в среднем залоге как основной признак категории отложительности [Электронный ресурс] / Л.Е.Ильина. – URL: http://elib.osu.ru/handle/123456789/ 93 (дата обращения: 29.10.2021)

Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений РФ / С.И.Богданов, В.Б.Евтюхин, Ю.П.Князев и др. – СПб.: Филологический факультет СПБГУ, 2013. – 640 с.

Литвина Татьяна Александровна
Казанский федеральный университет
УДК 821.161

Изучение памятников древнерусской словесности в свете идей, заложенных И.А.Бодуэном де Куртенэ

Казанская лингвистическая школа, агиография, житие, канон, жанровые традиции

Памятники языка, письменности и литературы как ˝следы языка в каких бы то ни было начертаниях˝ основатель Казанской лингвистической школы И.А.Бодуэн де Куртенэ рассматривал в качестве одной из категорий материала для всестороннего разбора уже сложившихся языков [Бодуэн 1963, 1: 63]. Древнерусский язык, по определению И.А.Бодуэна де Куртенэ, можно отнести к разряду языков ˝культурных˝ или ˝искусственных˝. Путь к таким языкам всегда лежал через письменность.

Каждый письменный язык, по словам И.А.Бодуэна де Куртенэ, может рассматриваться ˝как исток целой культурно-языковой жизни˝ [Бодуэн 1963, 1: 135]. И, хотя И.А.Бодуэн де Куртенэ говорил о том, что ˝по памятникам нельзя никогда заключать вполне о языке соответствующего времени, и данные, почерпнутые из их исследования, нужно дополнять рассмотрением строя и состава данного языка в нынешнем его состоянии˝, тем не менее, изучение памятников письменности как

˝истоков культурно-языковой жизни˝ имеет самостоятельную ценность.

И.А.Бодуэн де Куртенэ выделял в научном исследовании языков и речи три направления: описательное, резонирующее и историческое. Резонирующее направление, т.е. подгоняющее факты под принципы, мы не будем рассматривать, так как такой подход является антинаучным, и обратим внимание на направления описательное и историческое.

И.А.Бодуэн де Куртенэ, критикуя описательное направление, ˝ставящее себе задачи собирать и обобщать факты чисто внешним образом, не вдаваясь в объяснение их причин и не связывая их сродства и генетической зависимости˝ [Бодуэн 1963,1: 53], писал следующее: ˝как первый шаг в науке, как подготовка описательные операции необходимы, причем первым условием является точное и добросовестное наблюдение... Хорошие описательные грамматики, издание памятников и словари останутся навсегда насущною потребностью нашей науки, и без них даже самым гениальным теоретическим выводам будет недоставать фактического основания˝ [Бодуэн 1963, 1: 54].

В связи с этим ещё в 2001 году выдающийся представитель Казанской лингвистической школы профессор Г.А.Николаев, цитируя И.А.Бодуэна де Куртенэ, писал о том, что ˝исследовать жизнь языка во всех его проявлениях, связывать явления языка, обобщать их в факты, определять законы развития и существования языка и отыскивать действующие

при этом силы˝ [Бодуэн 1963, 1: 57] позволяет универсальный исследовательский подход, соединяющий в себе описательный и исторический методы. Разработку соотношения диахронического и синхронического направлений исследования языка Г.А.Николаев отнёс к главному методическому достижению казанской лингвистической школы [Николаев 2001: 9].

Исследования в области истории русского языка в течение последних двух-трех десятилетий всё чаще направлены на изучение разных подсистем в тексте. Текст рассматривается как система разноуровневых языковых элементов, находящихся в отношениях взаимосвязанности и взаимообусловленности, каждый элемент системы, являясь стиле- и текстообразующим компонентом, зависит от структуры целого и подчиняется его законам. Соответственно, выдвигается лингвистико-стилистическая проблематика исследования средневекового текста, актуализируется изучение закономерностей, в соответствии с которыми язык реализуется в тексте, а значит, и самой структуры текста [Колесов 1997: 229].

Идеи, заложенные в Казанской лингвистической школе, а именно понимание языка как сложной системы разноуровневых элементов и исследование явлений языка в их взаимной связи, в современной лингвистике трансформировались и нашли свое применение в исследовании текста как целостной системы взаимосвязанных и взаимообусловленных языковых уровней с помощью комплексного подхода, сочетающего синхронический и диахронический методы исследования.

В качестве иллюстрации вышесказанного мы остановимся на опыте исследования языковых и текстовых особенностей памятника литературы старорусского периода, Жития казанских святителей Гурия и Варсонофия, созданного митрополитом казанским Гермогеном предположительно в конце XVI века [Гермоген 1912: 17-42]. Подобное исследование невозможно без совмещения исторического и описательного подходов к языку, тексту, жанру.

На протяжении нескольких столетий агиографический жанр являлся одним из основных жанров русской литературы и составил значительную часть письменного наследия древнерусского и старорусского периодов. Изучение агиографических текстов, проблемы методологии этих исследований остаются актуальными и для современной науки [Дорофеева 2017: 11].

Изучение текста Жития Гурия и Варсонофия проводилось с целью определения жанрово-стилистического своеобразия данного Жития на фоне других агиографических текстов того периода и в сравнении с лучшими каноническими произведениями агиографии. Было осуществлено:

1) определение связи языкового и композиционного содержания Жития Гурия и Варсонофия с такими факторами, как историческая основа, идейное содержание повествования, жанровые каноны, образ автора;

2) рассмотрение способов и приемов текстопостроения в контексте традиций литературно-книжного языка и канонов агиографического жанра;

3) описание грамматических явлений в языке данного памятника, являющихся наиболее показательными в жанрово-стилистическом отношении;

4) описание системы производных субстантивов как языковой категории, отражающей жанрово-стилистическую специфику текста.

Предметом исследования явилось функционирование в тексте Жития Гурия и Варсонофия единиц различных уровней языковой системы в качестве компонентов текстообразования и его стилевой системы.

Комплексное изучение агиографического текста, основанное на совмещении текстологического и лингвистического аспектов исследования в свете жанровых канонов и связи этого текста с неагиографической литературой позволило выявить *взаимосвязь* особенностей текста Жития Гурия и Варсонофия, отраженных на разных уровнях его системы, *причины и общие тенденции*, повлиявшие на текстовую и языковую специфику.

Подобные комплексные исследования конкретных памятников агиографии на основе идей системности языка, языковой статики и динамики создают научную базу для дальнейших обобщающих исследований агиографии как макросистемы.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. / И.А.Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Гермоген. Житие святых Гурия и Варсонофия // Творения святейшего Гермогена, патриарха московского и всея России. – Москва, 1912. – С.17-42.

Дорофеева Л.Г. Проблемы изучения русской агиографии / Л.Г.Дорофеева // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – Т.8. – №1. – С.11-23.

Колесов В.В. Слово и текст в древнерусской традиции / В.В.Колесов // Beitrage zur Slavistik. – Frankfurt am Main, 1997. – Bd. XXXIII. – S.229-264.

Николаев Г.А. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ / Г.А.Николаев. – Казань: Изд-во КГУ, 2001.

Мамонтова Ангелина Викторовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'33

Формирование словаря вариантов как часть разработки программы автоматического создания сводного словаря

вариант слова, сводный словарь, словник, компьютерная лингвистика

Основная проблема составления сводного словаря заключается в правильном объединении лексических единиц из словников разных лексикографических источников, а именно в поиске не только полностью совпадающих слов, но и тех, которые относятся к одной лексеме, но отличаются внешне из-за того, что стоят в разных формах, являются вариантами и т.п. [Мамонтова 2021].

Данная статья посвящена задаче поиска и объединения словарных единиц, являющихся вариантами одного слова. Применение полученных результатов будет реализовано в рамках проекта программы автоматического составления словника сводного словаря. Лингвистическим материалом для тестирования стал словник проекта Сводного этимологического словаря русского языка (далее ˝СвЭтиС˝), состоящий из семи лингвографических изданий с этимологизированной лексикой.

Под *вариантом* слова мы понимаем ˝видоизменения ..., отличающиеся друг от друга в каком-либо отношении при со-

хранении тождественного морфемного состава˝ [Розенталь 1985: 32]. В ˝СвЭтиС˝ в такие единицы включаются фонетические (*бивак – бивуак*, *валериана – валерьяна*, *волапюк – воляпюк* и др.), морфологические (*зал – зала*, *клавиша – клавиш*, *пилястр – пилястра* и др.) и орфографические варианты (*диджей – диджей*, *камфара – камфора*, *карате – каратэ* и др.). Информация об акцентологической и орфоэпической вариативности (отличия в ударении и произношении, не получающие отражения на письме), а также семантической (наличие разных значений многозначного слова) не используется, так как это нерелевантно для поставленной задачи.

Однокоренные слова тождественного значения, но с разными словообразовательными аффиксами, выделяемые некоторыми учёными как словообразовательные варианты (например, *горлинка* и *горлица*, *жакет* и *жакетка*, *сквалыга* и *сквалыжник*) в рамках Сводного словаря считаются разными словами вслед за теорией Н.М.Шанского: он пишет, что в случае выделения словообразовательных вариантов ˝не учитывается тот факт, что тождество слова не может сохраняться, если не сохраняется тождество составляющих его основу морфем˝ [Шанский 2009: 73]. Такое понимание принимается для лучшей ориентации на пользователя словаря: люди, не являющиеся специалистами, скорее воспримут подобные единицы как разные слова.

Основная часть задачи объединения вариантов слов – составление словаря вариантов как можно большего объёма для

того, чтобы определить, имеет ли введённое слово варианты, и если имеет, то какие, и содержатся ли они среди других поданных единиц.

О необходимости составления словаря вариантов в литературе упоминалось и ранее. Например, в 2008 г. С.О.Савчук и Е.А.Гришина предлагали проект нового словаря вариантов, который включал бы нормативные варианты литературного языка конца XX – начала XXI века [Савчук 2008], однако проект не был реализован. Поскольку необходимый для нашей задачи словарь должен не только включать существующие в последнее время варианты, но и отражать более раннюю вариативность единиц, использование подобного словаря в качестве основного не является максимально эффективным. Тем не менее материал искомого словаря вариантов было решено искать в существующих лексикографических источниках, так как предполагается, что в них будет отражена наиболее полная необходимая информация по вариативности словарных единиц.

В качестве основы был выбран ˝Толковый словарь русского языка с включением сведением о происхождении слов˝ под ред. Н.Ю.Шведовой 2011 г. (далее ТЭСРЯ) [Толковый словарь 2011]. Данный источник был выбран по нескольким причинам: во-первых, он подходит как толковый словарь, одной из задач которого является представление наиболее полной информации о слове, в частности его вариативности, во-вторых, ТЭСРЯ – один из самых больших ортологических словарей, содержащихся в открытом доступе в машиночитаемом виде.

Текст ТЭСРЯ был извлечён в формат документа Microsoft Word, обработан с помощью средств данной программы – функций замены и макросов, таким образом из данного словаря были извлечены все заголовочные единицы (включая потенциальные варианты).

Дальнейшая разработка велась на языке Python. Основной сложностью стало то, что мы не выделяем словообразовательные варианты, в отличие от ТЭСРЯ, а также то, что единицы, входящие в заголовок одной словарной статьи, не всегда действительно являются языковыми вариантами: они могут быть однокоренными словами, производными от одной и той же лексемы. Такое возможно в случаях отсылочных словарных статей. В качестве решения была введена проверка на часть речи: если заголовок включает единицы, которые не могут являться вариантами, например существительное и прилагательное, они не включаются. Для отсеивания однокоренных слов одной части речи и словообразовательных вариантов, которые мы не рассматриваем, проверяется число символов, которыми отличаются потенциальные варианты. Если оно меньше критического значения, подобранного экспериментально, единицы признаются вариантами и включаются в составляемый словарь. Пошаговый алгоритм написанной программы по формированию необходимого словаря вариантов можно представить следующим образом:

1) получение всех выявленных в ТЭСРЯ словарных единиц – всего 42229;

2) (начало итерации по ним) выбор заголовков только из нескольких единиц (с потенциальными вариантами);

3) очистка словарных единиц от лишних символов (цифр, дефиса для случаев дефис + многоточие) – всего 1117 заголовков;

4) определение частей речи единиц, входящих в один заголовок, с помощью библиотеки pymorphy2, которая даёт морфологический анализ введённого слова [Korobov 2015];

5) пропуск глаголов и групп вариантов, состоящих из существительного и прилагательного (такое возможно в случаях отсылочных словарных статей);

6) формирование хеш-таблицы с единицами вида ˝непервая заголовочная единица статьи – первая заголовочная единица статьи˝ – 495 пар;

7) определение степени различия для каждой пары () с помощью вычисления метрик похожести строк – расстояние Хэмминга для слов одинаковой длины и модифицированное расстояние Левенштейна;

8) подбор необходимого критического значения метрики пункта 6, при котором единицы можно считать языковыми вариантами (было выбрано число 3);

9) ручной просмотр полученных пар, удаление неподходящих.

В результате был сформирован словарь вариантов, включающий 278 пар единиц (всего 556), которые можно назвать языковыми вариантами. В будущем планируется расширение

состава словаря благодаря его пополнению материалами других словарей, в том числе самых современных, и его использование для функции проверки наличия варианта слова среди других введённых словарных единиц – части программы автоматического создания словника сводного словаря.

Литература

Мамонтова А.В. Компьютерная база Сводного этимологического словаря: автоматизация совмещения словников / А.В.Мамонтова // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16–20 ноября 2020 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р.Замалетдинова, Ф.Х.Тарасовой, Е.А.Горобец. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – Т.1. – С.241–244.

Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Савчук С.О. Вариантность в русском языке. Проект словаря / С.О.Савчук, Е.А.Гришина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции ˝Диалог˝, Бекасово, 04–08 июня 2008 года. – Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. – С.466–475.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Издательский центр ˝Азбуковник˝, 2011. – 1175 с.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие / Н.М.Шанский. – 4-е изд., доп. – М.: Книжный дом ˝ЛИБРОКОМ˝, 2009. – 312 с.

Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages / M.Korobov // Analysis of Images, Social Networks and Texts. – 2015. – P.320–332.

Мольков Георгий Анатольевич
Институт лингвистических исследований РАН
УДК 811.161.1

Орфография аффрикат **ц** и **ч** в почерках Лазаревского паримейника

Лазаревский паримейник, древнерусская орфография, цоканье

У всех трех книжников, переписывавших Лазаревский паримейник, встречаются примеры взаимозамены букв **ц** и **ч** – отражение северного диалектного неразличения аффрикат. Всего отмечено 90 примеров с преобладанием (83 из 90) написаний **ц** вместо **ч**.

Примеры со смешением букв неравномерно распределены по почеркам. У первого писца – 21 раз, у второго – 15 раз, и больше половины из них (54 из 90) относятся к 3-му почерку (им переписано только 13 листов из 126).

Если воспользоваться разделением ошибок в написании аффрикат по классам, выделенным В.М.Живовым [Живов 2006: 109], то у первых двух писцов больше всего ошибок допущено в I'-классе – написаний с рефлексом первой палатализации ˝в условиях˝ третьей (т.е. после **и** и **ь**). Такое преобладание закономерно ввиду большей сложности правила (правило С, по Живову [Живов 2006: 105–106]), регулировавшего эту группу написаний.

В примерах с меной в I-классе у первого писца привлекает внимание неоднократное (4 из 7 форм) написание **ц** в форме родительного падежа мн. числа **притъць** вм. **притъчь**. Возможно, это связано с влиянием графического клише [Живов 2006: 123–124] – завершение существительного на **-ьць** (ИП ед. числа муж. рода) встречалось в тексте чаще, чем РП мн. числа жен. рода существительных на **-ча**, и первая категория форм стала оказывать влияние на написание второй. Данные двух других почерков показывают, что на орфографию формы **притъць** могло влиять и написание **оц҃ь**.

У 2 писца – попа Домки, переписавшего также Милятино евангелие середины XII в. [Михеев 2019: 28–37], наблюдается корреляция орфографии аффрикат в двух рукописях. В частности, у Домки в евангельском списке среди написаний I'-класса выделяется корень **коньц-** [Мольков 2018: 29]: в обеих встретившихся в почерке Паремейника словоформах с чередованием **коньч-** в этом корне он также записан в виде **коньц-** (**съконьцасѧ**/ 72г и **коньциноу** 124а). Также ошибки I класса в обоих случаях происходят под воздействием частотного написания **оц҃ь** (см. материал Милятина евангелия в [Мольков 2018: 29]): в 4 формах из 6 (**отроцицѣ** 59а, **на отроци/цѣ** 59в, **алъцющимъ**

67а и **въ цьваньнѣ** 125б), где неэтимологическая замена **ч** на **ц** происходит после **о** (или после ъ при учете дублетности **о** = **ъ** в бытовом письме [Зализняк 2004: 23–25]).

Общее соотношение доли ошибок в написании аффрикат у третьего писца Лазаревского паремейника в разных классах показывает индивидуальный характер дистрибуции **ц/ч** в почерке.

Наряду с ожидаемо частыми ошибками в классе I’ (сложное правило С) в 3-м почерке значительную долю составляют и наиболее многочисленные ошибки писца в написании **ч** по I палатализации (вне ˝условий III-ей˝).

Значительная часть написаний **ц** вместо **ч** в этой группе происходит после буквы **о**, т.е. в той же позиции, что и у писца Домки – в 27 примерах из 46, в т.ч. в двух случаях это **о** находится в предшествующем предлоге **по** (**по цьто** 99а, **по цюдесемь** 102а). Ошибочное употребление титла в одном из таких примеров – **оц҃има** 93а – подтверждает связь этой категории примеров с частотным титловым написанием **оц҃ь**; и только в двух примерах (**О(т) пророчьства** 90б и **очи** 98г) книжник ˝пропускает˝ в позиции после о этимологическое **ч**. Таким обра-

зом, в орфографии 3 писца Лазаревского паремейника написание **оч**, скорее, является ошибкой против его локального правила. При дальнейшем рассмотрении некоторые из оставшихся примеров I класса оказываются связаны с этой центральной категорией – в 2 случаях ошибочное **ц** пишется после буквы **ъ**, являющейся графическим дублетом **о** в бытовом письме (**отъцию**, **въ цьваньци**) и еще в 4 – в корнях с этимологическим **tъlt*: в основах **мълц-** и **пълц-**. При возможности их записи с гласным после **л** (ср. 29% ″полногласных″ написаний этого рефлекса в почерке 3 писца), т.е. как **мълъц-** и **пълъц-** они подпадают под действие того же графического клише. Суммарно 33 формы из 46 (более 70%) отражают локальное правило писца – писать **ц** после **о/ъ**.

Значимость сокращения **оц҃ь** как графического клише, влияющего на выбор буквы аффрикаты, объединяет всех трех писцов Лазаревского паримейника, а кроме того – и 2 писца Милятина евангелия, у которого все 13 допущенных им ошибок в III классе написаний представлены ″устойчивым (хотя и этимологически неверным) лексикализованным написанием существительного **оч҃ь**″ [Мольков 2018: 30]. В последнем случае клише воздействовало на писца противоположным образом –

склоняло к выбору **ч**, а не **ц** (возможно, под влиянием соответствующего притяжательного прилагательного).

Внимание трех разных писцов, связанных с рукописями Лазарева монастыря, к одному и тому же титловому написанию при выборе буквы для записи аффрикаты говорит об определенной традиции скриптория этого монастыря и, по-видимому, отражает локальную систему орфографических правил, регламентирующих употребление **ц** и **ч**, сложившуюся в новгородском Лазаревом скриптории.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-512-18001 ˝Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)˝.

Литература

Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века / В.М.Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Милятино евангелие. Рукопись РНБ, F.п.I.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Описание языка, подгот. текста, комм., словоуказатели Г.А.Молькова. – М.; СПб.: Альянс-Археo, 2018. – 728 с.

Михеев С.М. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря / С.М.Михеев // Slověne. – 2019. – V.8. – №2. – С.7–56.

Новак Мария Олеговна
Институт русского языка имени В.В.Виноградова
Российской академии наук
УДК 811.161.1.04

Лексические заимствования и эквиваленты в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. (на материале электронной коллекции ˝Манускрипт˝)

Паримейник, древнеславянский перевод, лексика, заимствования, эквиваленты

В статье представлены наблюдения над лексикой восточнославянских списков Паримейника (сборника ветхозаветных чтений), которые в настоящее время изучаются и вводятся в состав исторического корпуса ˝Манускрипт˝ в рамках международного исследовательского проекта. Машиночитаемые транскрипции уже созданы для следующих источников:

– древнерусский Лазаревский (Сковородский) паримейник первой трети либо середины XII в. (РГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. 50, 126 л. – далее *Лаз*);

– Федоровский II паримейник XIII в. (РГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. 60, 107 л. – далее *Фед*);

– Захарьинский паримейник 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13, 264 л. – далее *Зах*);

– паримейник из собрания Троице-Сергиевой лавры XIV в. (РГБ, ф. 304/I, № 4, 142 л. – далее *Тр4*).

Кроме того, завершена текстовая транскрипция Козминского списка 1313 г. (РГАДА, оп. 1, ф. 381, Тип. 61, 151 лл. – далее *Козм*), которая через некоторое время пополнит параллельный корпус паримейников (http://manuscripts.ru/mns/cred.cred?koll=94052725). Мы также используем данные этого списка.

Материал восточнославянских рукописей сопоставляется с показаниями южнославянских источников: среднеболгарского паримейника Григоровича XII–XIII в. (РГБ, ф. 87, №2, 104 лл. – далее *Григ*) и сербского Белградского паримейника начала XIII в. (далее *Белг*), по публикации [Јовановић-Стипчевић 2005].

Лексика древнеславянского Паримейника в сопоставлении с греческим текстом исследована достаточно хорошо, начиная с классического труда [Михайлов 1912]. Однако обращение к малоизученным источникам позволяет выявить новые факты.

Ниже предлагается лингвистический комментарий к следующему чтению из книги Бытия, 31:13, которое входит в состав паримии, читаемой на вечерне во вторник шестой (цветной) недели Великого Поста: *идеже ми помаза тоу стилинъ* (*Фед*, л. 58; *Козм*, л. 80) – греч. ᾧ ἤλειψάς μοι ἐκεῖ στήλην (Bible Hub). В греческом тексте στήλην – форма аккузатива к στήλη, ἡ ‘столб, свая, пограничный знак, межевой знак, мета’ [Alpha].

Перед нами заимствование, неизвестное другим древнеславянским источникам. Так, в старейшем списке *Лаз* находится чтение с корректным эквивалентом *идеже помаза ми тоу*

стълъпъ (л. 65), которое воспроизводят младший восточнославянский список *Тр4* (*столпъ*, л. 66) и сербский *Белг* (с незначительной утратой: *(.)тль*|*пь*, л. 94va). Список *Зах* представляет дефектное чтение *помаза кости* (л. 146).

Тот факт, что редкий грецизм обнаруживается именно в списках *Фед* и *Козм*, поддерживает группировку рукописей, предложенную А.А.Пичхадзе на материале паримейных чтений книги Исход, в рамках которой Федоровский II паримейник был отнесен к Козминской группе [Пичхадзе 1991: 152].

Зденка Рибарова отмечает, что в сербских списках Триоди (Орбельском и Хлудовском, оба XIII в.) данный фрагмент содержит грецизм *стилъ* (в сербской одноеровой орфографии *стиль*), не зафиксированный ни в работе А.В.Михайлова, ни в авторитетных словарных сводах (среди последних она называет ˝Slovník jazyka staroslověnského˝ [SJS]; добавим, что и современные словари Российской академии наук не содержат соответствующей словарной статьи). Чешская исследовательница выражает неуверенность в том, как следует определять природу данного заимствования – является ли оно первичным или ˝восстановленным˝ в триодях грецизмом, – поскольку, по ее мнению, не хватает данных собственно Паримейника [Рибарова 2009: 163]. Чтение списка *Григ столъ* (л. 58) она считает испорченным – хотя, на наш взгляд, оно отражает не столько дефект, сколько конъектуру: писец вполне мог увидеть в антиграфе именно форму *стилъ* и счесть нужным заменить загадочное слово на понятное *столъ*.

Так или иначе, данные восточнославянских паримейников помогают выяснить, что существовало два пути заимствования греческой формы στήλην: либо непосредственно, ˝как есть˝ – отсюда вариант восточнославянских списков *стилинъ*; либо словоформа ˝снимается˝ с контекста и возводится к лемме – и так возникает южнославянский вариант *стилъ*, сохранившийся в сербских триодях, причем оба они адаптируются по образцу славянского склонения мужского рода, несмотря на принадлежность греческого слова женскому роду. Такое варьирование говорит о лингвистической рефлексии в среде древнеславянских книжников и о том, что, скорее всего, мы имеем дело с древним ˝первичным˝ грецизмом, который, безусловно, достоин того, чтобы занять свое место в лексикографических изданиях.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, международный проект № 20–512–18001 ˝Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)˝.

Литература

Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть I. Паримейный текст / А.В.Михайлов. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1912. – 460 с.

Пичхадзе А.А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) / А.А.Пичхадзе // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. – М.: Наука, 1991. – С.147–173.

Рибарова З. Паримејната лексика во македонскиот црквнословенски речник / З.Рибарова // Зденка Рибарова. Палеословенистички студии / З.Рибарова. – Скопје, 2009. – С.153–167.

Јовановић-Стипчевић Б. Београдски паримејник. Почетак XIII века. Текст са критичким апаратом / Б.Јовановић-Стипчевић. – Београд, 2005. – 495 с.

Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х.Дворецкого // Version: 3.0. Release: 1 May, 2005. Alpha. Copyright 2005 Sergey Gurin: [программное обеспечение]. – URL: http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html (дата обращения: 26.10.2021).

Bible Hub. Online Bible Study Suite. 2004–2021. – URL: https://biblehub.com/ (дата обращения: 26.10.2021).

SJS – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. – Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

Новикова Анна Михайловна
Челябинский государственный университет
УДК 81'42

Конструирование фрейма Discrimination в американском медиадискурсе

фрейм, медиадискурс, фреймовый анализ

В современном мире темы расового разнообразия, равноправия и толерантности весьма актуальны. Проблемы дискриминации и расизма звучат остро в разных странах мира. Медиадискурс представляет собой глобальное поле для лингвистических исследований, в котором отражаются языковые процессы и культурные реалии времени. В нашем исследовании мы рассматриваем конструирование фрейма Discrimination (Дискриминация) на локальном примере одного населенного пункта (города Колумбии) в медиаповестке федеральных американских СМИ за последние 10 лет.

Термин ˝фрейм˝ пришёл в науки о языке из информационных технологий построения искусственного интеллекта. Его основоположником считают М.Минского, который понимал фрейм как схему действий, модель, сценарий представления знаний [Minsky 1975]. Словарь лингвистических терминов и понятий предлагает следующие определения: набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний; набор сущностей, существующих в описываемом мире, по предполо-

жению исследователя; организация представлений, хранимых в памяти человека или компьютера, организация процессов обработки и логических выводов; структура данных для представления стереотипных ситуаций [Жеребило 2016].

Являясь когнитивной моделью, фрейм актуализируется в речи с помощью лингвистических средств. В результате исследования языковых репрезентаций можно заключить, что фрейм Discrimination (Дискриминация) представляет сложную структуру из трёх субфреймов: Race Conflict (Расовый конфликт), Slavery (Рабство), Flag Battle (Борьба за флаг).

1. Race Conflict

Субфрейм Race Conflict выражает противостояние граждан, представителей разных рас: индоевропейской и афроамериканской. Встречаются утвердительные предложения в форме тезисов-обвинений, ритмичные синтагматические юниты на синтаксическом уровне, прямые нападки, оскорбления, угрозы, а также ироничные высказывания, преимущественно лексика с отрицательной коннотацией. Приведём некоторые яркие репрезентации:

– *profoundly sorry;*

– *memorial controversial doctor*;

– *ethically challenged doctor*;

– *a* ***Confederacy of Sauces*** (ироничная метафора, в которой заключено образное сравнение противостояния групп разных рас, предпочитающих разный соус по своим политическим убеждениям);

– *Buying a barbecue sandwich is now a* ***political act*** (выбор сэндвича иронично приравнивается к поддержке определенной расы);

– *On a culinary level, barbecue is one of those* ***democratic dishes*** *that have an inexplicable power to start* ***fights****, like pizza*;

– *People* ***defend*** *their favorite pit as passionately as a homeland*;

– *Southerners can be proud that their racial divide is strictly voluntary, just as it is everywhere else*;

– *BLM (Black lives matter)*;

– *police killings of black men*;

– *there's no blacks in this man's cabinet in Vermont and he says he wants to teach me something about race relations* (устойчивое выражение "wants to teach me" иллюстрирует пренебрежительное отношение местного населения к ˝белым из белых районов˝);

– *says he is not a racist, he's just never lived in a diverse community.* ***That's like saying****, I'm honest but I ain't never been around no money* (сравнение, вновь подчеркивающее недоверие);

– *white supremacist* (обвинение в шовинизме);

– *whiter than golf balls* (образное сравнение, отрицательная характеристика населения города и страны);

– *likening First Lady to an escaped gorilla****…"humour" like this is nothing new*** *for South Carolina Republicans* (обвинение политика в расистской шутке);

– *liked the message… they are* ***church people****,* ***after all****… And so is Sharpton, who ended his remarks with a* ***fervent testimony to the power of Jesus*** (с помощью высокого слога, противоречащего контексту, автор показывает насмешку над тем, что афроамериканцы постоянно апеллируют к богу, а не к аргументам, и поддерживают кандидата исходя из его принадлежности к их расе, а не из его профессионализма и идей).

2. Slavery

Субфрейм Slavery описывает современные представления о рабстве, отсылается к событиям из рабовладельческого прошлого данного региона.

– *When* ***Slaves And Currency*** *Were* ***One*** (изображения рабов на старых банкнотах негативно характеризуют отношение к рабам в прошлом);

– *Slaves were* ***the capital of the South*** *(*метафора иллюстрирует, что рабы были основной рабочей силой в аграрных южных штатах и городах);

– "We **hear a lot these days** about how the Confederacy was really about **states' rights and not slavery** but the currency itself **tells the truth**. It shows how they saw us, and how they wanted to keep seeing us” (отрицательное отношение к попыткам скрыть историю рабства и угнетения рабов в бывших конфедеративных южных штатах)

– *SC had* ***more slaves per capita*** *than any other state in the Union* (негативная характеристика, упоминание эксплуатации рабов в городе и штате).

3. Flag Battle

Основу субфрейма Flag Battle составило масштабное и значимое событие, которое превалировало в медиаповестке города и страны в последние несколько лет. Это отдельный аспектуальный и яркий субфрейм. В нём заключена идея о противостоянии ˝цветного˝ населения, которое хочет убрать флаг Конфедерации со здания правительства как символ расизма и рабства, и ˝белых˝ последователей колониалистов, которые объясняют флаг как важный исторический символ отваги их предков – героев военного времени. Требование и протест цветного населения возникли как реакция после страшного преступления – расстрела белым расистом темнокожих прихожан в церкви. Это стало причиной срочного требования быстрых и важных перемен. В субфрейме Flag Battle можно выделить следующие слоты: Confrontation (Противостояние), Symbol (Символ), Call to action (Призыв), Victory (Победа).

3.1. Confrontation

Слот Confrontation сформирован следующими лингвистическими репрезентациями противостояния: groups for *and against the flag;* ***rebel-rousing jerks*** *stir S.C. Flag flap; held their own flags; slow thinkers; bullhorn-toting protesters; kept separate… metal barriers… the scene was* ***tense;*** *joined in a sing-along of* ***“Dixie”****; dressed as* ***Confederate*** *army honor guard; rebel banner an insult to decency; war heroes; stood up; the league of angry old white men; in Confederate uniforms; battle; confederate controversy; for decades.*

3.2. Symbol

Слот Symbol заключает представление о флаге Конфедерации как о символе расизма: ***obvious symbol*** *of a country that* ***was devided by race… and is devided by race*** *now;* ***symbol of racism*** *inspires* ***violence;*** *a symbol of* ***racism and hate;*** *used to rally* ***the Ku Klux Klan;*** *I have heard enough about* ***heritage;*** *to remember; Stars and Bars; a symbol of Southern heritage; symbol of slavery and white supremacy; hatred… oppression… violence.*

3.3. Call to Action

Информационным ядром слота Call to Action является призыв к действию, к тому, чтобы власти спустили флаг: *if that flag doesn't come down now… you don't wait until… you do it now; tragedy brings* ***change;*** *demanded…; chanted; it's about the people of South Carolina; Take it down! Take it down!; from hate to change; calls for hope at vic's rites; This flag comes down today; in the name of God.*

3.4. Victory

Слот Victory отражает заключительную фазу борьбы за флаг. В финале спуск флага вызывает ликование и единение: *officially removed; comes down once and for all; crowds cheer; cheers and jeers and just a few tears; anything is possible; meaningful step towards a better future; I'm here to witness history; this is monumental; people all over the nation watching… people all over the nation are coming to join us; in the museum – where it should be; flag was furled and sent to a museum; separate rallies; Era Ends.*

Итак, мы рассмотрели иерархичную структуру фрейма Discrimination и языковые средства его актуализации на каждом структурном уровне в американском медиадискурсе. Результаты данного фреймового анализа подтверждают теорию Дж. Лакоффа [Lakoff 1987] и его видение фрейма как когнитивной модели.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740004 (˝Медийная репрезентация социальных проблем городской среды: конструирование систем значений˝).

Литература

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В.Жеребило. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / G.Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge / M.Minsky // The Psychology of Computer Vision / ed. Patrick Henry Winston. – New York (U.S.A.): McGraw-Hill, 1975.

Нуруллина Гузель Миннезуфаровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Будёнина Ольга Юрьевна
Лицей № 35 – образовательный центр ″Галактика″
г.Казани
Халиуллин Альфис Альфредович
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 372.881.161.1

Текст-миниатюра как средство развития связной речи учащихся

коммуникативная компетенция, текст-миниатюра, связная речь, развитие речи

Современное школьное образование направлено на формирование личности, в полной мере владеющей навыками устной и письменной речи, нормами литературного языка и нормами речевого этикета. О проблеме развития речи, формирования коммуникативной компетенции учащихся сказано в принятом Правительством документе – ″Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации″, в котором подчеркивается роль русского языка как важного учебного предмета, направленного на развитие коммуникативных умений, на развитие связной речи учащихся.

Связная речь выступает как интегративная и ориентированная на достижение практического результата в области рус-

ского языка, так как ˝овладение теоретическими знаниями во многих случаях оказывается изолированным от умения применять эти знания в практической речевой деятельности˝ [Концепция 2016: 4]. В лингвометодической литературе связная речь характеризуется как речь ˝правильная (соответствует нормам литературного языка) и хорошая (речь коммуникативно целесообразная, точная, выразительная, богатая)˝ [Литневская 2006: 566].

Одним из важных приемов развития связной речи на уроках русского языка является работа с текстами художественного стиля. В методике преподавания русского языка текст рассматривается как средство получения информации, средство речевого, интеллектуального развития и нравственного воспитания учащихся [Гальперин 2007]. Такие виды заданий, как лингвистический анализ текста, стилистический эксперимент, творческий диктант, изложение, сочинение, играют важную роль в формировании коммуникативно целесообразной связной речи. Учащиеся в процессе работы над текстом осознанно выбирают нужные лексические и грамматические языковые средства, используют в связной речи верные конструкции и словоформы [Нуруллина 2018: 126].

На уроках русского языка в целях экономии времени методисты подчеркивают целесообразность работы с текстами-миниатюрами – небольшими по объему, но несущими при этом необходимую смысловую нагрузку и выраженное субъективное начало.

В художественной литературе авторами текстов-миниатюр являются Ф.Абрамов, М.Пришвин, В.Бианки. В своих произведениях писатели красочно описывают мир природы, но в нем раскрывается и внутренний мир повествователя.

В нашей научной работе мы предлагаем анализ текста-миниатюры Ф.Абрамова ˝Пинега˝. На наш взгляд, лингвистическая работа с этим текстом окажется успешной для развития связной речи учащихся. Методика работы с текстом-миниатюрой ˝Пинега˝ на уроке русского языка выстраивается в соответствии с системно-деятельностным подходом (реализация принципов универсальных учебных действий (УУД) и может быть представлена следующим образом.

Пинега

Утром вышел к реке и ахнул: не узнать старушку.

Вечером уходил – ни одного камешка не разглядишь на берегу, все в серой тине. А сегодня берег блестит, сверкает, как разноцветная мозаика. Ночью прошел ливень, и вот омылась, принарядилась Пинега.

(Ф.Абрамов)

Принципы УУД	***Виды заданий***
Принцип деятельности	*Как можно прокомментировать заглавие миниатюры?* Пинега – это географическое наименование, это название реки в Северо-Европейской части

	России. В тексте рассказывается о Пинеге. *Какова тема текста-миниатюры?* Тема: река Пинега в разное время суток и в разную погоду выглядит по-разному. *Сформулируйте основную мысль текста.* Пинега для автора – родная, любимая река; он ласково называет ее старушкой, часто к ней приходит, внимательно присматривается.
Принцип непрерывности	*Докажите наличие смысловой части.* Текст можно разделить на следующие структурные части, где одно время суток сменяется другим, где ливень повлиял на изменение вида реки. 1) Сегодня утром – ˝не узнать старушку˝. 2) Вечером (накануне) – ˝всё в серой тине˝.
Принцип системности	*Как в тексте представлена языковая система? Произведите лингвистический анализ на всех уровнях языка.* <u>Фонетика</u> – в тексте шипящие звуки (в словах *вышел, старушка, камешка, разглядишь*) и звонкие согласные (*берег, блестит, разноцветная, мозаика*) позволяют читателю прислушаться к реке, понять ее состояние до и после ливня. <u>Орфография</u> – в тексте встречаются слова с разными видами орфограмм: Е-И в окончаниях существительных (*тине*), окончания глаголов

	во 2 лице (*разглядишь*), частицы НЕ и НИ (*ни одного камешка*), чередующиеся гласные в корне слова (*блестит*), приставки ПРЕ и ПРИ (*принарядилась*) и т.д. Лексика – в тексте представлены лексические средства, позволяющие сделать повествование художественным. Морфология – в тексте представлены слова разных частей речи. Учащиеся определяют, к какой части речи относится каждое слово и какую функцию выполняют эти слова. Синтаксис – данный текст-миниатюра кажется наиболее удачным для синтаксического анализа, так как в нем представлены разные случаи постановки знаков препинания, даны разные типы предложений.
Принцип творчества	*Есть ли у вас на родине любимое место? Напишите сочинение-миниатюру о своем любимом месте.*

Работа с текстами на уроках русского языка требует от учащихся грамматического, семантического и стилистического анализа. Тексты-миниатюры являются хорошим иллюстративным дидактическим материалом, позволяющим развить связную речь у учащихся.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

Концепция преподавания русского языка и литературы [Электронный ресурс] // URL: http://static.government.ru.pdf (дата обращения 29.10.2021).

Литневская Е.И. Методика преподавания русского языка в средней школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е.И.Литневская, В.А.Багрянцева; под ред. Е.И.Литневской. – М.: Академический проект, 2006. – 590 с.

Нуруллина Г.М. К вопросу о лингвосмысловом анализе художественного текста на уроках русского языка / Г.М.Нуруллина // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е.А.Горобец, О.Ф.Жолобова, М.О.Новак. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т.1. – С.126-129.

Ошанова Екатерина Сергеевна
Ижевский государственный технический
университет имени М.Т.Калашникова
УДК 81'367.635

Характеристика метасмысловых высказываний с модальными частицами и их коммуникемно-прагмемные смыслы

модальность, прагматика, коммуникемно-прагмемный смысл, лингвопрагматическая нагрузка, когнитивная лингвистика

В настоящей работе высказывания представлены как *метасмысловые высказывания*. Они рассматриваются как функционирующие объяснительные единицы, наделенные определённой структурой и отражающие скрытые смыслы (иллокуции). Данные смыслы трактуются как *метаязыковые элементы* и проявляются как *коммуникемы*, *прагмемы* или смешанные *коммуникемно-прагмемные смыслы*.

Целью данной статьи является анализ метасмысловых высказываний, характеризующих директивный речевой акт *требование/приказ* и роль модальных частиц в реализации коммуникемно-прагмемного смысла.

Анализ проводился на базе высказываний с модальными частицами русского, немецкого и удмуртского языков.

Материалом для исследования послужили художественные произведения, которые позволяют рассмотреть особенно-

сти высказываний с модальными маркерами в разных коммуникативно-прагматических контекстах.

В настоящей работе необходимо отметить мнение Т.А. ван Дейка, который является одним из основоположников теории текста, теории речевых актов и анализа дискурса, так как когнитивная теория употребления языка считается одним из главных элементов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия. Когнитивная теория прагматики даёт объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты, а также ˝влиять˝ на это понимание [Ван Дейк 2000: 19].

Данной проблематикой занимаются как зарубежные, так и отечественные ученые-лингвисты: Д.Вундерлих (1976), Дж.Остин (1985), Ю.Д.Апресян (1985), В.В.Богданов (1989), Н.Д.Арутюнова (1990), В.И.Карасик (1992), Н.И.Формановская (2007), И.Н.Борисова (2009), Т.Ю.Шерстинова (2015) и другие.

Следует отметить, что акт *требования* рассматривается как категорическое побуждение, но при этом говорящий не может быть уверен в выполнении ответных действий со стороны адресата.

Таким образом, *побуждение* выступает основной формой речевого воздействия в процессе коммуникации [Кашенкова 2010: 186].

Для определения значения “приказ” рассмотрим определение в толковых словарях русского языка:

1. Обязательное для исполнения официальное распоряжение того, кто облечен властью [Ожегов 1992: 610].

2. Вообще распоряжение, повеление [Розенталь 1998: 387].

Значение ‘требование/приказ’ выражено побудительными по цели предложениями в форме повелительного наклонения.

Модальные частицы в данных высказываниях эксплицируют определенный прагматический смысл и придают эмоциональный оттенок всей лексико-синтаксической структуре высказывания [Ошанова 2017].

Рассмотрим примеры метасмысловых высказываний в немецких высказываниях:

“*Wie können Sie so etwas sagen, Herr Ren“, protestiert Frau Hein unter Tränen.*

Lorenz und Thiele stellen sich kurz vor, bevor sie beim Hausmeister nachfragen, was er mit seiner Bemerkung gemeint hat.

„Frau Hein hat uns erzählt, dass Professor Türheim immer sehr nett gewesen sein soll“

“Eine Seele von Mensch“, schnieft Frau Hein.

„Jetzt hören Sie ***aber*** *auf, Frau Hein. So wie der mit den Leuten umgesprungen ist. Mit Ihnen vielleicht nicht, aber Sie sind auch geduldig wie ein Lamm* “ [Spaude 2008: 68].

Коммуникативно-прагматическое значение ‘требование/приказ’ реализуется благодаря модальной частице ***aber***; побудительной форме предложения с глаголом *‘aufhören’* в императиве.

Данное высказывание представим следующим образом: *˝Я требую˝* (иллокутема), ‘*прекратите!*’ (пропозитема), ‘*Вы не*

понимаете, что говорите’ (коммуникема), ‘*Вы совершенно не знаете этого человека*/*на самом деле он совершенно другой*’ (прагмема).

Таким образом, значение ‘требование/приказ’ приобретает коммуникемно-прагмемный смысл *недовольство.*

Коммуникативно-прагматическая направленность ˝приказ˝ наблюдается и в русских высказываниях:

Сам Поползухин, кроме граммофонных занятий, ничего не делал: Андрейку не видал по целым дням, помыкал всем домом, ел пять раз в сутки и иногда, просыпаясь ночью, звал приставленного к нему парня:

*– Принеси-**ка** мне чего-нибудь поесть! Студня, что ли, или мяса! Да наливки дай*! [Аверченко 1991: 55].

Коммуникативно-прагматическая характеристика русского высказывания реализуется следующими речеконтекстуальными уточнителями: частицей **-ка**; восклицательные ‘*Студня, что ли, или мяса*!’ и побудительные ‘*Да наливки дай*!’ предложения; грамматические средства включают форму императива настоящего времени изъявительного наклонения.

Коммуникемно-прагмемная характеристика высказывания выглядит следующим образом: ‘*Я приказываю*’ (иллокутема), ‘*принести поесть*’ (пропозитема), ‘*и сделать это нужно немедленно*’ (коммуникема), ‘*я проголодался*’ (прагмема).

В данном высказывании реализуется коммуникемно-прагмемный смысл *предвкушение*. Подобная характеристика встречается и в удмуртских высказываниях:

Григорий Петрович, эн оше ни сое отчы. Выльысь гожтэлэ списокез. Пумаз со фамилиез пыртытэк. Али ***ик****! [Кибардина 2012: 34]. (Григорий Петрович, не вешайте его уже туда. Заново перепишите список. Не включая последней фамилии. Сейчас* ***же****!)*

Эмоциональная выразительность в данной коммуникативной ситуации проявляется благодаря усилительной частице **ик**; выражению: '*Али ик*!' (*Сейчас же*!); в грамматическом плане: глаголы '*ошылэмын*' (*вешать*), '*гожтын*ы' (*писать*) – в форме повелительного наклонения.

Коммуникемно-прагмемная структура высказывания выражена следующим образом: '*Я приказываю*' (иллокутема), '*выполнить мое поручение*' (пропозитема), '*это должно быть сделано немедленно*' (коммуникема+прагмема).

Таким образом, в данной речевой ситуации реализуется коммуникемно-прагмемный смысл *нетерпение*.

Проанализированные нами примеры коммуникативно-прагматической направленности 'требование/приказ' указывают на следующие особенности:

– характеризуют предложение в настойчивой, категорической форме;

– реализация коммуникативного акта происходит в официальном, деловом формате;

– проявление данного значения характерно при взаимодействии лиц с разным социальным статусом.

Перспективным представляется дальнейшее исследование рассмотренного материала, а именно дальнейший анализ речевых актов ‘требование/просьба’ и ‘требование/призыв’.

Литература

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А.Ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

К проблеме отбора содержания обучения языковым средствам выражения побудительности студентов-международников / И.С.Кашенкова // Вестник Бурятского государственного университета. Серия ˝Теория и методика обучения гуманитарным наукам˝. – 2010. – №15. – С.185–190.

Кибардина Т.М. Средства выражения модальности в удмуртском языке: монография / Т.М.Кибардина. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2012. – 194 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова; Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. – М.: АзъLtd., 1992. – 960 с.

Ошанова Е.С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-когнитивной перспективы выказывания: дис. … канд. филол. наук / Е.С.Ошанова. – Москва, 2017. – 222 с.

Розенталь Д.Э. Словарь трудностей русского языка / Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. – М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998. – 576 с.

Пентковская Татьяна Викторовна
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
УДК 8; 81-26: 347.78.034

Коран в печатном издании 1716 года: первоначальный перевод и редактура

Петровская эпоха, Коран, перевод-подстрочник, черновик, беловик, печатный текст

Первый перевод Корана, выполненный с французского оригинала Дю Рие, сохранился в нескольких источниках: в виде 15 экземпляров окончательного печатного текста 1716 г., печатного корректурного экземпляра с исправлениями Михаила Волкова и Ивана Кременецкого РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) и наборной рукописи РГАДА, ф. 381 № 1034, отражающей редакторскую работу тех же лиц [Круминг 1994: 231–236]. Некоторые аспекты этой редакторской правки уже были охарактеризованы исследователями, которые констатировали, что исправления вносились без привлечения французского текста и имели по преимуществу стилистическую направленность [Круминг 1994: 233; Запольская 2002; Пентковская 2020: 49–50]. Однако до настоящего времени отсутствует развернутое описание языка самого переводчика, оставшегося анонимным, за исключением констатации нескольких ярких ошибок, им допущенных [Круминг 1994: 233].

Задача нашего исследования – проследить характер отношения переводчика к своему оригиналу, сопоставляя три источника: рукопись РГАДА, ф. 381 № 1034, корректурный экземпляр РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) и экземпляр тиража РГБ, МК Си-2° / 16-К.

Во многих случаях внесенные справщиками варианты приводят к увеличению формального, а в некоторых случаях и смыслового расхождения с оригиналом: РГАДА, ф. 381 № 1034 (здесь курсивом выделяются элементы, вставленные в рукопись справщиками.) Захария ра^{б} Г^{с}да твоего воспомянꙋ ѡ мл^{с}ти его, ~~когда о~~^{н} *и* м҃ли^{л}ся та^{и}но Г^{с}дꙋ своем҃ꙋ ~~ї рече~~ *гл҃я* ~~мое~~ одебелѣли ~~сꙋть~~ мои ꙋды (л. 191 об.) → РГБ, МК Си-2° / 16-К Захарїя рабъ Господа твоего воспомяну о мїлости его, и молїлся таїно господу своему. глаголя: одебелѣли мои уды (с. 171) – Zacharie serviteur de ton Seigneur, s’est souvenu de sa grace, quand il a prié secretement son Seigneur & a dit, Seigneur, mes os sont devenus foibles (237). Вычеркнутые справщиками элементы имеют формальное соответствие во французской фразе: когда: и quand; он: отс. il; одебелѣли **сꙋть**: одебелѣли **sont** devenus.

Іх **веревки** І же^{з}лы поднялися противꙋ моисея, [+ *по*] Іхъ волше^{б}ства [а испр. на ꙋ]. І идоста в пꙋть непрямо. Моісей **рече потихꙋ**. рекоста ~~імъ~~ емꙋ небо^{и}ся ничего ты бꙋдеши **побѣдителнѣ^{и}шиі** (л. 204) → ихъ жезлы **обратїлїся въ smїи** и поднялїся протїву моѵсея, по ихъ волшебству. и идоста въ путь непрямо. моѵсеи **нача глаголати уныло**. **рекохомъ** ему: не боїся нїчего ты, будеши **побѣдїтель** (с. 178) – leurs **cordes** &

leurs bâtons se sont élévés contre Moïse par leur magie, & ont cheminé; Moïse parloit **bas entre ses dents**, nous lui avons dit, Ne crains rien, tu seras **victorieux** (246). Варианты переводчика буквально повторяют чтения оригинала, ср. потихꙋ: уныло ‘печально’ bas entre ses dents ‘тихо сквозь зубы’; побѣдителнѣ^{и}ши: побѣдїтель victorieux ‘победоносный’. Особо следует отметить чтение **обратїлїся въ смїи** в печатном издании, которое отсутствовало среди исправлений, внесенных справщиками в беловик. Это изменение внесено лишь в корректурный печатный экземпляр. В нем же корректная форма мн.ч. *идоша*, которой в беловике соответствует дв.ч. *идоста*, снова исправлена на дв.ч. *идоста*.

Бг҃ъ **слышитъ** се что ~~речетъ~~ дѣлаетца нанебеси і на земли (210) → Богъ **вѣсть** все что дѣлается на небеси и на земли (с. 182) – Dieu **entend** tout ce **qu’on dit** au ciel & en la terre (л. 251). Этот случай показывает, что исправления могли вноситься уже на стадии переписывания из черновика в беловик, потому что новый вариант (дѣлаетца) написан в строке тем же почерком, что и основной текст, тогда как большинство исправлений все же пишется над зачеркнутым текстом между строками.

Правка возникает и тогда, когда синтаксис переводчика представляется редакторам упрощенным: Хвали Г^{с}да твоего даже когда солнце всходи^{т} и когда заходи^{т} (л. 209) → Хвали господа твоего во время восхожденїя и захожденїя солнца (с. 181) – loüe ton Seigneur avant que le Soleil se leve, avant qu’il se couche (251). Замена конструкции с личными формами глагола

на конструкции с отглагольными существительными не основана на чтении французского оригинала.

Отглагольные существительные заменяют конструкцию с личной формой глагола даже в том случае, когда она введена книжным союзом: азъ іхъ призовꙋ всѣхъ с лꙋкавствами і^{х} **дондеже трꙋба во^{3}гласитъ** ѡни бꙋдꙋтъ спрашивать ~~спросят~~ единъ дрꙋгого, колико времяни жили во свѣте: они бꙋдꙋтъ ґлголати что не были более ~~толко~~ десетеры сꙋтокъ (249) → азъ ихъ вопрошу во едїнъ день, прїзову всѣхъ съ лукавствами ихъ, возглашенїемъ трубы, тогда они будутъ вопрошать едїнъ другаго, колїко времяни жїли во свѣтѣ. и будутъ глаголати, что небыли болѣе десетерыхъ сутокъ (с. 180) – & je les assemblerai tous avec leurs finesses; lors-que la trompette sonnera ils demanderont les uns aux autres combien de temps ils ont demeuré dans le monde, ils diront qu’ils n’y ont demeuré que dix jours & dix nuits (249).

Стилистический характер правки, основанной на библейском узусе, хорошо виден в следующем примере: рече захария, Г^{с}ди даж^{д}ми како^{и} нибꙋ^{д} знакъ. **о тягости** жены моея (л. 192) → рече захарїа, господи даждь ми какои нїбудь знакъ, **о зачатїи младенца во утробѣ** жены моея (с. 172) – il a dit, Seigneur, donne moi quelque signe **de la grossesse** de ma femme (237).

Исправления, внесенные справщиками, не только приближают написанное к библейскому узусу, но благодаря внесению новых деталей создают фактически иной текст: когда онъ приіде к нимъ, рече ~~о моіс~~ ѡ моисее. азъ е^{с}мъ Г^{с}дь твои сымите

~~вїши~~ свое обꙋвалище ты есть первы о^{т} слꙋгъ твоих. азъ тя і^{з}брахъ ме^{ж}дꙋ народо^{м} мои^{м} (л. 200-200 об.) → **егда** онъ **прїблїжїся къ огню**, **гласъ бысть внезапу глаголющь**: моѵсее, о моѵсее! азъ есмь господь твои, **изуи сапогъ твои отъ ногу твою**, ты **бо** еси первыи отъ слугъ твоїхъ, азъ тя избрахъ между народомъ моїмъ (с. 176) – lors-qu'il s'en est aproché on lui a dit, O Moïse, je suis ton Seigneur, dechausse tes souliers, ***tu és en la sainte valée du Toï***, je t'ai élu entre mon peuple (243).

Однако и переводчик, судя по всему, допускает здесь ошибку, связанную с незнанием реалии, ср. 20:12 ″Скинь же свою обувь, ибо ты находишься в священной долине Тува″ (перевод смыслов М.-Н.О.Османова)[1]. Вероятно, переводчик смешал лексемы *valée* 'долина' и *valet* 'слуга', а также не понял, что *Toï* – это не местоимение, а имя собственное[2].

Некоторые стилистические исправления направлены на устранение повтора: Бгъ ꙋмножитъ вѣрꙋ тѣмъ которые послѣдꙋютъ правымъ пꙋтемъ ї которые были послꙋшны возвеселятся в мл^{с}ти его (л. 197) → Богъ умножїтъ вѣру тѣмъ, которые послѣдуютъ правымъ путемъ. иже бо быша послушни, возвеселятся въ мїлости его (с. 174) – Dieu augmentera la foi de ceux qui suivront le droit chemin, & ceux qui lui seront obéïssans

[1] https://quran.com.ua/meal/osmanov/20. Арабский текст см.: https://quran12-21.org/en/surahs/s20. Дата обращения 10.10.2021.

[2] О долине Тува см.: https://ru.quranacademy.org/encyclopedia/article/Tuwa.

joüiront de sa grace (241). Однородные союзные слова *которые… и которые* заменяются на *которые… иже бо*, при этом во фразе возникают подчинительные отношения. Здесь же имеется и правка окончания ы→и, обусловленная, по всей вероятности, обращением к грамматике: им.п. мн.ч. м.р. послꙋшны → послушни.

Буквально следует за оригиналом переводчик при передаче ограничительной конструкции. Редактура отражает попытку сгладить этот буквализм с помощью вставки дополнительных слов во фразу: Мы не послали прежде тебе токмо члѣвкъ которые імѣли повелѣние о^{т} на^{с} спросити, о^{т} ни^{х} кому дано пре^{ж}де сего знание закона (л. 210) → Мы не послали прежде тебе **иного кого**, токмо человѣкъ имѣющїхъ повелѣнїе отъ насъ, спросїти у нїхъ, кому дано прежде сего знанїе закона (с. 182) – nous n’avons envoié auparavant toi que des hommes qui ont été inspirés de nous; demandez-le à ceux à qui a été ci-devant la science de la loi écrite (252). Здесь же видно, что приведение текста к более книжному виду включает в себя замену придаточного предложения на причастную конструкцию (при том что сам переводчик не чуждался действительных причастий, но использовал их намного реже, чем справщики): которые імѣли повелѣние → имѣющїхъ повелѣнїе.

Таким образом, можно выделить несколько этапов исправления первоначального перевода: 1. отдельные замены могли быть сделаны при переписывании текста с черновика на беловик; 2. в беловике была проведена сплошная редактура

текста; 3. точечная редактура (наряду с корректорскими исправлениями) вносилась в корректурный печатный экземпляр. Результат этих последовательных правок отражен в тиражированном печатном тексте. Выявление первоначальных чтений показывает, что архетип перевода представлял собой необработанный перевод-подстрочник, и, по всей вероятности, редактура этого перевода опытными справщиками была предусмотрена заранее.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42009 ˝Перевод Корана Петровской эпохи˝.

Литература

Запольская Н.Н. Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) / Н.Н.Запольская // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. – М., 2002. – С.422–447.

Круминг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом / А.А.Круминг // Архив русской истории. – М., 1994. – Вып. 5. – С.227–239.

Пентковская Т.В. К проблематике изучения русского печатного перевода Корана 1716 г. / Т.В.Пентковская // Stephanos. – 2020. – №6 (44). – С.43–52.

Пенькова Яна Андреевна
Институт русского языка имени В.В.Виноградова
Российской академии наук
УДК 811.161.1

Конструкции с инхоативами в среднерусской письменности и их распределение в регистрах письменного языка

фазовые глаголы, инхоативность, референция к будущему, аналитическое будущее, регистры письменного языка, корпусная лингвистика

Настоящая работа посвящена исследованию различий между конструкциями со вспомогательными глаголами, имеющими инхоативную семантику, в среднерусской письменности. К числу исследуемых принадлежат инфинитивные конструкции с глаголами НАЧАТИ, ПОЧАТИ, УЧАТИ, СТАТИ. Эти глаголы в сочетании с инфинитивом могут употребляться в презенсе или в прошедшем времени (НАЧАТИ и ПОЧАТИ также могут иметь форму причастия, инфинитива и императива).

В данной работе мы сознательно ограничиваем себя только конструкциями с формами презенса (обоснование такого подхода дано в [Пенькова 2019]). Кроме того, фазовой семантикой обладают также конструкции ИМУ + инфинитив и — в ряде употреблений — конструкции БУДУ + инфинитив. По этой причине мы также включили их в число исследуемых.

Конструкции с НАЧАТИ и ПОЧАТИ на материале древнерусского языка подробно исследованы в работах И.С.Юрьевой (см. [Юрьева 2021] и другие более ранние работы), конструкции с ИМУ — М.Н.Шевелевой [Шевелева 2021], тогда как среднерусский период (XV–XVII вв.) в этом отношении изучен наименее подробно.

Различия между конструкциями с инхоативами можно искать в различной частотности, в склонности к тем или иным типам гипотаксиса (об этих параметрах см. [Пенькова 2019]), в семантике и сочетаемости, что должно стать предметом отдельного исследования, а также в их региональной и жанрово-стилистической специфике. Данная работа посвящена последнему аспекту их употребления.

Некоторые важные наблюдения над стилистическими особенностями различных конструкций содержит статья А.М.Молдована [Молдован 2010]. Исследователь показывает, что в памятниках до XVI–XVII вв. НАЧАТИ является книжным аналогом ПОЧАТИ, употребляясь в церковнославянских текстах, тогда как последний специализируется на гибридных и деловых памятниках, в которых изредка также представлен глагол СТАТИ. Место глагола УЧАТИ в этой системе исследователь не определяет.

Попытаемся верифицировать эти представления на материале корпуса источников XVI в. для инхоативных конструкций со вспомогательным глаголом в презенсе, которые мы рас-

сматриваем как самостоятельную систему конкурирующих форм.

Материалом исследования послужил старорусский корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в объеме текстов XVI в. Выбор именно этого хронологического периода не случаен. Именно с XVI в. в письменности появляются конструкции СТАНУ + инфинитив и БУДУ + инфинитив, а УЧНУ + инфинитив начинает употребляться значительно шире, чем в предыдущий период. В это же время в письменности еще фиксируются конструкции ПОЧНУ + инфинитив и ИМУ + инфинитив, которые в источниках XVII в. почти не встречаются [Пенькова 2019], сохраняясь только в диалектном языке [Шевелева 2021].

Наша выборка содержит 330 контекстов, в число которых входят все представленные в корпусе контексты с ПОЧНУ + инфинитив, НАЧНУ + инфинитив, ИМУ + инфинитив и СТАНУ + инфинитив, а также 100 примеров с конструкцией УЧНУ + инфинитив, гораздо более частотной. Ограниченное количество примеров с УЧНУ объясняется тем, что их число должно быть, с одной стороны, достаточным, а с другой — сопоставимым с количеством примеров для других конструкций, которое для разных перифрастических форм колеблется в пределах от 20 до 60.

Отобрав контексты из корпуса, мы классифицировали их в соответствии с регистром, к которому принадлежит соответствующий источник. Мы придерживались классификации, принятой В.М.Живовым, который разграничивает церковнославянский, гибридный, деловой и бытовой регистры [Живов 2017].

Для XVI в. мы имеем чрезвычайно мало собственно бытовых текстов в корпусе, поэтому этот регистр мы не включаем в подсчеты.

Приведем данные по распределению конструкций в зависимости от принадлежности источника тому или иному регистру в таблице.

Таблица 1. Конструкции с инхоативами в текстах разных регистров

Конструкция	Церковно-славянский регистр	Гибридный Регистр	Деловой Регистр	Всего
ИМУ + инфинитив	1	15	8	24
НАЧНУ + инфинитив	**14**	**55**	1	70
ПОЧНУ + инфинитив	–	6	**17**	**23**
УЧНУ + инфинитив	1	29	**70**	**100**
СТАНУ + инфинитив	–	11	**48**	**59**
БУДУ + инфинитив	–	**43**	11	54

Распределение в таблице, согласно chi-square test, значимо (the p-value is < 0.00001).

Как показывают данные таблицы, для церковнославянских текстов использовалась практически исключительно конструкция НАЧНУ + инфинитив, что подтверждает наблюдение А.М.Молдована (см. выше). ИМУ-конструкция встретилась в таких текстах лишь один раз — в значении, характерном для перифразы с ИМАМЬ (об аттракции между этими глаголами см. [Юрьева 2011]). Единожды встретилась и конструкция с глаголом УЧНУ, ср.:

(1) Бысть глас во снѣ игуменье… Марье, дабы повелѣла бѣсную къ чюдотворному образу прикладывати… егда **учнет** бѣс **томити** ея. [Гермоген, патриарх. Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы (1594)][1]

Для гибридного регистра наиболее частотной конструкцией также является НАЧНУ + инфинитив, тогда как в деловых текстах она практически не встречается.

(2) Спогребохомся убо с нимъ крещениемъ въ смерть, да, яко воста Христос от мертвых… тако и мы во обновлени<и> жизни **ходити начнемъ**. [Иван Грозный. Ответ Яну Роките (1570)]

Конструкция с БУДУ в XVI в. также тяготеет к текстам гибридного регистра (3), хотя спорадически встречается и в деловых (4):

(3) Наипаче же свободу сынови твоему от ординьских царей приати от Бога испрошу… еще же… възвысити десницу

[1] Здесь и далее примеры приводятся в соответствии с НКРЯ.

сына Твоего над всѣми… аще благочестивѣ поживет и тихима очима владомыя **смотрѣти будеть**. [Повесть об Ионе, архиепископе новгородском (1495-1505)]

(4) А кто де в той деревне и в полуселце… **будут жить** людей, и с них ни в какие розметы с черными людми тягла не имать. [Жалованная грамота в. кн. Ивана Васильевича попу церкви Николы чудотворца в Ростове на церковную вотчину, с подтверждениями 1551-1599]

Конструкция ПОЧНУ + инфинитив редка в письменности и встречается преимущественно в деловых текстах (6) и изредка в памятниках гибридного регистра (5):

(5) А что им Псков съ челобитием **почнет** на вече поминкы котории **давати**, а тѣхъ не приимають. [Псковская 3-я летопись: Строевский список (1400-1568)]

(6) Велѣти житницы дѣлати плотникомъ въ ту же пору тотчасъ, какъ городъ **почнутъ дѣлать**. [Наказ князю Петру Горчакову, посланному в сибирские города с разными запасами и для устройства тамошних дел (1593-1595)]

Конструкция ИМУ + инфинитив также редка в письменности, традиция ее употребления в деловых текстах, где она была широко представлена в более ранний период, угасает. В XVI в. она вытесняется, прежде всего, конструкциями с УЧНУ. Для делового регистра наиболее характерны именно последние (их частотность будет существенно выше, если мы будем учитывать все контексты в корпусе):

(7) А **учнут** чюжой запас, соль и иной которой товар нибуди, за свой запас **привозить** и у себя на дворе **ставити** и **продавати**… и таможники наши, уличив их, тамгу на них емлют. [Жалованная тарханная грамота в. кн. Василия Ивановича Иос.-Вол. монастыря иг. Даниилу на двор в с. Дегунине (1517.12.19)]

Таким образом, в XVI в. конструкция НАЧНУ + инфинитив является маркером книжной письменности, она же преобладает в гибридном регистре, но не характерна для делового. УЧНУ + инфинитив преобладает в деловом регистре, однако возможна и в гибридном. Конструкции со СТАНУ и ПОЧНУ чаще встречаются в деловой письменности и довольно редки в гибридных текстах. Во всех случаях они уступают в частотности другим конструкциям. Для БУДУ + инфинитив и ИМУ + инфинитив ситуация обратная: эти конструкции в письменности XVI в. тяготеют к гибридному регистру и редки в деловой письменности.

Эта ситуация лишь отчасти совпадает с той, которую описывает А.М. Молдован, — видимо, потому, что из рассмотрения исключены примеры с вспомогательными глаголами в прошедшем времени. Наша таблица показывает, что для системы с инхоативами в презенсе распределение было не вполне таким, как для системы с фазовыми глаголами в прошедшем времени. В XVI в. конструкции с ПОЧНУ не были в этой системе некнижным соответствием конструкций с НАЧНУ. Эту роль выполняли конструкции с УЧНУ или СТАНУ.

Литература

Молдован А.М. К истории фазового глагола *стать* в русском языке / А.М.Молдован // Русский язык в научном освещении. – 2010. – №19(1). – С.5–17.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения 16.10.2021)

Пенькова Я.А. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. – 2019. – Vol. 67, №4. – С.569–586.

Юрьева И.С. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / И.С.Юрьева; под ред. А.А.Пичхадзе. – СПб.: Нестор-История, 2020. – С.296–344.

Юрьева И.С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах / И.С.Юрьева // Русский язык в научном освещении. – 2011. – №2 (22). – С.68–88.

Шевелева М.Н. О глаголе ⍰ти и конструкциях *иму* + инфинитив по данным древнерусских памятников / М.Н.Шевелева // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: сборник статей к 70-летию академика А.М.Молдована / под ред. А.А.Пичхадзе и др. – М.; СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 31–50.

Петрова Анастасия Антоновна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81’33

Информационный потенциал словаря рифм поэзии Е.А.Баратынского

лингвография, абсолютная частота, относительная частота, идиолект

Одним из популярных видов языковых справочников являются авторские частотные словари. Количественные данные имеют возможность предоставить нужные и особо важные материалы, которые помогают изучать особенности языка писателя или поэта. Сопоставление количественных данных является важным источником для понимания и комплексного описания языка поэта.

Анализ стихотворных текстов Е.А.Баратынского позволил выделить следующий список лексем, которые наиболее часто употребляются Е.А.Баратынским. Всего в полной текстотеке Е.А.Баратынского используется 25738 лексем. Данные были выведены путем автоматизирования задачи подсчета частоты повторения с помощью мультипарадигмального языка программирования Python. Вследствие чего было выявлено, что самыми частотными лексемами в текстах Е.А.Баратынского являются служебные части речи. Сочинительный союз *И* встречается в текстотеке Е.А.Баратынского 1349 раз, предлог *В* –

1096 раз, отрицательная частица *НЕ* – 796 раз, личное местоимение *Я* – 743 раза.

Так как служебные части речи не имеют полноценного лексического значения, для нас в первую очередь интерес представляют полнозначные лексемы. Важно отметить, что для вывода итогового значения абсолютной частоты употребления тех или иных полнозначных лексем учитывалось суммарное значение всех падежных форм слова.

Среди наиболее часто встречающихся полнозначных лексем можно отметить существительное *ДУША*, суммарное значение частотности употребления которого в два раза превышает количество употреблений других полнозначных лексем в полной текстотеке Е.А.Баратынского. Абсолютная частота употребления существительного *ДУША* в разных падежных формах составляет 230. В позиции рифмы данное существительное встречается 55 раз.

Для нашего исследования в первую очередь важны лексемы, которые чаще всего встречаются в рифменной позиции, то есть в составе рифманта. Среди таких лексем было выявлено 4864 словарных единицы, входящих в состав 8577 рифмантов. Самую высокую степень частотности употребления среди лексических единиц в стихотворных текстах Е.А.Баратынского, находящихся в рифменной позиции, имеет личное местоимение *Я,* которое в составе рифманта встречается 78 раз из 743 раз общего количества употреблений. Среди них рифманты Я′ ← МОЯ′ встречаются 29 раз.

Кроме того, второй лексемой по частотности употребления в рифменной позиции является местоимение *ОНА* (75 раз в составе рифманта из 198 раз общего количества употреблений), а также формы местоимений Я и ОНА: *МОЕЙ* (55 раз из 101 раза), *НЕЙ* (44 раза из 131 раза).

Стоит учитывать, что подсчет количественного значения данных лексем, находящихся в рифменной позиции, был осуществлен на основе ˝Прямого словаря рифм Е.А.Баратынского˝, созданного совместно с доктором филологическим наук профессором К.Р.Галиуллиным.

В Таблице 1 рассмотрены наиболее частотные полнозначные лексемы, употребляемые Е.А.Баратынским. Среди данных таблицы можно отметить такие единицы, как абсолютная и относительная частота слова в общем количестве употреблений в стихотворных текстах поэта, а также абсолютная и относительная частота употребления тех же лексем, находящихся в рифменной позиции. Относительная частота употребления лексемы в рифменной позиции высчитывается по следующей формуле: ОЧ = АЧ х 100 / Σ, где Σ – общая совокупность рифмантов.

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что лексический состав поэтического языка Е.А.Баратынского имеет свои уникальные особенности.

Из 30 самых частотных лексем, встречающихся в поэзии Е.А.Баратынского, 29 встречаются в сильной позиции, то есть в позиции рифмы.

Таблица 1. Частотные полнозначные лексемы в языке Е.А.Баратынского

Слово	Абсолютная частота слова	Абсолютная частота слова в рифменной позиции	Относительная частота слова	Относительная частота слова в рифменной позиции
Душа	230	55	4,728	1,1307
Сердце	151	5	3,104	0,1027
Друг	142	37	2,919	0,9575
Любовь	133	31	2,734	0,6373
День	129	68	2,652	1,398
Милый	111	3	2,282	0,00000617
Судьба	95	25	1,953	0,5139
Рука	92	38	1,891	0,7812
Жизнь	90	0	1,8503	0
Свет	87	38	1,788	0,7812
Мечта	83	26	1,706	0,5345
Взор	80	23	1,644	0,4728
Лицо	73	28	1,5008	0,5139
Очи	69	45	1,418	0,9251
Сон	62	33	1,274	0,6784
Вера	59	8	1,212	0,1644
Счастье	57	23	1,171	0,4728
Цветок	54	35	1,112	0,7195
Счастливый	52	5	1,069	0,1027
Чувство	51	8	1,048	0,1644
Глаз	49	19	1,007	0,3906
Поэт	47	25	0,966	0,5139
Земля	46	11	0,945	0,2261
Слово	45	17	0,925	0,3495
Радость	44	10	0,904	0,2055
Красота	41	30	0,842	0,6167
Страсть	41	20	0,842	0,4111
Небо	39	2	0,801	0,0411
Небеса	39	28	0,801	0,5756

Лишь одна лексическая единица, слово *ЖИЗНЬ*, ни разу не используется в рифменной паре с другой лексемой, несмотря на высокое значение абсолютной частоты употребления, в сравнении с другими рассмотренными лексемами. Важно отметить то, что показатель абсолютной частоты употребления общего состава лексических единиц и показатели абсолютной частоты употребления тех же лексем в рифменной позиции не имеют прямой взаимосвязи. Например, лексема *СЕРДЦЕ* занимает вторую позицию по количеству абсолютного числа употреблений в полной текстотеке поэта, но в рифменной позиции встречается всего 5 раз, что является показателем ниже среднего среди других рассмотренных лексем.

Важно отметить те лексемы, которые занимают лидирующие позиции в частотном словаре, так как именно данные лексемы являются ключевыми показателями поэтического идиолекта Е.А.Баратынского. Это такие словарные единицы, как *ДУША*, *СЕРДЦЕ*, *ДРУГ*, *ЛЮБОВЬ* и *ДЕНЬ*.

Стоит отметить, что среди данных лексем в сильной позиции рифмы чаще встречаются лексемы *ДУША* и *ДЕНЬ,* а лексема *СЕРДЦЕ* почти не встречается в сильной рифменной позиции, несмотря на то, что это является определяющим для любого поэтического текста. Указанный факт связан с тем, что для поэтов начала XIX века характерно было использование точной рифмы, при таком параметре в русском языке нет лексем, которые рифмуются с лексической единицей *СЕРДЦЕ*. При анализе существующих рифмантов по тем же параметрам сре-

ди наиболее частотных лексем в текстотеке Е.А.Баратынского можно вывести следующие показатели: у слова *ДУША* в русском языке имеется 88 точных рифмантов, а у слова *ДЕНЬ* – 17 (при учете лишь начальных форм данных слов).

Таким образом, можно сделать вывод, что существует прямая взаимосвязь между частотными показателями употребления тех или иных рифмантов в стихотворных текстах поэта и динамикой общего развития языка, а также ˝модных˝ языковых тенденций времени.

Исследование выполняется в рамках разрабатываемого в настоящее время в Казанском федеральном университете направления, посвященного словарному описанию языка поэтов первой половины XIX века. Среди писательских словарей особое место занимают справочники рифм, которые являются важным источником для изучения поэтического языка.

Литература

Галиуллин К.Р. Компьютерный фонд произведений Е.Боратынского как источник изучения идиолекта поэта [Текст] / К.Р.Галиуллин, Р.Н.Каримуллина // Слово и мысль Е.А.Боратынского. – Казань, 2000. – С. 106–108.

Галиуллин К.Р. Словарное описание поэтического языка: справочник рифм / К.Р.Галиуллин, Р.Н.Каримуллина, Л.С.Мингазова // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: Сб. матер. Междунар. тюркологической конф. (21-24 окт. 2011 г.).– Казань: Отечество, 2011.– С.129-132.

Михеев М.Ю. Статистический пробег по метафизическим константам: к созданию тезауруса языка писателя [Текст] / М.Ю.Михеев // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М., 2003. – С.560–571.

Попов Михаил Борисович
Санкт-Петербургский государственный университет
УДК 811.161.1

Отражалось ли дифтонгическое или монофтонгическое произношение ятя в древнерусских рукописях?

древнерусский язык, историческая диалектология, историческая фонетика, ять, берестяные грамоты, севернорусские говоры

Историков русского языка традиционно интересовало, каким звуком в раннем древнерусском языке реализовалась фонема /ě/. С конца XIX в. существовали две конкурирующие реконструкции: ˝монофтонгическая˝ (ѣ = [ē] или [ê]) [Соболевский 1884: 80–81; 1907: 40] и ˝дифтонгическая˝ (ѣ = [i͡e]) [Шахматов 1886: 136–137; 1915: 10–12, 113–115].

Аргументы в пользу обеих точек зрения имеют косвенный характер, хотя бремя доказательств лежало в основном на сторонниках дифтонгической гипотезы.

Ее критика А.И.Соболевским и А.М.Селищевым [Селищев 1968: 175–176] сохраняет свою силу до сих пор, особенно в той части, которая касается характерного для Шахматова и его школы переноса современных диалектных явлений в глубокое прошлое. А.М.Селищев в полемике с Н.Н.Дурново (и косвенно с Шахматовым) [Селищев 1968: 176] выдвинул еще одно возражение против дифтонгической гипотезы: в древнерусских па-

мятниках нет написаний типа **иє** вм. **ѣ**, встречающихся сербохорватских рукописях и якобы отражающих произношение *ѣ* как дифтонга [i͡e]. Это возражение предполагает принципиальную возможность отражения такого произношения фонемы /ě/ на письме, будто бы реализованного в сербских памятниках. Однако этот аргумент бьет мимо цели, т.к. написание **иє** вм. **ѣ** передает не дифтонгическое произношение древнесербохорватского /ě/, а результат фонологического изменения /ě/ > /ije/ (или /je/) в ряде сербохорватских говоров. Ю. В. Шевелев одним из весьма скудных свидетельств дифтонгического произношения /ě/ считал создание древнерусскими писцами буквы **ꙗѣ** для передачи начального [jě-] (ср. **ꙗѣсти**, **ꙗѣда** в Изб. Св. 1073 г. и Изб. 1076 г.), выдвигая при этом довольно сложно устроенную гипотезу преобразований ятя в протоукраинских говорах [Shevelov 1979: 194], которая, впрочем, не объясняет, почему в памятниках [jė-] регулярно обозначается буквами **є**/**ю**, а не **ѣ**.

Возникает вопрос, могли ли писцы отражать дифтонгическое или монофтонгическое произношение /ě/, и шире – возможна ли передача аллофонных различий на письме в принципе?

Что касается самого А.А.Шахматова, то он, будучи прекрасным знатоком древних рукописей, каких-либо графико-орфографических фактов, прямо указывающих на дифтонгическое произношение /ě/, в них не находил и никаких аргументов

такого рода в пользу дифтонгической гипотезы не выдвигал. Не являясь фонологом в современном смысле слова и будучи склонным к излишней детализации в историко-фонетических реконструкциях, он вместе с тем интуитивно понимал, что *аллофонные* различия, в отличие от фонемных, не осознаются носителями языка и поэтому не могут быть переданы на письме. Таким образом, его реконструкция произношения /ě/ всецело опиралась на данные современных говоров, а не на материал памятников письменности. Отношение Шахматова к орфографии рукописей как источнику фонетической реконструкции была очень осторожной.

Некоторые исследователи пошли дальше А.А.Шахматова в поисках отражения дифтонгического произношения ятя в рукописях. Так, В.В.Виноградов утверждал: ˝писцы могли пользоваться лишь 3 буквами для их (оттенков звука *ѣ* – *М. П.*) изображения – *ѣ*, *и*, *е*. При этом, помимо влияния традиционной орфографии, заключениям о фонетике народного говора мешает разнообразие фонетических ассоциаций, которые все вели к одной букве: буква *и* могла передавать и звук *и*, и дифтонг *i͡e* ꙋ, и *i̯͡e*, и i^e, и даже *ê*; буква *ѣ* – скрывала и дифтонг *i͡e*, и *ê*, и даже i^e; буква *е* – звук *е*, и *ê*, и даже, может быть, в некоторых случаях *i͡e*˝ [Виноградов 1922: 169].

С таким подходом к фонетической расшифровке письменных памятников нельзя согласиться, если учесть современные представления диахронической фонологии о передаче фонем средствами графики: 1) на письме передаются только фонем-

ные различия; 2) аллофонные различия (и изменения) на письме не отражаются.

Многие лингвисты в теории согласны с этими положениями, но в исследовательской практике не всегда ими руководствуются. Не удивительно, впрочем, что В.В.Виноградов, целиком разделяя гипотезу А.А.Шахматова и целенаправленно пытаясь найти в севернорусских рукописях XIII–XVI вв. следы прямой передачи дифтонгического произношения ятя, так их и не нашел. Эволюцию дифтонгического ятя в севернорусском наречии он рассматривает как процесс его монофтонгизации в одних говорах в [i] или [ê] (˝не ранее второй половины XII века˝) с последующим изменением [ê] в [е], при возможности сохранения ѣ (= [i͡e]) в части говоров.

Иной подход к эволюции ятя демонстрирует К.В.Горшкова, считавшая, что общевосточнославянский ять был монофтонгом верхнесреднего подъема (˝напряженным˝), который она обозначает как [ê] (или с учетом долготы – [ê:]). Такое произношение сохранилось в ростово-суздальском диалекте, где позднее [ê] непосредственно изменился в [е]. Для древненовгородского диалекта Горшкова реконструирует дифтонгизацию ятя ([ê:] > [и□еы]), которую она по рукописям с заменой ѣ на и датирует XV в. [Горшкова: 109]. Из этого следует, что орфография этих рукописей отражает аллофонное изменение. Это противоречит не только фонологической теории и современным представлениям об отражении звуковых изменений в памятниках, но и то-

му, что пишет сама Горшкова в теоретических разделах своей работы [Горшкова: 28, 54]. Доступный в настоящее время корпус берестяных грамот не подтверждает ни датировок перехода /ê/ > /i/, на которые ориентировалась К.В.Горшкова, ни сомнений в том, что орфография грамот отражает постепенное распространение этого фонетического изменения. Самые ранние новгородские берестяные грамоты с **и** вм. **ѣ** относятся уже ко 2-й пол. XII в.: № 810, 3-я четв. XII в.: **дви осмини, ризано** < **дъвѣ осминѣ, рѣзанъ**; № 919, 2-я пол. XII в.: : **вї: гривьни** < [= *дъвъ на десяте*] **гривьнѣ** (И. дв.), но здесь же и **є** вм. **ѣ** – **ѵ Глєбьцѫ** < **ѵ Глѣбьца**; № 1072, кон. XII – 1-я пол. XIII в.: **Тимоци, полѵтори, дви** < **Тимошькѣ** (Д. ед.), **полъ въторѣ, дъвѣ**. До середины XIII в. такие написания редки и представлены главным образом в ауслауте. Учитывая, что резкий их рост происходит с нач. XIV в., а со 2-й трети XIV в. выходит на плато (см. диаграмму в [Зализняк 2004: 26]), можно утверждать, что в XIV в. уже многие новгородские говоры пережили или переживали изменение /ê/ > /i/. Таким образом, нет оснований полагать, что написание **и** вм. **ѣ** передавало в древненовгородских текстах дифтонгическое произношение фонемы /ê/ в говоре их писцов, а не изменение /ê/ > /i/.

Недавно А.А.Гиппиус обнаружил в берестяной грамоте № 1132, датируемой 3-й четв. XIV в., написание, которое он интерпретировал как непосредственное отражение дифтонгиче-

ской реализации ятя в древненовгородском диалекте [Гиппиус 2020]. Грамота целиком не сохранилась, но интересующий нас фрагмент удовлетворительно прочитан Гиппиусом: … **ци поидеть рать ꙁа волокъ цто бы вѣѥстᵏа была нап[с](ана)**… ‘… чтобы известили (нас), пойдет ли войско за Волок…’. Его гипотеза состоит в том, что написание **ѣѥ** вм. **ѣ** в **вѣѥстᵏа** (или с учетом исправления писца **вьѥстᵏа**) ‘весточка’ (< др.-р. **вѣстъка**) указывает на произношение ятя как как дифтонга [ie]. Если Гиппиус прав, то данная грамота представляет действительно первое и пока единственное в древнерусской письменности непосредственное отражение дифтонгической реализации фонемы ять.

Однако с такой интерпретацией написания **вѣѥстᵏа/вьѥстᵏа** нельзя согласиться. Главное возражение состоит в том, что когда говорят о дифтонгическом произношении ятя, имеют в виду фонетическую реализацию гласной монофонемы /ě/, а не бифонемных сочетаний /ie/ или /je/, которые теоретически действительно могли бы передаваться адекватнофонемными написаниями типа **виѥстка**, **віѥстка**, **вьѥстка** и под. В данном же случае речь идет об аллофонном варьировании цельной фонемы /ě/, поэтому все высказанные выше аргументы против возможности передачи на письме аллофонных различий и аллофонных изменений остаются в силе. Если же **вьѥстка** написал носитель новгородского говора и при этом передал свое диалектное произношение /v’jestka/ ([je] – один из предполага-

емых Гиппиусом вариантов реализации ятя), это означает, что в говоре писца произошло изменение /ê/ > /je/ (т. е. бифонемизация гласной фонемы /ê/). Теоретически это вполне возможно (ср. рефлексы *ě в сербохорватском), но русских говоров такими рефлексами ятя не обнаружено. Таким образом, написанию **вьѥстᵏа/вѣѥстᵏа**, как представляется, нужно искать какое-то другое объяснение.

Тем не менее возможна интерпретация, которая позволит сохранить гипотезу об отражении в **вьѥстᵏа/вѣѥстᵏа** дифтонгического ятя и при этом не будет противоречить общим соображениям. Предположим, что наш писец – носитель новгородского говора, где /ě/ перешел в /e/ перед твердыми согласными и в /i/ перед мягкими (говор А), т. е. в его системе сосуществуют /v'ist'/ (*вѣсть*), но /v'estka/ (*вѣстка*)[1]. Он находится в контакте с носителями другого новгородского говора (говор В), в котором /ě/ еще сохраняется как фонема, реализуясь дифтонгом [i͡e]. В таком случае ˝наш˝ писец (говор А), пропуская произношение [v'i͡estka] говора В через свое фонологическое ˝сито˝, воспринимает такое произношение говора В как /v'jestka/ и соответственно записывает его как **вьѥстка**. Но и при такой интерпретации, соответствующей принципам, изложенным в первой части статьи, писец грамоты № 1132 отра-

[1] Такой говор, например, отражен в Вологодском евангелии XVI в.: ср. *в**е**ровати*, *св**е**тъ*, *нев**е**ста*, и мн. др., но *в**и**ренъ*, *св**и**тить*, *возв**и**стить* и мн. др. [Васильев 1907: 256–277].

жает не свое произношение ятя, а инодиалектное, косвенно указывая тем самым, впрочем, на существование новгородского говора с дифтонгическим произношением ятя. Подчеркну, впрочем, что предложенная гипотеза, маловероятна, хотя теоретически и допустима.

Литература

Васильев Л.Л. Вологодское евангелие XVI века / Л.Л.Васильев // Русский филологический вестник. – 1907. – Т.57. – №1–2. – С.241–281.

Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии / В.В.Виноградов // ИОРЯС. – 1919. – Т.XXIV. Кн. 1-я. – Пг., 1922. – С.150–245.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. / А.А.Гиппиус // Онлайн-лекция 07.12.2020 (см. 02:07:00 – 02:17:40) https://www.youtube.com/watch?v=MAszi8shmvU&feature=youtu.be

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Селищев А.М. [рец.:] Н.Н.Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924 / А.М.Селищев // Селищев А.М. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С.163–188.

Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка / А.И.Соболевский. – Киев, 1884. – 247 с.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / А.И.Соболевский. – 4-е изд. – Москва, 1907. – 299 с.

Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Отдельный оттиск из первого тома ˝Исследований по русскому языку˝ / А.А.Шахматов. – СПб., 1886. – С.131–285.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А.Шахматов. – Петроград, 1915. – 369 с.

Shevelov G.Y. A historical phonology of the Ukrainian language / *G.Y.Shevelov*. – Heidelberg: Winter, 1979. – 809 p.

Степанова Ландыш Равилевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81-115

Видовременные формы глаголов наименования технологических операций в кулинарных рецептах

кулинарный рецепт, русский язык, английский язык, вид глагола, инструктивный блок

В настоящей работе рассматривается употребление видовременных форм глаголов, выражающих наименования кулинарных действий, в инструктивной части рецепта.

Для начала отметим, что структура кулинарного рецепта в поваренных книгах стереотипна. Согласно П.П.Бурковой, его обязательными составляющими являются интродуктивный, инструктивный и заключительный блоки [Буркова 2004: 61]. Анализируемый нами предмет исследования реализуется во втором блоке, где адресату нужно выполнять технологические операции согласно алгоритму, заданному адресантом.

Источником материала для анализа послужили поваренные книги на русском и английском языках 1866 и 1861 гг. соответственно, это – ˝Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве˝ Е.И.Молоховец и “The Book of Household Management” И.М.Битон.

Стоит учесть, что при цитировании рецептов сохранилась пунктуация и стилистика текста, а в примерах на русском языке

осуществлена замена некоторых букв на современные эквиваленты: 'Ѣ' заменена на 'е', 'і' – на 'и'.

Анализ исследуемого нами материала показал, что предписывающий характер кулинарных рецептов обусловливает использование в них двух средств выражения побудительности, инфинитива в русском и императива в английском языке.

Глагольный вид в русском языке – регулярная и обязательная категория, которая выражается во всех глагольных формах и воплощается в двух вариантах: несовершенный (НСВ) или совершенный (СВ). Важной особенностью в образовании грамматических форм СВ и НСВ выступает взаимообусловленность морфологии и словообразования.

В отличие от русского языка, большинство глаголов в английском языке легко переходит из одного класса аспектуального значения в другой при помощи грамматических средств, так как временное значение тесно взаимодействует с видовым. По этой причине в отношении категориального значения английских глаголов большинство лингвистов согласно с употреблением термина ˝видовременная форма˝, которую в совокупности составляют грамматические категории времени, вида и перфектности, где вид представлен формами Common/Simple (общий/простой) и Continuous/Progressive (длительный), а категория временной отнесенности (перфектность) – Perfect (перфект) и Non-Perfect (неперфект) [Шейфель 2012: 159].

В приведенном ниже примере из ˝Подарка молодым хозяйкам…˝ видим, что однородные члены предложения, объ-

единенные определенной семантической последовательностью в единый текст, выражены инфинитивами СВ:

″2½ стак. смоленскихъ крупъ *перетереть* 2 яйцами, *высушить*, *просеять* сквозь друшлакъ, *смешать* съ 2½ стак. самой свежей сметаны ¼ – ½ стак. мелкаго сахара, чайною ложкою корицы, ½ или 1 стак. обваренной и вытертой коринки, *вставить* въ печь″ [Молоховец 1866: 311].

Задачей приведенных выше глаголов выступает указание на выполнение адресатом конкретных действий согласно приведенному порядку, при котором каждое кулинарное действие ″создает условия″ для следующего за ним указания.

Похожее наблюдение обнаруживается и в следующем примере, кроме употребления в конце предложения инфинитива НСВ, который обозначает действие, ограниченное временем приготовления, ср.:

″4 Фунта говядины хорошенько перемыть въ теплой воде, налить холодною, *варить* на легком огне, снимая накипь *впродолжение двухъ часовъ*″ [Там же: 58].

В книге Е.Молоховец наблюдаются такие примеры, где глагол НСВ не прерывается обстоятельством времени, а употребляется наряду с общими условиями приготовления блюда:

″Взять 3 ф. говядины и ½ курицы, налить водою, варить, потомъ положить кореньевъ, пряностей, соли, *кипятить на легкомъ огне снимая накипь*″ [Там же: 60].

При анализе обнаруживались варианты использования инфинитивов НСВ, выражающих предельное действие, дляще-

еся до следующего по рецепту события, которое обозначено сочетаниями *пока не* и конструкциями с предлогом *до*, см.:

• ″Бешемель приготовить след: ½ ложки масла, ½ стакана муки вскипятить раза 3-4, развести 1 ½ стаканомъ сливокъ, *кипятить* мешая, *пока не погустееть*, положить кусочками нарезанную отвареную морковь, размешать″ [Там же: 111].

• ″20 артишоковъ очистить, вымыть, залить 3-мя стаканами бульона, положить ⅛ фунта масла, *варить до готовности*, протереть сквозь сито″ [Там же: 71].

• ″Выбрать косточки изъ свежихъ вишень, сложить вишни въ кастрюлю, положить туда же 1 фунтъ телятины, кусочекъ корицы, кардамона, ½ ложки масла, налить бульономъ и *варить* на легкомъ огне *до упрелости″* [Там же: 70].

В поваренной книге Елены Молоховец есть случаи отступления от нормы употребления вида, например, когда перечисление кулинарных действий, выраженных глаголами СВ, завершается инфинитивом НСВ:

″Очистить, нарезать огурцы самыми тонкими ломтиками, посолить, положить ½ стакана или более самой свежей сметаны, уксуса, зелени, перца, размешать, *подавать″* [Там же: 209].

Анализ изучаемых нами англоязычных кулинарных рецептов, где глагол в императиве является основным способом передачи действий по приготовлению блюда, показал, что глаголы в повелительном наклонении выражены общим видом, см.: “*Cut* the slices 1 inch thick, and *season* them with pepper and salt;

butter a sheet of white paper, *lay* each slice on a separate piece, with their ends twisted; *broil* gently over a clear fire, and *serve* with anchovy or caper sauce” [Beeton 1861: 152].

Глаголы повелительного наклонения побуждают к последовательному действию, инструктируя адресата следовать данному порядку. Как и в рецептах Е.Молоховец, кулинарные операции в текстах И.Битон представлены в виде цепочки действий, в которой одно действие является предпосылкой для следующего. В инструктивной части рецептов “The Book of Household Management” обнаруживаются глаголы, не относящиеся к действиям адресата, но используемые в разных видовременных формах, тем не менее, для анализа употребления вида они нерелевантны и не представляют интереса для нашего исследования. Нередко под категорией вида в английском языке понимаются семантические признаки глагола. В этом заключается основное отличие проявления и оценки аспектуальности в русском и английском языках. Фазовость может выражаться, например, при помощи фразовых глаголов и фразовых конструкций, ср.:

- “*Beat up* the yolks of the eggs, add to them the boiling cream; stir these quickly in the soup, and serve immediately.” [Там же: 63].
- “Pound them till they are a mere pulp, and *keep adding* to them, by degrees, a little soup until they are thoroughly mixed together” [Там же: 58].

Как видим, фразовый глагол ‘beat up’ приобретает значение завершенности, а фразовая конструкция keep + причастие 1-го типа, наоборот, подчеркивает длительность процесса. В этом же примере длительность глагола ‘pound’ и сочетания ‘keep adding’ ограничивается временны́м союзом ‘till’ и ‘until’.

Следовательно, общий вид в английском языке в зависимости от семантических признаков глагола, контекстуальных особенностей и грамматических средств способен передавать различные характеристики процесса. Однако отметим, что в рецептах преобладают глаголы с признаком предельности вследствие того, что задача видовременных форм глаголов в рецептах – называть цепочку последовательных законченных действий. Таким образом, в рассмотренных русских кулинарных текстах инфинитивы СВ имеют наибольшее распространение. В английских рецептах чаще всего используется повелительное наклонение глагола, которое выражено общим видом.

Литература

Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): дис. … канд. филол. наук / П.П.Буркова. – Ставрополь, 2004. – 212 с.

Молоховец Е.И. Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Е.И.Молоховец. – СПб., 1866. – 552 с.

Шейфель Н.А. Проблема существования вида в английском языке / Н.А.Шейфель // Записки по германистике и межкультурной

коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В.Юрченко. – Пятигорск, 2012. – Вып.VI. – С.155-160. – Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/6216/1/Sheifel_Problema.pdf (дата обращения 21.10.2021).

Beeton I. The Book of Household Management, comprising information for the Mistress, Housekeeper, Cook, Kitchen-Maid, Butler, Footman, Coachman, Valet, Upper and Under House-Maids, Lady's-Maid, Maid-of-all-Work, Laundry-Maid, Nurse and Nurse-Maid, Monthly Wet and Sick Nurses, etc. etc. – also Sanitary, Medical, & Legal Memoranda: with a History of the Origin, Properties, and Uses of all Things Connected with Home Life and Comfort / I. Beeton. – London: S.O. Beeton, 1861. – P.55-960.

English-Russian dictionary of culinary // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://cook_en_ru.academic.ru (дата обращения 14.10.2021).

Схиртладзе Алина Викторовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81’33

Специфика вербализации ощущений при паросмии и парагевзии после COVID-19: к постановке проблемы

паросмия, парагевзия, перцепция, вербализация ощущений

Постковидный синдром – так врачи называют комплекс осложнений после COVID-19, которые у 10-15% переболевших переходит в хроническую форму. В США уже звучат призывы приравнять данное состояние к инвалидности.

Стала совершенно очевидной ситуация, при которой человек, перенесший ковид относительно легко и достаточно быстро выздоровевший от самой болезни, может иметь крайне неприятные долгосрочные последствия.

Если весной 2020 года весь мир узнал, что характерным симптомом COVID-19 является потеря обоняния (аносмия), то теперь у уже переболевших пациентов все чаще отмечается извращенное восприятие запахов, связанное с нарушением работы обонятельных рецепторов (паросмия), – малоизученное последствие коронавируса, при котором человек вместо привычных запахов начинает чувствовать запахи искаженные, извращенные.

К *нарушениям ощущения запахов* относятся следующие:

1. *Дизосмия* – качественное изменение или искажение восприятия запахов. Существуют следующие разновидности дизосмии:

а) *паросмия* (*тропосмия*) – извращение восприятия обонятельных ощущений, искажение запахов от конкретных вещей

Существуют следующие разновидности паросмии:

– *какосмия* – ощушение неприятного запаха;

– *торквосмия* – ощущение химического, жгучего или металлического запаха;

– *эуосмия* – ощущение приятного запаха.

в) *фантосмия* – обонятельные галлюцинации, воспринимаемые при отсутствии одорантов, улавливание запахов, которых нет.

2. Количественные изменения восприятия запахов:

– *гипосмия* – частичная потеря обоняния, нарушение способности распознавать запахи при сохранении обонятельных ощущений. Предположительно эти нарушения обоняния связаны с вовлечением высших отделов обонятельного анализатора: медиальных отделов височных долей и диэнцефальной области;

– *гиперосмия* – усиление ощущения запахов;

– *аносмия* – полная потеря обоняния, полная неспособность воспринимать запахи, обонятельная слепота, потеря способности обнаруживать один или несколько запахов [Ciurleo 2020].

Нарушения вкуса:

Дисгевзия (*парагевзия*) – общий термин, используемый для обозначения нарушения вкусовой чувствительности, означающий извращение вкуса или вкусового ощущения, качественные нарушения вкусовой чувствительности, способность ощущать вкус, не свойственный данному веществу или группе веществ; качественное отличие вкусового ощущения от тех, которые данное вещество вызывает в норме (т.е. ложное ощущение).

Существует также понятие вкусовых иллюзий или вкусовых галлюцинаций – качественных нарушений вкусовой чувствительности при отсутствии соответствующего раздражения вкусовых рецепторов. При неврологической патологии симптомы парагевзии возникают при повреждении оперкулярной области мозга. Существуют некоторые разновидности дисгевзии:

– *агевзия* – потеря ощущений вкуса, полное отсутствие вкуса;

– *гипогевзия* – ослабление вкусовых ощущений, снижение вкусовой чувствительности, а также диссоциированная гипогевзия, ослабление одного из основных вкусовых ощущений;

– *парагевзия* – ошибочное восприятие одного вкусового ощущения вместо другого;

– *фантагевзия* – ощущение того или иного вкуса наблюдается без явных физических причин, при отсутствии соответствующего раздражения вкусовых рецепторов [Xiangming 2020].

Полная потеря запаха и вкуса являются отличительными симптомами коронавирусной инфекции. Большинство людей с

полной потерей обоняния (аносмией) из-за COVID-19 обнаруживают, что работа их органов чувств со временем приходит в норму. Однако в некоторых случаях обоняние и вкус возвращаются, но в искаженном виде, то есть они испытывают паросмию и парагевзию после перенесенного заболевания.

Обонятельная дисфункция, связанная с инфекцией COVID-19, вызывает особый интерес, поскольку, как правило, возникает изолированно от ″назальных симптомов″. В отличие от постинфекционного обонятельного расстройства, возникающего после инфекции верхних дыхательных путей, у пациентов с COVID-19 лишь в редких случаях развиваются клинические проявления ринита в виде нарушения носового дыхания, повышения назальной секреции [Крюков 2020].

В отсутствие полной объективной оценки запаха и назендоскопии (противопоказано в данной ситуации) точная этиология этого синдрома остается неустановленной. Две возможности кажутся вероятными: синдром обонятельной расщелины с обструкцией обонятельной слизистой оболочки и ″проводящей″ потерей, или синдром поствирусной аносмии с прямым инфицированием обонятельной слизистой оболочки и разрушением обонятельных сенсорных нейронов: ″невральная″ потеря [Hopkins 2020].

Эти синдромы имеют разные исходы: при синдроме обонятельной расщелины можно ожидать относительно быстрого возвращения нормального обоняния с исчезновением любых других назальных симптомов, в ″невральном″ случае выздо-

ровление будет продолжительным и с более высокой вероятностью стойкого обонятельного дефицита.

Наше исследование заключается в изучении особенностей вербализации паросмических и парагезвических ощущений. Современные исследования в области лингвистики предполагают возможность анализа положительных и отрицательных ощущений человека с учетом новейших исследований в области языка.

Процесс определения человеком собственных ощущений проходит через этап восприятия. Если рассматривать слово в качестве носителя понятий, то следует указать, что слово как элемент импрессивной и экспрессивной речи будет реализовываться через взаимодействие двух составляющих, а именно через эмоционально-образные компоненты и систему логических связей. То есть при назывании и восприятии слов активизируется процесс определения системы связей, которые считаются сложной матрицей в системе логических значений [Лурия 2006: 262]. Исследование данной системы связей в описании ощущений, связанных с искаженным обонятельным и вкусовым восприятием после COVID-19, до сих пор не проводилось, тогда как оно имеет высокую практическую значимость (результаты могут использоваться в клинической практике).

Методом сплошной выборки мы отобрали 250 описаний ощущений людей, которые страдают паросмией и парагевзией, и классифицировали полученные результаты следующим образом:

1) ***недифференцированные ощущения***: запах неприятен, но человек затрудняется с описанием, определяя его как ˝вонь˝, ˝вонизм˝, ˝нечто мерзотное˝, ˝отвратительный˝ и т.д.:

…Я заболела коронавирусом в конце сентября, без пневмонии, но с потерей обоняния. Запахи пропали на две недели полностью, затем потихонечку начали возвращаться, но не все. К началу января я стала чувствовать что-то странное: неприятные незнакомые запахи вперемешку с ***вонью****, которой на самом деле не было…˝*

…Ты входишь в подъезд, и уже становится плохо, потому что чувствуешь запах еды. Я не могу есть мясо, молочку, часть овощей, а ем только зелень, некоторые фрукты, соленую рыбу и крупы, и то не все: от овсянки — ***вонь****, от гречки — нет, макароны — через раз˝.*

Ищу запах, который даже не могу описать, его в природе не существует.

2) ***запахи и вкусы сравниваются с продуктами питания***:

а) ***лук – самое частотное сравнение***. Люди жалуются на запах лука от всего вокруг:

Я и люди вокруг пахнут ***луком****.*

Меня преследует запах ***лука*** *везде, я не пойму, откуда он исходит.*

Вот, например, ноты цитруса в вине для меня стали ***протухшим луком****.*

Всё началось с парикмахерской. Мне показалось, что ру-

ки мастера, который делает мне стрижку, пахнут ***жареным луком****.*

После болезни никак не могу избавиться от навязчивого запаха немытого тела, ***пот пахнет подгнившим луком*** *(простите за подробности).*

б) ***тухлое мясо, мертвечина, гнилая плоть – второе по частности сравнение***:

Собственный пот, яйца, курица, лук, зеленый чай, цитрусы — все они пахнут ***протухшим луком и мертвечиной***.

*Моча и кал тоже имеют сильный запах, который она описывает как ˝****сладко-гнилостный****˝.*

Кокос пахнет как ***старое сало****.*

в) ***гнилые овощи (кроме лука)***:

Я поняла, что это она, когда мне начало казаться, что мясо стало на вкус, как ***гнилой сельдерей****. Затем так стали пахнуть курица, мясо, яйца*.

У меня газированные напитки все мерзкого вкуса. От всей кока-колы привкус какой-то ***странной травы****. А все остальное со вкусом* ***подгнившего картофеля, который лежит в металлическом ведре***.

3) запахи и вкусы сравниваются с ***отходами, помоями, экскрементами***:

*Вот уже три месяца для меня ˝****воняют****˝ все мясные блюда и молочные продукты. Особенно воротит от запаха сметаны. Яйца тоже* ***воняют сероводородом****. Ещё*

*˝**воняют**˝ лук и чеснок, тоже чем-то **тухлым и ужасно едким.***

*По продуктовым магазинам ходить невозможно, складывается ощущение, что **находишься на мусорной свалке**, готовить пищу стало просто невыносимо.*

4) *запахи и вкусы сравниваются с **химическими веществами***:

а) ацетон, бензин:

*Вкус мяса, чеснок, зубная паста, яйца, сметана – все это на данный момент вызывает странный привкус **то ли ацетона, то ли бензина***.

б) антисептик, санитайзер:

*Невозможно ездить в лес. Чем лучше там воздух, тем сильнее запах **санитайзера**. Ты им дышишь, и такое ощущение, что ты его даже ешь. Причем это самого **дешевого санитайзера запах, очень бюджетного**.*

в) мыльный раствор:

***Мыльным раствором** пахнут кефир, творог.*

г) шины, промышленные отходы, гарь:

*А вот кофе не могу. **Как будто шину заварили**.*

*Я думал, это на улице так **воняет**, потому что **у нас в городе много заводов.** Через день этот же запах появился уже в еде, с тех пор не могу нормально поесть.*

*В один прекрасный день я вышел на улицу и почувствовал **запах гари**. Тогда я не придал этому значения, решил,*

что это обоняние вернулось. Кроме ˝дымка˝ на улице, меня преследовал ***запах выхлопных газов от машин****.*

Запах гари и автомобильных выхлопов *превратился за это время в практически постоянное* ***ощущение химической горечи*** *в носоглотке.*

ж) духов, парфюмерии:

Сигаретный дым стал отдавать сладкими ***женскими духами*** *– такими* ***тонкими, терпкими, слишком терпкими***;

Более-менее всё остальное пахнет ***ветивером****, включая средство для мытья посуды и новые журналы*.

з) ладана:

А с прошлой недели меня на улице преследовал запах ***ладана — такого европейского, холодного, церковного****, как у Etro, пока какой-то сохранившийся краешек мозга не догнал, что это результат конвертации аромата тополиных почек*.

3) **комплексные ощущения**:

…У меня запахи изменились: мясо, мясные изделия, чипсы, яйца, креветки, орехи для меня на вкус как ***жареный скисший протухший лук вперемешку с жженым пластиком и гнилой плотью****. И все это* ***маринованное в бензине***.

Мясо пахнет, как ***мертвечина с запахом резины****, молоко — какой-то* ***скисшей вонью***.

Я не пошла к врачу: не знала, что говорить, и к какому именно специалисту идти. Просто терпела эту ***вонь. Гниль с чем-то сладким***.

*Пот пах **луком**, мясо и кофе — **сладкой гнилью**, крепкий алкоголь — **ацетоном**.*

*Я могла общаться с человеком, и вдруг мне начинало казаться, что от него **воняет школьной столовкой**. Ну вот такой специфичный запах — **пахнет макаронами с котлетами вперемешку с выпечкой**.*

*Специфический запах от жены типа **лука, чеснока или тухлятины, в общем, своеобразный**. Доходило до ссор из-за этого, не мог спать с ней рядом. Думал, проблема в ней, но временами этот запах начал чувствовать и от других людей.*

*…и это ужасно отвратительно — смесь чего-то **тошнотворно сладкого и пережаренного**.*

*Все пахнет **сырой землей** и на вкус как **дождевые черви**. Мыло и духи на запах как **рвота**, кофе на запах как **тухлое полотенце**. Так уже полгода, все **отвратительное**.*

Метафорические и метонимические переносы, процедуры сравнения представляют собой когнитивные аналоги сенсорных и логических процессов, происходящих в сознании человека в момент номинации. Нашей задачей является изучение этих переносов, конечной целью – выявление лингвистических особенностей вербализации паросмических и парагевзических ощущений и формирование перечня вербальных дескрипторов, которые могут быть использованы врачами общей практики и другими специалистами в работе с пациентами, страдающими от постковидных нарушений.

Литература

Крюков А.И. Нарушение обоняния у больных COVID-19: механизмы и клиническое значение / А.И.Крюков, А.А.Казакова, А.Б.Гехт // Вестник оториноларингологии. – 2020. Vol. 85. Issue 5. – Pp.93-97.

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р.Лурия. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.

Hopkins C. Early recovery following new onset anosmia during the COVID-19 pandemic — an observational cohort study. Version 2. / C.Hopkins, P.Surda, E.Whitehead, B.N.Kumar // Otolaryngology Head and Neck Surgery. – 2020. – Vol. 49. Issue 1. – P.26.

Xiangming M. COVID-19 and anosmia: A review based on up-to-date knowledge / M.Xiangming, D.Yanzhong, D.Zhiyong, M.Zhisheng // American Journal of Otolaryngology. – 2020. – Vol. 41. Issue 5. – 102581.

Суфиева Роза Рустамовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н.Туполева – КАИ
УДК 81’33

Взгляд на проблему классификации периодических изданий рекламного характера с позиций ономатологии

рекламная пресса, реклама, типология печатных СМИ, гемеронимы

В современной ономатологии растет интерес к периферийным разрядам онимов, к числу которых относятся и гемеронимы – названия газет и журналов, радиопередач и телеканалов. Нас интересуют названия периодических изданий рекламного характера. Представляется, что исследование данной группы гемеронимов следует начать с обоснования возможности выделения их в отдельную группу периодики и их классификации, т.е. обращением к работам исследователей из смежной с лингвистикой научной дисциплины – журналистики.

В современных работах по типологии СМИ ([Абовян 2014, Мельникова 2014, Шкондин 2009, Тулупов 2011, Пугачёв 2014] и мн. др.) существуют самые разные подходы к систематизации и классификации периодических изданий. Вместе с тем ученые практически единодушны в том, что рекламная периодика занимает особое место в системе СМИ. На законодательном

уровне статус данных изданий определяется Федеральным законом ˝О рекламе˝ от 13.03.2006 № 38-ФЗ [Федеральный закон ˝О рекламе˝: электронный ресурс]: рекламным признается периодическое издание, которое специализируется на сообщениях и материалах рекламного характера и в выходных данных которого содержится информация об этом. Заметим, однако, что статус рекламного периодического издания в данном законе не имеет однозначного толкования, вследствие чего на практике возникает неопределённость. Такого рода неопределенность нередко поддерживается издателями искусственно, так как отнесение газеты или журнала к рекламному изданию имеет конкретные экономические последствия: от этого зависит сумма налога на прибыль и НДС, применяемый к данному изданию [Шкондин 2009: 223]. В работе для обозначения указанной группы газет и журналов используется термин ˝издания рекламного характера˝, что позволяет нам анализировать газеты и журналы собственно рекламного характера и издания смешанного характера, например, рекламно-информационные, а также снять некоторые противоречия, которые встречаются в работах авторов, не различающих собственно рекламные издания и рекламно-информационные (см., например: [Пугачёв 2014]).

На данный момент в научной литературе нет единой классификации периодических изданий, относимых к рекламному типу. Так, В.А.Мельникова выделяет такие подтипы, как бесплатная универсальная рекламная пресса, оптово-розничные

бюллетени, специализированные бюллетени, специализированные рекламные журналы, рекламно-информационные издания, корпоративные каталоги, справочники, газеты частных объявлений, рекруитерские издания. Учёный отмечает, что два последних подтипа занимают пограничное положение, так как по характеристике близки к рекламным, но отнесение их к таковым ограничено на законодательном уровне [Мельникова 2014: 111-112]. Также к рекламной периодике относятся и журналы, публикующие информацию о знакомствах [там же].

А.В.Абовян подразделяет рекламные газеты на следующие подтипы: ″рекламные массовые газеты бесплатной доставки″, ″информационно-рекламные телепрограммы″, ″рекламные издания для потребителей как универсального содержания, так и по отдельным рынкам″, а рекламные журналы делит на ″презентационно-рекламные издания, специализированные рекламные издания, деловые рекламные журналы″ [Абовян 2014: 17].

В.И.Пугачёв предлагает различать подтипы: рекламно-информационные газеты, платные (газеты частных объявлений, рекруитерские) и бесплатные газеты (с универсальными платными объявлениями, специализированные издания), справочники, рекламные и рекламно-информационные глянцевые журналы, шопинг-гиды и сити-гиды [Пугачев 2014: 163].

В.В.Тулупов выделяет три группы: рекламные, рекламно-информационные, информационно-рекламные [Тулупов 2011: 87]. М.В.Шкондин отмечает, что определились рекламные, ре-

кламно-информационные периодические издания, газеты и журналы по оптовой торговле [Шкондин 2009: 225, 228].

Как видим, единой общепризнанной типологии печатной периодики рекламного характера на сегодняшний день нет. Вместе с тем в большинстве из рассмотренных классификаций учитывается характер содержания рекламного периодического издания – универсальный или специализированный. Данный признак, на наш взгляд, является основополагающим, так как содержательное наполнение газеты или журнала рекламного характера определяет целевую читательскую аудиторию, уточняет общую интенциональную направленность издания, а следовательно, оказывает влияние (или должно оказывать влияние) на процедуры выбора его имени (гемеронима).

Универсальные периодические издания рекламного характера можно охарактеризовать как содержащие разную рекламную информацию и адресованные широкому (неопределённому) кругу лиц, а специализированные издания – как рекламную периодику, в которой публикуется тематическая реклама, адресованная определённой целевой аудитории. (Заметим, что газеты платных и бесплатных объявлений, которые некоторыми исследователями выделяются как отдельный подтип, могут быть распределены в указанные две группы.)

При рассмотрении специализированных периодических рекламных изданий представляется необходимым учитывать конкретную предметно-тематическую направленность отдельных групп газет и журналов, так как, например, потребитель-

ские товары и товары промышленного назначения будут рекламироваться по-разному. Соответственно, и сами рекламные издания будут иметь определенные отличия, различаться будут и принципы их наименования. На этом основании мы предлагаем различать специализированные периодические издания рекламного характера: 1) содержащие рекламную информацию о потребительских товарах и услугах для широкой аудитории и 2) публикующие информацию о товарах и услугах промышленного назначения (профессиональную рекламную информацию). Целевая аудитория таких изданий кардинально отличается, соответственно, различаются и задачи рекламной коммуникации, способы и методы распространения изданий, внутренняя структура, объем, жанровое своеобразие, графическое оформление, тираж и периодичность и, следовательно, также и специфика его именования.

Литература

Абовян А.В. Рекламные издания: исторический и типологический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В.Абовян. – Ростов-на-Дону, 2004. – 28 с.

Мельникова А.В. Особенности функционирования рекламного издания на региональном медиарынке (на примере журнала ″Торговля и производство Белгородской области″) / А.В.Мельникова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014. – №26(197). – Т.24. – С.110-118.

Пугачев В.И. Динамика типологии нижегородской прессы (1991-2013): дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / В.И.Пугачев. – Нижний Новгород, 2014. – 274 с.

Тулупов В.В. Реклама: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов˝ / В.В.Тулупов; под ред. В.В.Тулупова. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. – 400 с.

Федеральный закон ˝О рекламе˝ от 13.03.2006 № 38-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 01.10.20)

Шкондин М.В. Типология периодической печати: учеб. пособие для студентов вузов / М.Е.Аникина, В.В.Баранов, О.А.Воронова и др.; под ред. М.В.Шкондина, Л.Л.Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 236 с.

Ши Даньдань
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'342.9

Интонационный аспект изучения русской речи у китайцев

русская интонация, параметры интонации, речь китайцев, интонационные конструкции, эмоциональная функция

Данная статья посвящена исследованию интонационного аспекта изучения русской речи у китайцев.

Русская интонация является одной из основных проблем в фонетическом обучении русскому языку. Аспекты изучения речи представляют немалый интерес в формировании базы фонетических знаний в процессе подготовки филолога-русиста. Обучение основам интонации русского языка может улучшить языковые навыки учащихся любого уровня, что позволит им плодотворно развивать базовые коммуникативные навыки в аудировании, говорении, чтении, письме.

Русская интонация может служить показателем уровня освоения русской речи у китайцев вследствие системного различия языков, а также той роли, которую она выполняет в рамках речевой деятельности, оформляя и структурируя ритмо-смысловые отношения в тексте. Она играет очень важную роль в общении людей. Но научиться верно интонировать – непростая задача, и в процессе обучения студенты всегда будут сталкиваться с проблемами.

Традиционно интонационный аспект предполагает описание системы просодических параметров, которые формируют так называемый феномен интонации, а также функции и типы интонации, которые чрезвычайно важны для раскрытия сущности интонации как таковой. Как правило, в этом случае говорят о совокупности просодических параметров: мелодика, тембр, длительность, интенсивность, пауза.

Каждый из этих параметров имеет дробную классификацию, например, мелодика включает в себя высоту тона, скорость изменения высоты тона, направленность изменения тона, диапазон и т.п. Выявить это в речи на неродном языке сложно, но в целом они раскрывают степень фонетической интерференции, преодоление которой будет свидетельствовать о глубине и совершенствовании выработанного фонетического знания.

Интонация организует речь фонетическим образом, это средство выражения различных синтаксических значений и категорий, а также выражений и эмоций [Бородулин 1998: 4-5].

Стоит отметить, что терминологический аппарат русской интонации последовательно и детально рассмотрен в ряде работ российских фонетистов, таких как Н.Д.Светозарова, Л.В.Златоустова, Т.М.Николаева и др.

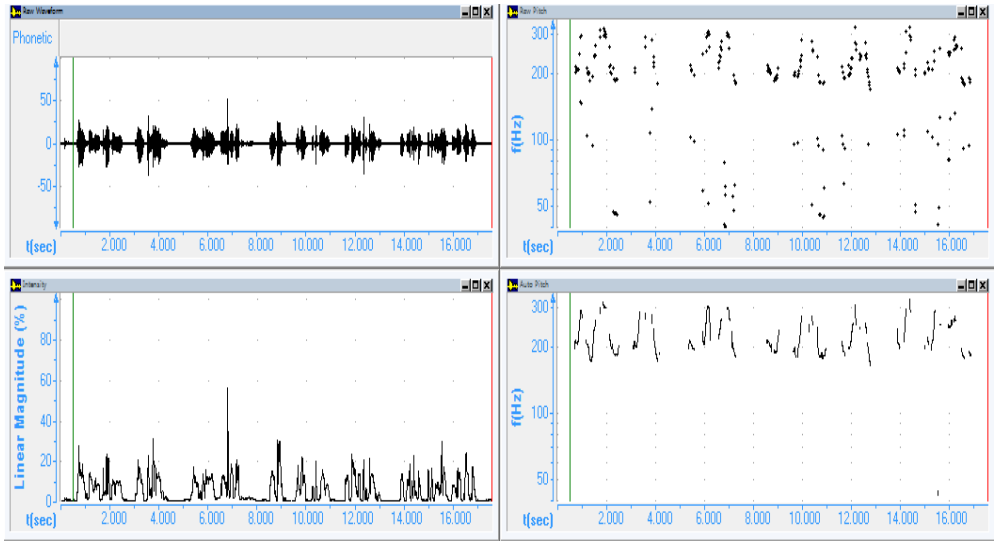
Что касается вопросов классификации функций интонации, то здесь также важно упомянуть существующие в лингвистике концепции. Чешский лингвист Ф.Данеш выделяет коммуникативную, сигнализирующую, модальную и эмоциональную

функции [Danes 1960: 34-35], Л.К.Цеплитис – семантическую, синтаксическую и стилистическую [Цеплитис 1974: 204], Л.Р.Зиндер – коммуникативную и эмоциональную [Зиндер 1979: 268], И.Г.Торсуева – коммуникативную, экспрессивную и эмоциональную [Торсуева 2009].

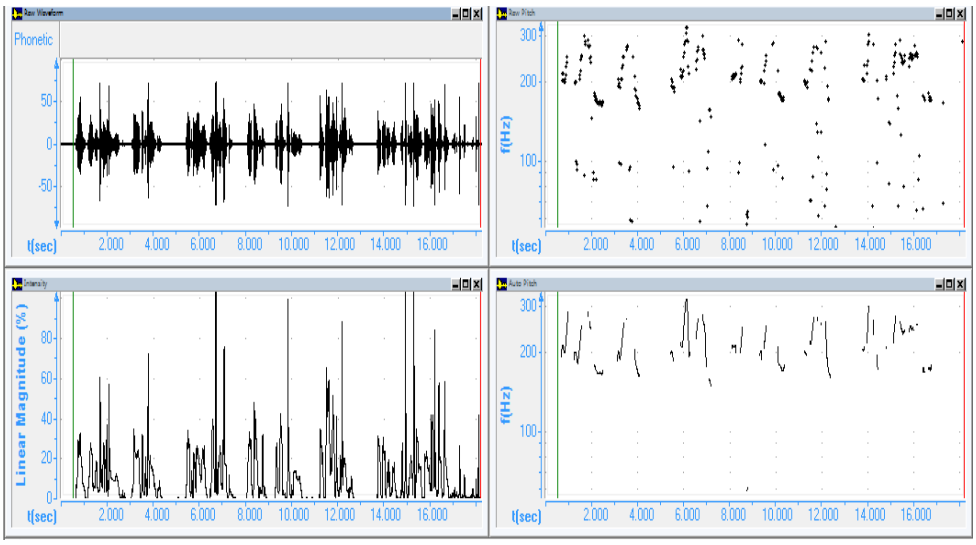
Самые показательные функции для русской речи китайцев – это коммуникативная, экспрессивная и эмоциональная. Попытаемся это рассмотреть с использованием экспериментальных методов, в частности программы Speech Analyzer, с помощью которой мы проводим свое исследование. Нами были сделаны следующие аудиозаписи:

ИК-1. Дикторы.

Я| живу в Харбине./ Я аспирант./ Я изучаю| русский язык./ Мой друг| живёт в Пекине./ Он тоже аспирант./ Он учится| в Пекинском университете./



ИК-1 китайские дикторы: ˝Я| живу в Харбине./ …Он учится| в Пекинском университете.˝



ИК-1 русские дикторы: ˝Я| живу в Харбине./

…Он учится| в Пекинском университете.˝.

ИК-3. Дикторы.

– Это концерт? Сяоли| на концерте?/

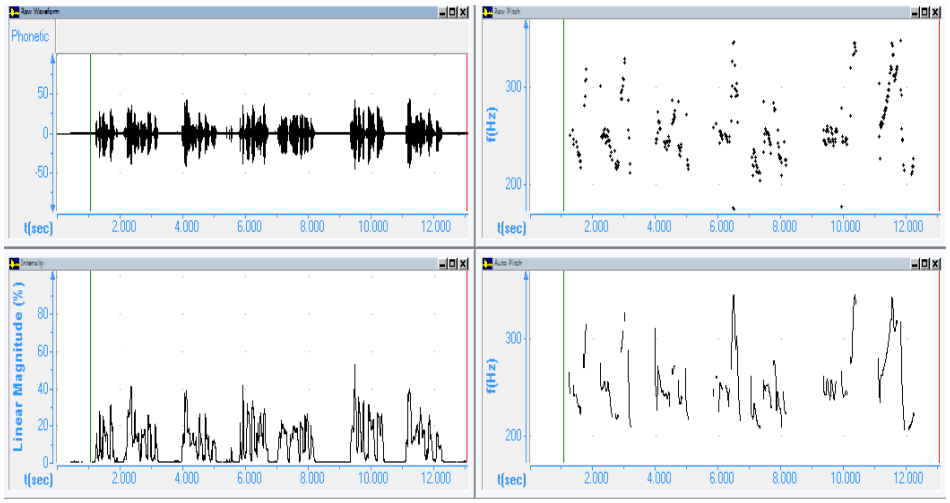
– Да|, он на концерте./

– Это твоя подруга?/

– Да|, это моя подруга./

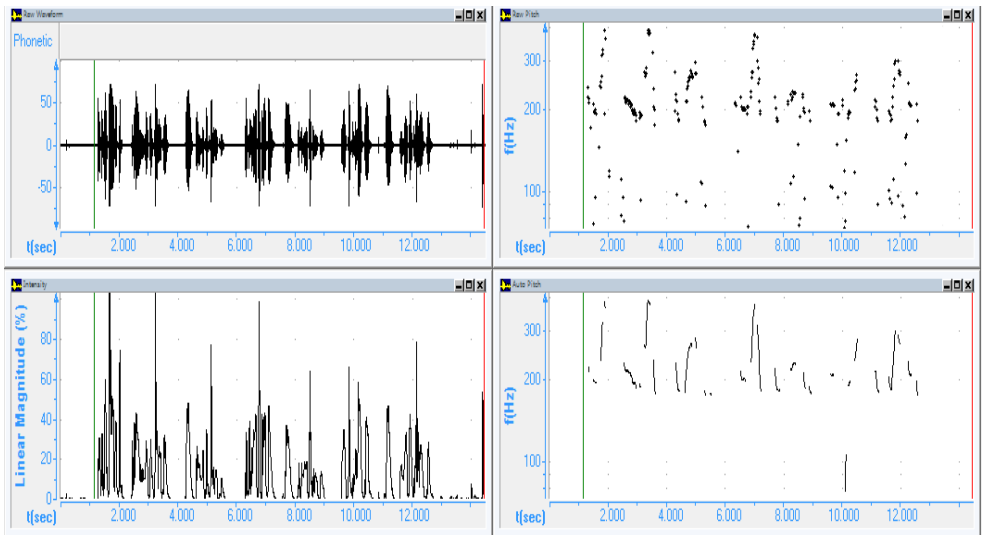
– Её зовут Сяофан?/

– Да|, меня зовут Сяофан./



ИК-3 китайские дикторы: ˝Это концерт?

… Да, меня зовут Сяофан.˝.



ИК-3 русские дикторы: ˝Это концерт? …

Да, меня зовут Сяофан.˝.

Сравнительный анализ экспериментальных данных визуально позволил отметить, что китайские дикторы четко не разделяют ИК-1 и ИК-3, что может проявиться в виде монотонии; резкие изменения кривой мелодики свидетельствовали бы о способности говорящих более успешно выделять подтипы коммуникативной классификации интонации, а это, в свою очередь, говорило бы о навыках освоения функциональной интонационной стратегии.

Тем не менее, в общении людей тон китайского чтения может выражать коммуникативные и экспрессивные функции, но по сравнению с русскими эмоциональная функция реализована недостаточно ярко, а отсутствие эмоций в основном отражается в интонации. Основная причина в том, что мелодика не дополняется интенсивностью, одним из просодических параметров, отвечающих за эмотивность в речи. По мнению

Э.А.Нушикян, интонация – одно из основных средств передачи эмоционального смысла в русской речи [Нушикян 1986: 50].

Таким образом, китайцы должны овладеть основной системой ИК, формальными показателями компонентов и умением их структурировать в процессе порождения речи для передачи смысловых отношений. Выработать навыки интонационной выразительности речи успешней всего можно на базе типологии текстов разной стилевой направленности.

Литература

Бородулин В.И. Иллюстрированный энциклопедический словарь / В.И.Бородулин и др. – М.: Аутопан, 1998. – 892 с.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика / Л.Р.Зиндер. – М.: Высшая школа, 1979. – 311 с.

Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи / Э.А.Нушикян. – Киев-Одесса: Вища школа, 1986. – 160 с.

Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания / И.Г.Торсуева. – М., 2009. – 112 с.

Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации / Л.К.Цеплитис. – Рига: Зинатне, 1974. – 272 с.

Danes F. Sentence intonation form a functional point of vuw word / F.Danes. – 1960. – Vol.16. – №1. – P.34-35.

.

Юдина Александра Олеговна
Диярова Инна Вильевна
Паткина Надежда Владимировна
Кузьмина Светлана Александровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 376

Применение психолингвистического подхода в оценке уровня развития речи детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра

психолингвистический подход, нарушения речи, дошкольники, расстройства аутистического спектра

В процессе воспитания и обучения детей с расстройствами аутистического спектра требуется специальный подход. Обучающий процесс должен быть выстроен тщательно и последовательно, необходимо учитывать особенности ребенка и его непосредственные нужды. Традиционные методы оценивания уровня речевого развития бывают часто неэффективны по причине совокупности расстройств в восприятии речи и нарушенного поведения. В данной статье представлена характеристика психолингвистического подхода к оценке уровня развития речи детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра.

Процесс построения коррекционной деятельности с использованием психолингвистического подхода не так давно

применяется на практике. В отечественных трудах психолингвистику связывают с именами таких выдающихся учёных, как Л.С.Выготский, В.П.Глухов, А.А.Залевская, В.А.Ковшиков, А.А.Леонтьев, А.Р.Лурия, Т.В.Ахутина, Л.В.Сахарный и др. [Калугина 2020: 188].

При исследовании и коррекции системных речевых нарушений широкое использование приобрели материалы психолингвистики, которые базируются на учении о структуре речевой деятельности, об операциях восприятия и порождения речевого высказывания (А.Р.Лурия, Л.С.Выготский, А.А.Леонтьев, Т.В.Ахутина) [Щербакова 2010: 1].

Процесс формирования речевого высказывания состоит из пяти взаимосвязанных и последовательных фаз. У детей с РАС чаще всего является несформированной функция программирования высказывания. Уже на этапе формирования замысла у детей могут возникнуть трудности с потребностью сформулировать или передать какую-либо информацию. Данное нарушение характеризуется тем, что дети с РАС могут без осмысления повторять длинные предложения, не умея применить отдельно слова из данных предложений в нужном контексте [Гусева 2020: 229].

Трудности на более сложных уровнях у детей с РАС возникают в области понимания фразы и ее конструирования во внутреннем плане. Причинами возникновения данного дефицита у детей с РАС являются: недостаточный объем слухоречевой памяти, дефицит глаголов в словарном запасе, сложность,

возникающая при различении вопросительных слов, нарушение структурного анализа фразы.

Так как речь является главным каналом коммуникации, а основным дефицитом ребенка с РАС является нарушение социального взаимодействия и коммуникации, следовательно, речевое развитие чаще всего страдает вторично [Гусева 2020: 229].

Благодаря психолингвистическому подходу можно детально изучить механизмы имеющегося у ребенка с РАС речевого нарушения, уточнить структуру дефекта.

Научно-теоретическими предпосылками методики, предложенной Р.И.Лалаевой, являются современные психолингвистические представления об организации процесса речи.

Методика включает в себя исследование ˝глубинных˝ синтаксических структур, семантических отношений, которые характеризуют структуру высказывания, а также характер и способности перехода к ˝поверхностным˝ синтаксическим структурам. Она направлена на изучение речевых нарушений различного генеза. Исследование по данной методике включает анализ следующих процессов:

1) Внутреннее программирование связных речевых высказываний.

2) Внутреннее программирование отдельных речевых высказываний.

3) Грамматическое структурирование и лексические операции.

4) Сенсомоторные операции речевых высказываний.

5) Языковой анализ и синтез.

При обследовании речевых нарушений по представленной методике анализируются процессы речеобразования.

По Л.С.Выготскому, в психолингвистическом исследовании анализ производится не по отдельным элементам, а по единицам, где под единицей считается психологическая операция. Образуется более сложная деятельность, в которой построение речевого высказывания складывается из динамической организации операций в сложные речевые действия [Лалаева 2004: 5].

Таким образом, психолингвистический подход доказывает свою эффективность в оценивании уровня речевого развития детей с РАС дошкольного возраста. Он может быть успешно использован в диагностической работе. Это позволит специалисту более качественно организовать коррекционную работу с учётом индивидуальных характеристик речевых нарушений.

Литература

Гусева Н.Ю. Формирование функции речевого программирования у детей с расстройствами аутистического спектра посредством компьютерных технологий / Н.Ю.Гусева. – Нижний Новгород: Эпоха науки, 2020. – С.228-230.

Калугина Л.А. Психолингвистический подход: сущность структура / Л.А.Калугина, А.Ю.Чистобаева. – Новосибирск: Вопросы педагогики, 2020. – С.188-193.

Лалаева Р.И. Методика психолингвистического исследования нарушений устной речи у детей / Р.И.Лалаева. – М., 2004. – 72 с.

Щербакова О.А. Психолингвистический подход к обследованию речи детей дошкольного возраста с речевой патологией [электронный ресурс] / О.А.Щербакова. – 2010. URL: https://urok.1sept.ru/articles/570909 (дата обращения: 30.10.2021). – Текст электронный.

СОДЕРЖАНИЕ

Агеева Ю.В., Бидеркесен Д. На войне как на войне: лексика военного дела в период пандемии 3

Агилар-Валера Х.А. Специфическое расстройство речи: клинические характеристики 9

Бакшаева А.А. О так называемых охридско-преславских лексических парах в Федоровском II паримейнике (к интернет-изданию рукописи) 13

Барамыкова Г.М. Хронотоп художественного произведения (на материале английской и русской художественной литературы)..... 21

Баранов В.А., Гнутиков Р.М. Параллельный корпус списков славянского Паримейника: демонстрация 28

Биазио М. Агентивность, контроль, контролируемость. 36

Верняева Р.А. Коллокации с компонентом *створити / сотворити (сътворити)* в русских летописях XIV–XV вв. 43

Вильданова Г.А. Гибридные авторские неологизмы в переводе..... 50

Вольская Ю.А. Создание базы данных слов со степенью конкретности: признаки абстрактных существительных 55

Gagariva V.R., Sheinina D.P. Advantages and disadvantages of foreign words in modern life 62

Galiuk A.A. The synonymous verbs *to bring up* and *to raise* in Russian: cognitive and discourse approach 70

Гамирова Р.Г., Гамирова Р.Р. Особенности неврологического статуса и ЭЭГ у детей с расстройствами аутистического спектра. 76

Горобец Е.А., Руль Н., Горобец В.И., Мустакова Т.П., Бударина Н.О. Исследование восприятия речи у детей с помощью нейролингвистической батареи BVL_RU 82

Daiber T. Emblematic style. The concept ″house″ in the Ukrainian and the Russian Gospel translation 88
Духовная Т.В. Метод мультимодального анализа кинодискурса..... 95
Есин О.Р. Опыт применения ″Опросника алекситимии для детей″ у подростков с головной болью напряжения..... 100
Жолобов О.Ф. О грамматической и лексической вариативности в древнеславянских списках паримейника 106
Zainakova A.E. Lexico-semantic and stylistic features of modern fashion blogs..... 114
Иванова О.А., Грязнова А.Н., Курова Н.В., Салахова А.Р. Эмоционально-смысловой подход как метод коррекции расстройств аутистического спектра 119
Колчевская В.А. Туристический интернет-дискурс: аспекты персуазивноости 125
Кочурова С.В. Композиты в русском языке в сопоставлении с немецким..... 132
Куликов Л.В., Потапова Ю.В., Малёнова А.Ю. Использование молодежью пиктограмм-эмодзи для обозначения позитивных эмоциональных состояний в сетевой коммуникации..... 137
Комарова С.Н., Нигматуллина И.А., Юрикова Е.Д. Обзор технологий альтернативной коммуникации в коррекции расстройств аутистического спектра: психолингвистический подход 144
Коробьина Ю.О., Набиуллина Р.Р., Сабирзянова Э.Х., Паткина Н.В. Особенности речевого развития у детей дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра 151
Кульшарипова Р.Э. Антропоцентризм прикладной фонетики: идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ. 159
Курбанова З.Р. Семантические разновидности отложительных глаголов в русском языке. 163

Литвина Т.А. Изучение памятников древнерусской словесности в свете идей, заложенных И.А.Бодуэном де Куртенэ 167
Мамонтова А.В. Формирование словаря вариантов как часть разработки программы автоматического создания сводного словаря 173
Мольков Г.А. Орфография аффрикат **ц** и **ч** в почерках Лазаревского паримейника. 180
Новак М.О. Лексические заимствования и эквиваленты в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. (на материале электронной коллекции ″Манускрипт″). 186
Новикова А.М. Конструирование фрейма Discrimination в американском медиадискурсе 191
Нуруллина Г.М., Будёнина О.Ю., Халиуллин А.А. Текст-миниатюра как средство развития связной речи учащихся 198
Ошанова Е.С. Характеристика метасмысловых высказываний с модальными частицами и их коммуникемно-прагмемные смыслы 204
Пентковская Т.В. Коран в печатном издании 1716 года: первоначальный перевод и редактура 210
Пенькова Я.А. Конструкции с инхоативами в среднерусской письменности и их распределение в регистрах письменного языка. 217
Петрова А.А. Информационный потенциал словаря рифм поэзии Е.А.Баратынского. 225
Попов М.Б. Отражалось ли дифтонгическое или монофтонгическое происхождение ятя в древнерусских рукописях? 232
Степанова Л.Р. Видовременные формы глаголов наименования технологических операций в кулинарных рецептах 241

Схиртладзе А.В. Специфика вербализации ощущений при паросмии и парагевзии после COVID-19: к постановке проблемы 248
Суфиева Р.Р. Взгляд на проблему классификации периодических изданий рекламного характера с позиций ономатологии..... 259
Ши Даньдань. Интонационный аспект изучения русской речи у китайцев 265
Юдина А.О., Диярова И.В., Паткина Н.В., Кузьмина С.А. Применение психолингвистического подхода в оценке уровня развития речи детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра 271

Научное издание

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика

Международная конференция

(VIII Бодуэновские чтения)

Казанский федеральный университет

17–20 ноября 2021 г.

Труды и материалы

Том 1

Подписано в печать 15.11.2021. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура ″Arial″. Усл.-печ. л. 17,5. Тираж 100 экз.
Заказ №128-1/11.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского (Приволжского) федерального
университета
420008, Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.
Тел. (843) 233-73-59.